Я.Г.Солодкин

ЗАРОЖДЕНИЕ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. прел. выдач. _____

19/XI- [illegible]	2012
2006	30.03-51865
22/06-5236	
2009	
3/03- 51111	
2010	
14.03-00070	
2011	
20.04-56485	

ОБЯЗ
ЭК

63.2
С 60

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Я.Г.Солодкин

ЗАРОЖДЕНИЕ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Монография

BIS NIZHNEVARTOVSK
1931441060

Нижневартовское
МУ "БИС"
инв. № 125237/1 - 1 - КО.

Нижневартовск
Издательство Нижневартовского
педагогического института
2005

Обязательный
экземпляр
ИНВ.№ 340 +

ББК 63.211
С 60

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижневартовского государственного педагогического института

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Г.Е.Корнилов*
доктор исторических наук, профессор *Е.В.Петров*

Солодкин Я.Г.
С 60 **Зарождение сибирского летописания: Источниковедческие очерки:** Монография.— Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2005.— 109 с.

ISBN 5–89988–219–0

В монографии рассматривается комплекс проблем раннего сибирского летописания, длительное время являющихся дискуссионными. Исследуются происхождение Есиповской летописи, Погодинского летописца, роль первого тобольского архиепископа Киприана в становлении русской книжной культуры в Сибири.

Монография предназначена научным работникам, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, всем интересующимся отечественной историей времени Позднего Средневековья.

ББК 63.211

ISBN 5–89988–219–0

© Солодкин Я.Г., 2005
© Издательство НГПИ, 2005

ВВЕДЕНИЕ

XVII век в истории книжной культуры России отмечен, в частности, становлением сибирской летописной традиции — одной из самых богатых и разнообразных.

Ее возникновение тесно связано с учреждением тобольской архиепископии. В 1621/22 г., «во второе лето» «святительства» «первопрестолъника» нового Софийского дома Киприана Старорушанина, появляется «написание» (далее — Н) о «взятии» «Кучумова царства», сочиненное ветеранами экспедиции за «Камень», с которой началось включение сибирских земель в состав Московского государства. По инициативе Киприана, даже скорее всего им самим, не позднее февраля 1624 г. создается Синодик «ермаковым казакам» (далее — С), предназначенный для их поминовения в соборной церкви Тобольска. С вторичной редакции, восходящий к Н, стал источником Основной редакции Есиповской летописи (далее — ЕЛ) (1636 г.) и Строгановской летописи (далее — СЛ) (видимо, того же десятилетия). Нередко считается, что Повести о Сибири и о сибирском взятии Саввы Есипова — дьяка трех кряду тобольских владык — предшествовала какая-то более краткая летопись, сложившаяся в стенах недавно учрежденного архиерейского дома. Две пространные статьи о завоевании «дружиной» Ермака татарского «юрта» открывают Новый летописец (далее — НЛ) редакции 1629/30 г., создатель которого скорее всего входил в окружение всемогущего патриарха Филарета. Эти статьи, возможно, генетически связаны с произведением, лежащим у истоков сибирского летописания.

Основная редакция ЕЛ, сохранившая сведения о появлении Н и С, известная уже Г.Ф.Миллеру, впервые была издана (как и СЛ, возникшая скорее всего в Соли Вычегодской[1]) в конце первой четверти XIX в. Г.И.Спасским. Многие ученые XIX — начала XX вв., рассматривая происхождение этих летописей (которые часто принимаются за исторические повести), утверждали приоритет СЛ сравнительно со «Сказанием» Есипова, другие же отстаивали тезис о зависимости сочинения анонимного строгановского «историографа» от ЕЛ[2]. Последняя точка зрения, возобладавшая с публикацией в 1893 г. статьи С.А.Адрианова, была

воспринята И.И.Тыжновым, думавшим, что в С сохранены записи Киприана, которым предшествовали какие-то появившиеся вскоре после «завоевания Сибири» заметки (ими воспользовались Есипов и С.У.Ремезов[3]). С.В.Бахрушин в 1916 г. высказал предположение о наличии у ЕЛ и СЛ общего источника. Позднее, в течение следующего десятилетия, выдающийся сибиревед признал таким источником, известным и создателю НЛ, казачье Н, легшее в основу составленного по инициативе Киприана С[4]. С.В.Бахрушин не согласился с тезисом А.М.Ставрович о том, что протографом «тетрадей» Есипова[5], а заодно и Погодинского летописца (далее — ПЛ) явилась летопись первого тобольского владыки (о которой ранее упоминали митрополит Евгений (Болховитинов), Г.И.Спасский, Н.А.Абрамов, А.В.Старчевский, В.К.Андриевич, П.М.Головачев). Другой видный отечественный сибиревед А.И.Андреев, замечавший, что и после изысканий С.В.Бахрушина происхождение ЕЛ осталось предметом исследования, не исключал, что эта летопись и НЛ восходят к одному источнику — повести, близкой к Краткому описанию о Сибирской земле и о похождении атамана Ермака (далее — КО), а Н и С рассматривал в качестве кратких летописей[6].

Д.С.Лихачев, разделяя бахрушинскую схему раннего сибирского летописания, упоминал о создании свода при тобольском «первопрестолъникe». Мнение о такой летописи, впрочем, без аргументации, высказывалось и В.П.Адриановой-Перетц, Н.В.Устюговым, В.И.Бугановым и А.А.Зиминым.

Е.И.Дергачева-Скоп же думает, что официальное тобольское летописание возникло при архиепископе Макарии (1625—1635 гг.). Недавно видная исследовательница сибирской книжной культуры предположила, что ранний вид ЕЛ сложился уже в годы «святительства» Киприана в новом Софийском доме. Самое же первое летописное сочинение, отразившее перипетии «Ермакова взятия» «Закаменьской страны», с точки зрения Е.И.Дергачевой-Скоп, появилось еще в конце XVI в. в Москве. Версия о столичных корнях сибирского летописания, которой придерживаются также В.И.Корецкий, А.В.Лаврентьев, А.П.Богданов, как нам представляется, не может считаться убедительной[7].

В.И.Сергеев, вернувшийся к мысли о первичности СЛ относительно ЕЛ, в число источников последнего включает НЛ и некоторые устные известия.

Е.К.Ромодановская, усматривающая, подобно С.В.Бахрушину, общий протограф повестей Саввы Есипова и анонимного строгановского книжника в Н, отождествила полученные Киприаном казачьи «списки» с ПЛ или его текстом, свободным от позднейших наслоений. Автором этого летописного сочинения, возникшего якобы еще на рубеже XVI—XVII вв., исследовательница считает соратника Ермака Черкаса Александрова. В работах Е.К.Ромодановской, обнаружившей старшую (на ее взгляд) разновидность С, определяются и другие источники ЕЛ.

Вывод о ПЛ, точнее, его протографе, как основе ЕЛ, получивший дополнительное обоснование в трудах А.Т.Шашкова, оспаривается Р.Г.Скрынниковым и автором этих строк[8]. По заключению Р.Г.Скрынникова, Н времени Киприана (который, будучи в Тобольске, не успел заняться летописанием[9]), а также С воспользовался создатель анонимной тобольской летописи, которая и легла в основу ЕЛ и СЛ. И.Ю.Серовой установлено, что общий источник этих повестей зависел от Летописной книги о Смутном времени, редактировавшейся князьями И.М.Катыревым-Ростовским и С.И.Шаховским. В исследованиях В.Г.Вовиной-Лебедевой две первые статьи НЛ, составляющие повесть о завоевании казачьей «дружиной» «Сибирского царства», возводятся (ранее так поступили А.И.Андреев и Р.Г.Скрынников) к КО либо его протографу, возможно, привезенному в Москву Киприаном.

Отдельные аспекты зарождения летописной традиции на восточной окраине России в XVII в. нашли отражение в трудах Н.А.Дворецкой, В.Г.Мирзоева, А.А.Преображенского, Д.Я.Резуна.

Сравнительно недавно были осуществлены новые издания ЕЛ и сочинений ее «группы»[10]. Тем не менее проблемы становления русской книжной культуры Сибири продолжают вызывать пристальный исследовательский интерес[11], многие из них остаются предметом острых дискуссий. Таковы вопросы о характере Н, соотношении разновидностей С, об источниках ЕЛ и «сибирских» статей НЛ, времени складывания нарративного сочинения (если не сочинений), предшествовавшего повести Саввы Есипова

о «взятии» ермаковцами «Кучумова царства». Рассмотрение этих вопросов и составляет предмет монографического исследования.

Примечания

[1] См., напр.: Введенский А. Библиотека и архив у Строгановых в XVI—XVII в. // Север. Вологда. 1923. Кн. 3—4. С. 100; Ромодановская Е.К. Сибирское летописание и хронология похода Ермака // Сибирские огни (далее — СО). 1981. № 12. С. 136—137; Она же. Избр. труды: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 264. Ср.: С. 241; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 107. В Соли Вычегодской, а также на Соловках, в Москве, Поволжье возникли самые ранние летописные заметки о присоединении к России «Кучумова царства», чему посвящены и первые памятники сибирской книжной культуры. См., напр.: Солодкин Я.Г. Первые летописцы «Ермакова взятия» Сибири // Образование Югории (далее — ОЮ). 2000. № 4 (6). С. 154—161; Он же. Пискаревский летописец о «сибирском взятии» // Северный регион: Наука: Образование: Культура. 2001. № 1 (3). С. 167—172.

[2] См.: Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев. 1908. Т. 2. Кн. 2. С. 1293—1307; Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960. С. 9—10, 14—18, 20—24, 27, 31—34, 36—39. У истоков историографии раннего сибирского летописания находятся уже труды Г.Ф.Миллера. См.: Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII век). Кемерово, 1963. С. 128—129; Солодкин Я.Г. Г.Ф.Миллер как исследователь сибирского летописания // Проблемы истории Сибири XVI—XX вв. Нижневартовск, 2005. Вып. 1. С. 4, 5, 8.

[3] Тыжнов И. Новейшие труды по истории покорения Сибири // Сибирский сб. Иркутск, 1898. С. 61, 66, 68, 71, 73. Считается, что И.И.Тыжнов первым выдвинул гипотезу о протографе сибирских летописей (Шейнфельд М.Б. С.В.Бахрушин и историография Сибири советского периода: Учеб. пособие. Красноярск, 1980. С. 89. Примеч. 9). Но о таком протографе, каковым признал записи Киприана, пятью годами прежде упомянул С.А.Адрианов. См.: Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири... С. 37.

Заметим, что И.И.Тыжнов предложил схему развития сибирского летописания, не рассмотренную историографами.

[4] Подробнее см.: Солодкин Я.Г. С.В.Бахрушин о начале сибирского летописания (историографические заметки) // Региональные модели исторического общего и профессионального образования: Восьмые всерос. историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2004. Ч. 1. С. 204—207. Ввиду специфики ранних сибирских летописей по сравнению со сводами XI—XVI вв. мысль о том, что С.В.Бахрушин следовал шахматовскому методу анализа летописных сочинений в форме повременных записей (Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири... С. 43; Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962. С. 65; Дубровский А.М. Предисловие // Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1987. С. 4; Он же. С.В.Бахрушин и его время. М., 1992. С. 61—62,

и др.), не кажется бесспорной. С А.А.Шахматовым С.В.Бахрушина сближает только поиск протографа, но им у выдающегося советского сибиреведа оказывалось Н, а не летописный свод.

О предложенной А.А.Шахматовым методике анализа летописей см., напр.: Лурье Я.С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории: 1975. М., 1976. С. 104—106; Кистерев С.Н. Вехи в историографии русского летописеведения // Очерки феодальной России (далее — ОФР). М., 2003. Вып. 7. С. 22.

[5] Так называется ЕЛ в самом раннем (1649 г.), Сычевском, списке. См.: /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие // ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 7.

[6] Андреев А.И. Труды Семена Ремезова по географии и этнографии Сибири XVII—XVIII вв. // Проблемы источниковедения (далее — ПИ). М.; Л., 1940. Сб. 3. С. 85; Он же. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1960. Вып. 1. С. 241—243.

Об изучении раннего сибирского летописания в историографии XX в. см., в частности: Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири... С. 40—49, 54—57, 59—60; Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975. С. 101—106, 191—194, 295—296, 324; Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 25—26, 32; Яковлева А.М. Вопросы раннего сибирского летописания в исследованиях Е.К.Ромодановской // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки (далее — ЗС). Тюмень, 2003. Вып. 5. С. 148—156; Она же. Есиповская летопись в исследованиях XX века // Россия и Запад: Проблемы истории и культуры. Нижневартовск, 2003. С. 65—77; Она же. Отечественная историография раннего сибирского летописания (1920—1990-е гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004; Она же. Схемы сибирского летописания первой половины XVII в. в отечественной историографии 1920—1990-х гг. // Проблемы истории Сибири... Вып. 1. С. 27—44.

[7] Солодкин Я.Г. Где возникло сибирское летописание? (Историографические заметки) // Ежегодник Тюменского обл. краевед. музея (далее — ЕТОКМ): 2000. Тюмень, 2001. С. 151—159; Он же. Когда и где началось сибирское летописание? По поводу «концепции» Е.И.Дергачевой-Скоп // Клио: Журнал для ученых. СПб., 2003. № 2 (21). С. 33—36. См. также: Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 108—109.

[8] См., напр.: Солодкин Я.Г. Был ли Черкас летописцем? // Югра. 1999. № 12. С. 14—15; Он же. Погодинский летописец и его автор. К спорам о зарождении сибирского летописания // ЗС. Екатеринбург, 2000. Вып. 3. С. 15—23; Он же. О некоторых источниковедческих аспектах изучения истории Сибири на начальном этапе русской колонизации (к дискуссии об истоках сибирского летописания) // Региональный компонент в содержании высшего профессионального образования: Проблемы и перспективы. СПб., 2003. С. 88—93.

[9] Этот вывод, сделанный еще С.В.Бахрушиным, предпочтительнее тезиса, будто с именем Киприана связано начало сибирской летописной традиции. См., напр.: Солодкин Я.Г. К спорам о начале сибирского летописания // Западная Сибирь: проблемы истории и историографии: Тез. докл. и сообщ. регион. науч.

конф. Нижневартовск, 2000. С. 101—104; Он же. Учреждение Тобольской архиепископии и начало сибирского летописания // ОЮ. 2001. № 4. С. 137—144; Он же. Существовала ли летопись первого тобольского владыки Киприана? // Мира не узнаешь, не зная края своего: Материалы 6-х краевед. чтений. Нижневартовск, 2002. С. 63—67; Архипова М.Д. Киприан Старорушанин — деятель русской православной церкви и духовной культуры первой трети XVII в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 2004. С. 15—16.

[10] ПСРЛ. Т. 36. См. также: ЛП. С. 16—72.

[11] См.: Солодкин Я.Г. Современные исследователи о зарождении русской книжной культуры в Сибири // Гуманитарные науки Югории. Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 3. С. 75—76.

Глава 1

«НАПИСАНИЕ» ВЕТЕРАНОВ «СИБИРСКОГО ВЗЯТИЯ» И ПОГОДИНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Как рассказывается в ЕЛ, поставленный в 1620/21 г. на тобольскую архиепископию Киприан Старорушанин «во второе лето престолъства своего [воспомяну] атамана Ермака и з дружиною и повеле разпросити Ермаковъских казаков, како они приидоша в Сибирь, и где с погаными были бои, и ково где убили погании на драке. Казаки ж принесоша к нему написание, како приидоша в Сибирь, и где у них с погаными бои были, и где казаков и какова у них имянем убили. Он же, добрый пастырь, попечение имея о них, и повеле убитых имена написати в церкви Софеи Премудрости Божия в соборной синодик, и в православную неделю кликати повеле с прочими пострадавшими за православие вечную память»[1].

Уже Г.Ф.Миллер заметил, что казачье Н стало исходной основой для сибирских летописцев[2]. С.В.Бахрушин пришел к выводу, что это не дошедшее до нас Н послужило общим источником С, ЕЛ, СЛ и НЛ[3]. Л.Н.Пушкарев же утверждал, будто Н сохранено Кунгурской летописью (далее — КЛ), откуда попало в Ремезовскую. О том, что последняя включает Н, упоминал и Н.В.Устюгов[4]. На взгляд Д.С.Лихачева и В.П.Адриановой-Перетц, о характере Н можно судить по КЛ[5]. (Обычно считается, что она возникла в среде казаков, даже «ермаковых»).

По мнению В.А.Александрова и Н.Н.Покровского, Киприан собрал ветеранов знаменитой экспедиции к ее 40-й годовщине, и те принесли имевшееся у них Н[6]. На его появление до 1620-х годов указывали и другие ученые[7]. Е.К.Ромодановская, посчитавшая, что Н составило основу ПЛ, вслед за С.В.Бахрушиным приурочила создание этого произведения казачьей литературы (если придерживаться оценки Д.С.Лихачева) к рубежу XVI—XVII вв.[8] Такую датировку разделяет и А.Т.Шашков, усматривающий в Н протограф данного летописца («Повести летописной, откуда начяся царство бисерменское в Сибири...»)[9].

С.В.Бахрушин относил Н, причем в предположительной форме, к исходу XVI в. или периоду не позднее царствования Бориса

Годунова на том основании, что в данном произведении из государей были названы только Иван Грозный и его сын Федор, а из городов — лишь Тюмень, Тобольск и Верхотурье[10]. Однако Н уцелело, скорее всего фрагментарно, в передаче позднейших сочинений, и упоминания двух первых русских крепостей за Уралом, а также «града», ставшего воротами в Сибирь[11], могли появиться со временем. При «яростивом» же самодержце и его «преблаженном» наследнике и произошло «взятие» «Закаменьской страны». Как отмечено Р.Г.Скрынниковым, по прямому указанию Саввы Есипова, Н возникло вскоре после приезда в Тобольск Киприана, повелевшего расспросить ветеранов похода Ермака. (Точнее, это случилось «во второе лето престолъства» «Старорушанина», наступившее 1 сентября 1621 г.). Примечательно, что если верить Есипову, казаки в Н ответили на вопросы, интересовавшие Киприана: «како они приидоша в Сибирь», где сражались с «погаными», кто и где «на драке» погиб. Следовательно, Н не могло появиться до осени 1621 г. При тобольском «первопрестолнике», согласно ЕЛ, имена убитых в боях с кучумлянами казаков были внесены в синодик Софийской церкви (освященной 21 октября 1621 г.[12]). Скорее всего Н относится к 1621/22 г.

Некоторые исследователи находят, что оно составлено по расспросам «ермаковых казаков»[13], как предполагается, приказными владыки. Очевидно, в Н сильно ощущалась стихия устной речи. Напомним, что Киприан «повеле разпросити Ермаковъских казаков, ... ково где убили погании на драке». Любопытно, что в челобитной томских казаков И.Недомолвина и П.Кызылова (не ранее 1615/16 г.) сказано о пленении ими «на драке» («на дракех») «кузнецких людей»[14]. Видимо, такое обозначение боя бытовало в казачьей среде. Обратим внимание на то, что по свидетельству «архиепископля» дьяка, «Старорушанин» повелел расспросить соратников Ермака (видимо, своим приказным), Н же принесли владыке казаки. Надо думать, что последние и записали по просьбе Киприана «речи» ветеранов экспедиции, положившей начало крушению «Кучумова царства». Возможно, это сделал кто-то один из бывших сподвижников легендарного атамана. (На то, что Н было создано ермаковцами, указывали Н.А.Дворецкая, А.Н.Копылов, Б.П.Полевой, Н.А.Миненко, Е.К.Ромодановская). Заметим, что процитированные строки ЕЛ, между прочим, не подтверждают

тезис Е.И.Дергачевой-Скоп о зависимости С от краткой повести, посвященной «Сибирскому взятию» (Румянцевского летописца), или ее протографа[15].

Е.К.Ромодановская, признающая Н первоосновой сибирского летописания, полагает, что необычное наименование этой записи казачьих «сказов» свидетельствует о нарративном характере памятника и его незавершенности, в частности, о том, что рукопись, полученная Киприаном, была не вполне оформлена как литературное произведение[16]. Однако таким образом называли и документы, и вполне законченные литературные произведения[17].

А.И.Андрееву Н представлялось краткой летописью или повестью. За летопись принимает Н и В.П.Клюева[18]. Подчас оно считается «скаской», в которой, находит Р.Г.Скрынников, ощутимы уже фольклорные мотивы[19]. В.Г.Мирзоев отождествлял или сближал Н с отпиской (донесением) землепроходцев. В.И.Сергеев рассматривал Н как отписку казаков Строгановым и вместе с тем утверждал, что оно было составлено участниками «Сибирского взятия» «на основе воспоминаний и ермаковских документов»[20]. Е.К.Ромодановская, поначалу сетовавшая на отсутствие данных, чтобы судить о характере Н, затем сочла возможным усмотреть это «писание» в ПЛ (кроме нескольких позднейших добавлений, внесенных в «Повесть летописную...» переписчиком)[21]. Воспринявший в целом последнюю оценку А.Т.Шашков думает, что Н объединяло нарративную и мартирологическую части[22]. Такой вывод явно противоречит знакомому нам сообщению ЕЛ: Киприана интересовало, «ково где убили погании на драке», и в Н говорилось, «где казаков и какова у них имянем убили», т.е. не только перечислялись погибшие от рук кучумлян. Кроме того, подобно Р.Г.Скрынникову, не приходится думать, что в передаче ПЛ, пусть с рядом дополнений, сохранился текст Н[23].

Уже ответы казаков на вопросы Киприана должны были составить не обычную поминальную память, т.е. перечень имен погибших соратников, а заключать сведения об обстоятельствах появления ермаковцев в Сибири. Эти ответы позволяли создать не привычный С, а рассказ о перипетиях завоевания «Кучумова царства», который со временем мог лечь в основу местного летописания.

Недавно Е.И.Дергачева-Скоп рассудила, будто Н — «обычные поминальные записи, подаваемые оставшимися в живых, с указанием места боя и именами погибших; ... на Абалакский бой было подано две записки, и дьяк, не разобравшись, вписал обе»[24]. Е.К.Ромодановская усомнилась в основательности такого заключения, отметив, что при перечислении имен павших в сражениях, как правило, говорилось о синодике или поминовении, не встречающийся же в подобных случаях термин исследовательницей «никак не объяснен»[25]. Кроме того, Е.И.Дергачева-Скоп не смогла привести ни одного примера поминальной записи, аналогичной Н (судя по С). В «списках», переданных ветеранами давней экспедиции на архиерейский двор, очевидно, запечатлелись воспоминания «ермаковых казаков», в том числе о гибели их «товарищей» на Абалаке. Эти воспоминания (скорее всего записанные не владычным дьяком, а, повторим, самими соратниками «славного атамана» либо кем-то из них), подверглись правке во время составления С[26]. При редактировании Н, видимо, были опущены сообщения (вначале интересовавшие «Старорушанина») о том, каким образом «дружина» Ермака очутилась за «Камнем».

Е.И.Дергачевой-Скоп кажется, что «скаску» о «Сибирском взятии» Киприан получил от сподвижников прославленного атамана, бывших уже иноками тобольского Знаменского (Успенского) монастыря[27]. По первоначальному допущению Е.К.Ромодановской (повторенному Д.Я.Резуном), в составлении казачьего «писания» о «взятии» Сибири принимал участие Черкас Александров. Со временем исследовательница атрибутировала Н одному этому ермаковцу, ставшему головой тобольских служилых татар[28]. По мысли А.А.Преображенского, в числе создателей «списков» о завоевании казачьей «дружиной» «Кучумова юрта» был Н.Брянцов[29]. М.Н.Сперанский и Н.В.Устюгов полагали, что Н могло сочиняться и со слов потомков ермаковцев[30]. (Приведенное ранее свидетельство Есипова прямо не подтверждает такого представления).

Скорее всего Н было весьма лаконичным[31]. Уже это обстоятельство заставляет усомниться в том, что показания «ермаковых казаков» явились непосредственным протографом ЕЛ и столь же пространного сочинения безвестного строгановского «историографа». Видимо, общим источником повестей 1630-х годов о

«Сибирском взятии» оказалась некая тобольская летопись[32], восходящая к Н и составленному на его основе С (хотя, по выражению С.В.Бахрушина, не без «словесных дополнений» ермаковцев[33]). Возможно, одно из таких дополнений — сообщение о гибели 5 декабря у Абалака наряду с Сергеем, Иваном, Андреем, Тимофеем «с их дружиною» и (о чем сказано следом) направлявшихся «к рыбной ловле» Окула, Ивана Карчиги, Богдана Брязги «с их дружиною», которые, оказывается, были убиты «нечестивыми» и 26 октября «под Чювашею». (В Миллеровском списке ЕЛ сказано, что всех перечисленных ермаковцев «на Абалацком озере побиша»; в Черепановской летописи, где тоже названы погибшие в боях с «погаными» атаманы и казаки, про Окула, Ивана Карчигу и Богдана Брязгу умалчивается). Подобно Е.К.Ромодановской и Р.Г.Скрынникову, это противоречие можно объяснить тем, что ветераны «Сибирского взятия» запамятовали, где и когда именно убили их соратников. Едва ли прав Д.И.Копылов, думающий, будто повторы в С — результат механической «выборки» из названных ермаковцами сотен имен своих товарищей лишь 37. Трудно согласиться и с утверждением Е.И.Дергачевой-Скоп, что «на Абалакский бой было подано (казаками.— *Я.С.*) две записки, дьяк (Киприана.— *Я.С.*), не разобравшись, вписал обе». Ведь сподвижники Ермака передали архиепископу Н («скаску» о зауральском походе, о чем упоминала сама Е.И.Дергачева-Скоп), а не отдельные поминальные записи. Составители С или не заметили расхождения версий о гибели Окула (Окола), Ивана Карчиги и Богдана Брязги, указав провозглашать одним и тем же казакам «веч[ную память]» то «б[ольшую]», то «м[алую]», или не могли определить, какое из показаний ветеранов знаменитой экспедиции справедливо, и поэтому внесли в «помянник» оба, разделив их записью о гибели других лиц, которым полагалась «веч[ная память] с[редняя]». (Согласно ПЛ, есаул «Брюзга» погиб под Абалаком, где, судя по ЕЛ, отряд Ермака впервые понес потери. Если верить С.У.Ремезову, там кучумляне перебили 20 казаков).

Одним из наиболее своеобразных памятников сибирского летописания является сохранившийся в единственной рукописи конца XVII в. ПЛ. Долгое время эта «Повесть летописная, откуду начяся царство бисерменское в Сибири...», признавалось перера-

боткой Основной редакции ЕЛ, дополненной оригинальными сведениями о разгроме «Кучумова юрта» «ермаковыми казаками» и первых экспедициях за Урал государевых воевод. Четверть века тому назад Е.К.Ромодановская попыталась обосновать тезис об обратном соотношении этих памятников, высказав мнение, что кроме ряда позднейших добавлений, ПЛ воспроизводит текст Н, переданного ветеранами «Сибирского взятия» первому тобольскому архиепископу Киприану Старорушанину (задумавшему составить синодик атаманов и их соратников, погибших во время знаменитого похода). Автором Н, которое она приурочивает еще к рубежу XVI—XVII столетий, исследовательница предлагает считать трижды упомянутого в ПЛ сподвижника Ермака Черкаса (Ивана) Александрова[34]. Эти выводы получили дополнительную аргументацию в статье А.Т.Шашкова, с тем только различием, что в представлении видного сибиреведа Н (в его повествовательной части, помимо которой якобы существовала мартирологическая) составляет протограф ПЛ, дошедший до нас с многочисленными редакторскими наслоениями, впрочем, легко вычленяющимися[35]. Р.Г.Скрынников же настаивает на прежней оценке ПЛ как поздней редакции ЕЛ, возводя его уникальные сообщения к документации Посольского приказа[36]. Е.И.Дергачева-Скоп тоже находит, что это сочинение занимает в «есиповской» группе летописей «далеко не исходное место» (хотя включает Черкаса Александрова в число авторов сибирских повестей). Исследовательница полагает, что ПЛ зависит от Абрамовского летописца (далее — АЛ), в котором, как и в «Повести...», нет С, а в конце имеется ссылка на Давида[37]. Попытки отождествить или сблизить Н с ПЛ (либо его протографом), как и атрибуция «Повести...» Черкасу Александрову, нам также не кажутся основательными[38].

При сопоставлении близких друг к другу фрагментов ЕЛ и ПЛ обнаруживается, что в первой из них нет выражений «возвратиться мало мощно», «Царь же Кучюм учал быть зело страшен от православнаго воинства», «И не ведаще, яко погании от града изыдоша», «великих московских и всеа Русии чюдотворцов», «и похвалил, також и всех его (Ермака.— *Я.С.*) товарыщей атаманов и казаков», «вверх по Иртишу реке», «со всем улусом», «казаков с вогненым боем», «от страха без веданья», «тут с войском», «зимним временем», «на реке Туре», «яко за два поприша»,

«такое побеждение»[39]. Зато в ПЛ нет повествования о сибирских народностях и Мангазейской губе, гораздо короче рассказ о вере хана, «юрт» которого завоевал «полк» Ермака, поясняется, что отряды Карачи «обозами» окружили «град Сибирь». Одна из глав ЕЛ «О размышлении казаков» в ПЛ называется «О собрание царя Кучюма и о розмышлении казаков». Соправитель Бекбулата именуется в ПЛ Гедегером или Едингаром, в «Повести о Сибири и о сибирском взятии» Саввы Есипова — Етигером (Евтигером, Ятигером, Етегором, Етегиром, Етитаром). Город, на месте которого выросла Тюмень, в ПЛ дважды называется Чимги, в ЕЛ — Чингиден(ь), Чингидин, Чингуден, Чингииден, Чингий, Чингис, Чингинь[40]. В «Повести летописной...» Кучум представлен «Мурзазелеевым» сыном, в ЕЛ и многих ее переработках — Муртазеевым (Мартазеевым, Мартазаевым, однажды Мурилазаевым)[41].

Заметим, что во многих списках ЕЛ князь С.Д.Болховский, посланный Иваном IV на помощь ермаковцам, называется Волконским[42]. Поэтому можно думать, что не фамилия Болховского была исправлена при редактировании «Повести...»[43], а создатель ПЛ располагал (как представляется Р.Г.Скрынникову) такой рукописью ЕЛ, где бывший курмышский воевода именовался Волконским. Кроме того, предводитель снаряженной в 1584 г. экспедиции за «Камень» постоянно называется Волконским в «Повести...», и на таком чтении мог остановиться компилятор под ее влиянием.

Только в ПЛ приближенный Кучума Карача оценивается как «зломысленный», а Сейдяк называется правителем Старой Сибири. Лишь там отмечено, что Ермак в своем последнем бою был «в пансыре тягче»[44]. Если в ЕЛ Маметкул называется сыном Кучума, то в ПЛ — братом[45]. (Не исключено, что это «уточнение» внесено редактором памятника). Вместо «дарует же сему (Тайбуге.— *Я.С.*) княжение» (ЕЛ) мы читаем «нарече его пот собою первым князем» (ПЛ), взамен «поспешения» (ЕЛ) сказано «никоего успеха» (ПЛ), в ЕЛ говорится «царь», а не «царь Чингис» (ПЛ), «Чувашеве», а не «зовомая Чуваша» (ПЛ), «восвояси», а не «во своя улусы по юртам» (ПЛ), «всещедрому Богу», а не «всещедрому создателю своему Богу» (ПЛ), «великомученика», а не «великомученика Христова» (ПЛ), «таково царство», а не «таковое пресловущее царство» (ПЛ), «прославиша же Бога», а не «рустии

люди, славяще Бога» (ПЛ), «государь», а не «благочестивый государь царь» (ПЛ), «такову свою (великую пресветлую) милость», а не «превеликую богатую милость» (ПЛ), «юных (умних)», а не «резвых» (ПЛ), «прият сего» (в одном списке «с радостию»), а не «рад бысть зело» (ПЛ), «поведает же ему (Маметкулу.— *Я.С.*) царьское великое жалованье», а не «ему про государьское величество, и росказывает государево жалованье» (ПЛ), «бысть дому его», а не «весть вьсю дума его» (ПЛ), «русских людей», а не «руского полка» (ПЛ), «рыдаху на мног час, аки о чадех своих», а не «плакахусь зело» (ПЛ), «вниде же во уши», а не «ведомо же бысть» (ПЛ), «таборы поставиша», а не «станы поставиша» (ПЛ), «православным», а не «всеправославным» (ПЛ), «церкви (церковь)», а не «церковь во имя живоначальные Троицы» (ПЛ), «еще бо ему сущу, яко ехидне дыхающу на православных християн и не покоряющуся, но яко змии ухапити хотя», а не «тогда еще яко им, безбожным, злом дышащу на православных крестьян» (ПЛ), «в дом Данила Чюлъкова» («дом воеводе» или «дом воеводы»), а не «двор воеводцкой» (ПЛ)»[46]. В ПЛ утверждается, что Сейдяк при захвате Кашлыка не «победи» Алея «и прочих» (ЕЛ), а этого царевича «взял и прочих Кучюмовых сынов смер[тью] убил». Тут же в «Повести...» (что Саввой Есиповым не сделано) приводится отчество Бекбулата — «Казыев»[47]. Судя по приписке к ПЛ, данное расхождение может быть следствием редакционной правки; другие же позволяют заключить, что создатель ПЛ пользовался разновидностью ЕЛ, отличающейся от ныне известных.

А.М.Ставрович думала, что «Повесть...» зависит от протографа ЕЛ[48]. Такой вывод следует отклонить, ибо, по наблюдениям С.В.Бахрушина, ЕЛ восходит к тому же источнику, что и СЛ, а в ней, точнее, ее фрагментах, общих с сочинением Саввы Есипова, мы не находим чтений, присущих оригинальным разделам ПЛ.

Осталось незамеченным, что открывающий «Повесть...» географический очерк Зауралья близок к «Подлинному аписанию Сибирского государства городом и острогам и рекам», предшествующему ЕЛ в Коркуновском списке[49]. В «Повести...» сказано, что Москву от первого сибирского города Верхотурья отделяет до 2300 верст[50]. «а ходу зимним путем з большими возы семь недель». По данным составителя «Подлинного аписания...»,

2000 верст между столицей России и Верхотурьем (тоже названным первым сибирским городом) преодолевают «зимним путем с возами недель в шесть и в сем». В обоих памятниках указывается на то, что Верхотурье стоит на левой стороне Туры, в которую справа впадают Тагил и Сада (в ПЛ — Салдавада), а Туринский (Епанчин) острог и Тюмень расположены на правой стороне Туры. Эта река, как и Тавда, впадает в Тобол, последний — в Иртыш, тот — в Обь; у Иртыша «поставлена» Тара[51]. Видимо, географический очерк Западной Сибири следует не приписывать автору «Повести...» (так поступают Е.К.Ромодановская, Р.Г.Скрынников, А.Т.Шашков), а возводить к географическому сочинению, сходному со статьей, предваряющей в Коркуновском списке ЕЛ.

«Первое начало Сибирской земле, как было мочно ызыскать писмяны и старейшинами людми о начале тое Сибирские земли» — оригинальное название одной из глав «Повести...» — произведения, по которому создатель ПЛ в основном и дополнил повествование Саввы Есипова о «взятии» ханства Кучума «дружиной» Ермака и отрядами царских воевод. В этом произведении говорится о вторжении Алея к Соли Камской и Чусовой, пути вольных казаков с Яика до устья Тавды, неудачной попытке ермаковцев взять языка возле Епанчина, о Караче, делавшем Кучуму «пансыри и колчюги, и всякую ратную збрую», прибытии за Урал трехсот стрельцов воеводы С.Болховского, голов И.Киреева и И.Глухова, смерти от голода и князя Семена[52], и рядовых служилых людей, и многих сподвижников легендарного атамана, возвращении уцелевших девяноста «ермаковых казаков» из города Сибири в Пустоозеро, «посылке» за «Камень» отряда И.Мансурова, перезимовавшего в Обском городке, сооружении Тобольска. Свидетельства о набеге на Пермь Великую пелымского князя Аблегирима и его «поимании» Ф.Горчаковым в год «поставления» Тюмени[53], видимо, со временем дополнили рассказ о предыстории и перипетиях «Сибирского взятия», поскольку завершают соответствующие летописные статьи, а в первом из них речь идет о событии, которое произошло за год до вторжения Алея в Прикамье.

Отличительной особенностью «Повести...» служит наличие лишь описательных датировок («в тое ж пору», «за год до того»,

«въскоре», «в тое пору», «до государевых воевод приходу», «перед воеводцким приходом», «летом», «зимним временем», «многое время и до весны»); «годовые» хронологические обозначения приходятся на отрывки ЕЛ.

Известия о доставке Маметкула в Москву И.Киреевым и возвращении оставшихся в живых ермаковцев на «Русь» с И.Глуховым почти целиком повторяют друг друга. Не дублируются лишь сообщения о том, что Глухов отправился «черес Камень на лето, как вода вскрылась», покинув Старую Сибирь, поскольку казаки «убоялись» кучумлян и стали «беззапасны до конца», а Киреев двинулся к «царствующему граду» в 1583/84 г.[54] (ранее о служилых людях С.Болховского было сказано, что «запасу у них не было никакого»). Вероятно, создатель ПЛ дважды обратился к тексту «Повести...», но привел его с разной степенью полноты[55].

По мнению Р.Г.Скрынникова, сообщение ПЛ о составе рати С.Болховского основано на разрядной записи, напоминает выдержку из «разрядов» и других документов, как и летописные свидетельства о численности отряда И.Мансурова, «срубившего» Обский городок, и походе В.Сукина и И.Мясного, выстроивших Тюмень[56]. Но известие «Повести...» о сибирской экспедиции 1585/86 г., кроме упоминания о Черкасе Александрове «с товарыщи» находящее аналогию в ЕЛ, заметно отличается от «разрядов»[57]. В последних не говорится о выступлении В.Сукина и И.Мясного за Урал по распоряжению московского государя со многими «русскими людьми». В ПЛ в отличие от ЕЛ сказано о численности войска И.Мансурова (семьсот казаков и стрельцов из разных городов) и их отправке в Сибирь в уверенности, что там уже «сидят» государевы люди, а воевода в основанном им городке «жил многое время и до весны»[58]. Источником этих свидетельств предпочтительнее считать не «разряды», а «Повесть...». Скорее всего из нее составитель ПЛ почерпнул и данные об экспедиции С.Болховского, И.Киреева и И.Глухова. Ведь в летописце, являющемся особой редакцией ЕЛ[59], определяется численность[60] и состав этой экспедиции. В «Повести...» сказано о голодной смерти казанских и свияжских стрельцов, пермичей и вятчан[61], а вначале говорится о сотне и других ратников, отправленных по распоряжению царя Ивана на помощь вольным каза-

кам, и одновременном приказе Грозного «быть к Москве» Ермаку, кончине С.Болховского, доставке И.Киреевым Маметкула «к государю», возвращении И.Глухова во главе уцелевших сподвижников прославленного атамана на «Русь», гибели всех рядовых служилых людей, прибывших вслед за ермаковцами в Сибирь.

Не исключено, что составитель ПЛ заимствовал из «Повести...» и сообщение об убийстве «погаными» на Абалаке есаула «Брюзги с товарыщи». О гибели там «Брязги» читаем в С, знакомство с которым в «Повести...» не ощущается. Быть может, в ней говорилось и о двадцати пяти сеунчиках, отправленных Ермаком в Москву[62], и прозвище, данном казаками своему предводителю,— Токмак[63].

Автору «Повести...» имеются основания атрибутировать и приписку к ПЛ[64] (она следует за «аминем»[65]). Здесь читаем, что из десяти сыновей Кучума семь перебил Сейдяк в Старой Сибири, о чем «выше сего то рекохом же»; Алей, Алтынай и еще один царевич, не названный по имени, «при прежних государях были на Москве; а как оне взяты, тому писмо есть в Посольском приказе». Ссылка, аналогичная только что приведенной, очевидно, сопутствовала известию о том, как Маметкул был пленен в Сибири и привезен в российскую столицу И.Киреевым (на этом известии ПЛ обрывается). Видимо, оказавшимся на русской службе третьим ханским сыном, имя которого пропущено в концовке «Повести...», являлся Ишим, указанный в летописном изложении донесения Ермака царю Ивану[66].

Е.К.Ромодановской и А.Т.Шашкову не удалось найти в тексте «Повести...» хронологические реалии, неоспоримо свидетельствующие о ее создании на рубеже XVI—XVII вв. Думается, она возникла позднее. Примечательно, что в рассказе о закладке крепости, вскоре сделавшейся столицей зауральской части России, отмечено: «се же и *доднесь* государева вотчина *посреде* всее Сибирской земли, богоспасаемый град Тоболеск» (курсив наш.— *Я.С.*). В Распространенной же редакции ЕЛ читаем о том, что этот город находится «внутрь Сибирские земли»[67]. Тобольск занимал срединное положение в «далечайшей государевой вотчине» примерно до начала второй четверти XVII в. (В 1628 г. сибирские уезды были разделены на два разряда — Тобольский и Томский). Не позднее

этого времени, как можно полагать, и сложился один из основных нарративных источников ПЛ.

Завершая свою «Повесть о Сибири и о сибирском взятии», Есипов указывает на то, что вскоре после приезда в Тобольск Киприан решил выяснить, как ермаковцы очутились в «Кучумовом царстве», где сражались с «погаными» и «ково где» в боях с казаками убили татары. В ПЛ же мы встречаем, пожалуй, наиболее обстоятельный рассказ о пути, которым «предобляя дружина» достигла владений «бусурманского» «салтана». Возможно, «Повесть...» писалась одновременно с Н и С, но в силу фактографичности и близости к деловой письменности не удовлетворила «Старорушанина» (если не его преемника на владычной кафедре Макария), почему осталась вне поля зрения Есипова[68].

К источникам ПЛ В.И.Сергеев причислил «шертную» грамоту татар и остяков, сделавшихся еще во время «Ермакова взятия» Сибири подданными московского государя[69]. Но изложение этой грамоты анонимным летописцем почти дублирует рассказ Есипова[70]. Вслед за А.Т.Шашковым вставкой в этот рассказ, внесенной создателем ПЛ, нужно признать перечисление трех сыновей Кучума и указание на Маметкула[71]. Видимо, источником данной вставки послужило то же «писание», по которому летописец поведал о «взятии» ханских родственников в приписке к своему сочинению. При этом компилятор не учел, что к тому моменту, когда Ермак отправил атамана и казаков в Москву с вестью о победе над Кучумом, судя по ПЛ, были живы не только Алей, Алтынай и Ишим, но и семь их братьев.

Три упоминания о Черкасе Александрове — вначале сеунчике, посланном в «царствующий град», затем как возвратившемся с другими казаками под предводительством И.Глухова из Сибири, наконец, участнике экспедиции В.Б.Сукина и И.Н.Мясного, основавшей Тюмень[72],— быть может, попали в ПЛ из «послужного списка» ставшего головой тобольских татар соратника Ермака[73].

А.Т.Шашкову и Е.И.Дергачевой-Скоп представляется, что сведения о Черкасе могли внести в «Повесть...» его потомки, располагавшие записями этого ветерана похода за «Камень»[74]. Ввиду лапидарности таких сведений приведенное мнение малоубедительно. Однако нельзя исключать, что «послужной список» Черкаса летописец получил у родственников «ермакова казака»,

выбившегося в атаманы, а затем и головы, а не в тобольской приказной избе, где многие «старые дела» погибли в пожаре 9 декабря 1628 г.[75], и тем более в столице.

Составителю ПЛ следует приписать многочисленные пояснения и обороты, являющиеся переходами от одного источника к другому. Примеры таких переходов — выражение «И по сем», разделяющее сообщения о царствовании Кучума и вторжении Алея к Соли Камской и Чусовой, фразы «А как Ермак был еще жив в Старой Сибири до убиения своего», «Ермак в тое пору убит, [по]камес сеунщики ездили к Москве». Создателю летописца, вероятно, принадлежат ссылки на уже знакомые читателю или последующие известия: «и тои (о появлении Ермака, «погромившего» царскую казну, на Чусовой.— *Я.С.*) и выше сего именовахом», «О убиении Ермакове речется после сих», «И о князь Семенове приходе Вол[конскаго] впреди рекохом, и как князя Семена Волконскаго во граде Сибири не стало», «выше сего то (об умерщвлении сыновей Кучума Сейдяком.— *Я.С.*) рекохом же». Редактор напоминает, что улус Карачи, которого «прежде именовахом», «Ермак взял, не доходя царя Кучюма», а Карача — «думной» хана, обманом истребивший казаков Ивана Кольца. По-видимому, тот же книжник оставил ремарку «А куда ныне ходят черес Камень (на «Русь».— *Я.С.*), тогда того пути не бывало»[76].

Если в «Повести...» трижды сказано, что Тобольск расположен в 12 верстах (поприщах) от Старой Сибири, то создатель ПЛ в рассказе о пленении ермаковцами Маметкула, вероятно, под влиянием ЕЛ определяет расстояние между Кашлыком и заложенной Д.Чулковым крепостью в 15 верст «по нынешнему содержанию»[77]. В таком случае редактирование «Повести...» можно приурочить ко времени не ранее сентября 1636 г. и считать, что под «нынешним содержанием» в ПЛ имеется в виду не новая мера длины, узаконенная Соборным уложением (как представляется Е.И.Дергачевой-Скоп и другим исследователям), а подсчет владычного дьяка. К тому же в конце «Повести...» есть намек на явление и чудеса Абалакской иконы Знамения Божией матери[78], первые сведения о которых относятся к июлю 1636 г.[79]

Быть может, именно составитель ПЛ со ссылкой на московские летописцы отождествил Чингис-хана и Темир-Аксака[80]. Но столичные книжники, насколько известно, вовсе не утверждали,

будто основатель Монгольской державы и грозный завоеватель, разгромивший Тохтамыша,— одно и то же лицо. Видимо, летописец сообщил об этом понаслышке, и потому мысль о его знакомстве с Повестью о Темир-Аксаке[81] кажется маловероятной.

Создателю ПЛ мы склонны приписать и концовку названия «Повести...»: «...и како в Сибири бусорменская вера умалилась, а православная крестьянская вера распространилась». В разбираемом сочинении указано, что сражение «под Чювашем у засеки» произошло 23 октября, на память святого апостола Якова. В остальных сибирских летописях датировка этого сражения по церковному календарю не встречается. Посвященная той же битве статья содержит обращение казаков к Господу: «сотворитель наш! Да поможет нам, созданию своему! ... и прослави свое великолепное имя святое, где было безбожие!». В главе «О пришествии во град Сибирь» Ермака и его казаков сравнительно с ЕЛ добавлено: «молитву сотворше (казаки.— *Я.С.*) ко всещедрому создателю своему Богу ... яко бежаша множество их поганых от малочисленаго воинства ... рустии люди, славяще Бога и пречистую его Богоматерь». В завершающем основную часть ПЛ рассуждении «О всех благих, яже от Бога подаваемых», оригинален фрагмент «а егда не было в Сибири веры християнские ... в велелепную славу отцу и сыну и святому духу». Заключительные строки ПЛ, следующие за ссылкой на Давида («И мнози от неверия бысть вернии ... благая, подаваемая нам, православъным крестьянем, от всемогущаго Бога. Аминь»)[82] скорее всего опять-таки принадлежат редактору, который, надо думать, был духовным лицом.

В приписке к ПЛ (по-видимому, авторской) упоминается о посвященном «взятию» сыновей Кучума «писме», хранящемся в Посольском приказе, что позволило ряду исследователей говорить про возникновение занимающего нас памятника в столице. На взгляд Р.Г.Скрынникова, автор «Повести...», ссылавшийся на московские летописцы и обращавшийся к материалам посольского архива, относился к приказному миру «царствующего града», возможно, штату дипломатического ведомства[83]. По допущению Н.А.Миненко, ПЛ составил служащий Посольского приказа[84]. Е.И.Дергачева-Скоп же находит, что ПЛ сложился в Тобольске или Таре, но дошедшую до нас рукопись памятника переписал

дьяк приказа, ведавшего внешней политикой Московского государства[85]. Тара, впрочем, лишь однажды, как и Пелым, упоминается в «Повести...». Зато в этом произведении нетрудно расслышать «отзвук личных впечатлений о Тобольске»[86]. К примеру, «списатель» поясняет, что Княжий луг находится позади «того места, где Знаменской монастырь»[87]. В «Повести...» сообщается о строительстве первого тобольского храма — Троицкого, о чем Есипов умалчивает[88]. Вероятно, она была создана в Тобольске, с 1621 г. сочетавшем функции военно-административного и религиозного центра «Сибирского царства». Ее автор, по всей видимости, являлся служилым человеком, не исключено, одним из «ермаковых казаков»[89]. Рассказывая о перипетиях «Сибирского взятия», он мог прибегать и к воспоминаниям ветеранов завоевания «Кучумова юрта», например, относительно путей с «Руси» за «Камень» и обратно.

В ПЛ почти целиком повторены известия ЕЛ о пленении «ермаковыми казаками» Маметкула (Мухаммада кули султана), а заложившим Тобольск Д.Д.Чулковым — властителя Старой Сибири (Кашлыка) Сейдяка (Сеид-хана, Саййид Ахмата бека)[90]. Оригинально сообщение ПЛ о том, что ханского брата (в «Повести» Саввы Есипова и зависящих от нее летописях Маметкул называется сыном Кучума[91]. хотя в действительности приходился тому племянником) привезли в Москву голова Иван Киреев с ермаковцами в 1583/84 г., вскоре после смерти Ивана Грозного и вступления на престол его сына Федора. Мысль, будто это хронологическое определение является вставкой[92]. осталась неаргументированной. Возможно, оно принадлежит автору «Повести летописной...», так как здесь читаем, что И.Киреев вместе с С.Волконским (речь должна идти о Болховском) и Глуховым прибыл за Урал, уже не застав Ермака в живых, а согласно повторенному в ПЛ свидетельству Есипова, предводитель казаков погиб 5 августа 1584 г.; читатель ПЛ вправе заключить, что ханского племянника привезли в Москву не ранее 1584/85 г. К тому же в отличие от других дат, заимствованных из ЕЛ, указанное хронологическое определение приведено в усеченной форме, без обозначения тысячелетия. О появлении Маметкула в «царствующем граде» уже при Федоре Ивановиче сказано и в ЕЛ, и во вторичных относительно ее сибирских летописях. Но только в Румянцевском

летописце вида А приезд близкого родственника Кучума в Москву отнесен к 1583/84 г., в других переработках ЕЛ (включая ее Распространенную редакцию) данное событие приурочено к предыдущему году, однако «самодержавству» Федора, начавшемуся, как известно, в марте 1584 г. При этом в Румянцевском летописце вида Б говорится о доставке Маметкула в российскую столицу атаманом и казаками, в иных произведениях «группы» ЕЛ — «воинскими людьми»[93]. Если в «Повести» Саввы Есипова читаем, что живший ранее в Бухаре Сейдяк «царевича Алея и прочих победи и изгна» из Старой Сибири — вотчины своего отца, то согласно ПЛ, сын Бекбулата «Казыева», заняв ханскую ставку, «Алея взял и прочих Кучюмовых сынов смер[тью] убил и из града изгна». В конце ПЛ, уже после «аминя», со ссылкой на это свидетельство — «выше сего то рекохом же» — сообщается, что так и не покорившийся русским «салтан» имел десять сыновей, из которых семь умертвил Сейдяк в Старой Сибири; Алей, Алтынай и еще один, не названный по имени, оказывается, «при прежних государях были на Москве», а как они «взяты, тому писмо есть в Посольском приказе»[94]. Очевидно, такая ссылка завершала и фразу (на которой текст ПЛ обрывается) о пленении Маметкула и его доставке в Москву Иваном Киреевым. Подобно А.Т.Шашкову, можно думать, что в дополняющей «Повесть...» приписке (скорее всего авторской[95]) не назван Ишим (Иш Мухаммад султан), вместе с теми же старшими братьями и Маметкулом указанный, чего нет у Есипова, в приведенном летописцем донесении Ермака царю Ивану о победе над Кучумом. По наблюдению А.Т.Шашкова, перечисление ханских сыновей в сообщении об этом донесении является вставкой[96]. Ее источником, очевидно, явилось то же «писание», которое использовано в концовке памятника. При этом анонимный книжник, назвавший только Алея, Алтыная и Ишима, не учел, что к моменту, когда Ермак известил царя Ивана о «Сибирском взятии», были живы и семь их братьев. (Считать, что «отписка» легендарного атамана Грозному повторяет текст шертной грамоты[97], не приходится, в рассказе о сеунче составитель ПЛ почти целиком следовал ЕЛ).

Летописная заметка о посвященном «взятию» трех сыновей Кучума «писме», хранившемся в Посольском приказе, навела ряд исследователей на мысль о возникновении ПЛ в этом дипломати-

ческом ведомстве или близких к нему кругах. Р.Г.Скрынников полагает, что автор «Повести...» принадлежал к столичному приказному миру, возможно, был посольским дьяком либо подьячим. Маститому историку думается, что в архиве Посольского приказа создатель ПЛ, ссылавшийся на московские летописцы, нашел не только «писмо» о пленении сибирских царевичей, но и разрядные записи, а также сходные с ними документы[98]. В представлении Е.И.Дергачевой-Скоп «Повесть...» возникла в Таре или Тобольске, но дошедшая до нас рукопись памятника вышла из стен российского внешнеполитического ведомства[99], где, по допущению Н.А.Миненко, был составлен ПЛ[100].

Заметим, однако, что имеющаяся в «Повести...» ссылка на московские летописцы, естественная для провинциала[101], неточна: в последних Чингис-хан и Темир-Аксак не отождествляются. Утверждение о знакомстве создателя ПЛ с повестью о знаменитом завоевателе, разгромившем Тохтамыша[102], кажется поэтому маловероятным. Скорее всего автору понаслышке было известно о московских летописцах, где рассказывается об основателе Монгольской державы. Не исключено, что лишь по сообщениям какого-то посольского дьяка или подьячего анонимный «списатель» знал про упомянутое «писмо». Летописец мог и думать, что справка о пленении Алея, Алтыная и Ишима[103] должна была отложиться в посольском архиве. Трудно судить, почему в ПЛ названы только эти три сына Кучума. Ведь Алтыная (Алтаная) взяли в плен на озере Зайсан (с шестью братьями) в 1598 г., Ишим перешел, хотя и ненадолго, на московскую службу в 1601 г., а Алей (Али хан) очутился в неволе семь лет спустя. Всего же у Кучума было тринадцать, а не десять сыновей[104]. Первым из них (еще в конце 1580-х гг.) попал в московский плен Абу-л-Хайр (Абулхаир), спустя десятилетие принявший крещение. О «взятии» этого царевича, а позднее и Асманака (захваченного русскими служилыми людьми в сражении на озере Зайсан) следовало известить своих собеседников московским дипломатам[105]. Поэтому сомнительно предположение Е.И.Дергачевой-Скоп, будто автор ПЛ пользовался записью о разгроме Кучума на Оби[106]. Затруднительно согласиться и с утверждением видной исследовательницы сибирского летописания о том, что в «Повести...» допущена путаница в датировке пленения сыновей непо-

корного хана[107]. Летописец попросту не сообщил о времени их «взятия».

По-видимому, зная о победе Ермака над Алеем[108], Алтынаем и Ишимом, создатель ПЛ рассудил, что их пленили русские, а раз у Кучума было всего десять сыновей, то остальных перебил Сейдяк при захвате Старой Сибири. При этом летописец не сумел выяснить, каким московским государям служили названные царевичи. (В том варианте ЕЛ Основной редакции, которым пользовался составитель «Повести...», отсутствовал рассказ о судьбе Кучума после возведения Тобольска и захвата в плен Сейдяка, Султана (Ораз-Мохаммада), Карачи, где упоминается про «взятие» ханского сына). Из рассказа о занятии Кашлыка наследником Бекбулата «Казыева» трудно понять, был ли тогда Алей убит, пленен либо изгнан[109]. Таким образом, утверждать, что создателю ПЛ было доступно «писмо» о «взятии» Алея, Алтыная и Ишима, хранившееся в посольском архиве, не приходится. О доставке же Маметкула[110] «к царскому порогу» Иваном Киреевым неизвестный книжник, видимо, узнал из повести о разгроме ермаковцами Сибирского ханства, которой располагал наряду с ЕЛ, «послужным списком» Черкаса Александрова и описанием городов, острогов и рек Зауралья.

Видимо, зная о переходе Алея, Алтыная и Ишима на московскую службу, летописец рассудил, что их братьев умертвил Сейдяк при захвате Старой Сибири (Кашлыка). Любопытно, что в «Повести...» не упомянуто про Абу-л-Хайра (Абулхаира), оказавшегося в неволе еще в конце 1580-х гг. и вскоре после избрания Бориса Годунова на трон принявшего крещение. Летописец, который, по-видимому, лишь предполагал, что в посольском архиве должны иметься сведения о «взятии» Алея, Алтыная и Ишима, не сумел и пояснить, каким московским государям служили эти сыновья Кучума. Вывод о создании и даже переписке рукописи ПЛ в Посольском приказе трудно поэтому признать оправданным. Более вероятно, что эта любопытная компиляция появилась в Тобольске, где ее составитель мог обнаружить и «Повесть...», и «послужной список» Черкаса Александрова.

Итак, создатель ПЛ (этого книжника скорее всего следует искать в кругах духовенства сибирской столицы) располагал несколькими нарративными и документальными источниками.

Основными из них явились ЕЛ, вероятно, иного вида, чем сохранившиеся, и «Повесть...», возможно, сочиненная в конце первой четверти XVII в. каким-то служилым человеком Тобольска — ветераном покорения «Кучумова царства». Изучение этой «Повести...», думается, подтверждает мысль о том, что «в истоках сибирского летописания мог быть не один памятник, а целая традиция, фиксировавшая различные версии «Сибирского взятия»[111].

Примечания

[1] ПСРЛ. Т. 36. С. 70.

Е.К.Ромодановская, пересказывая данное известие, неточно говорит про расспросы казаков самим Киприаном (Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 226, 360). Ошибочно указание А.А.Преображенского на передачу Н второму сибирскому архиепископу Макарию (Преображенский А.А. Историк об историках России XX столетия. М., 2000. С. 48).

[2] Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. Т. 2. С. 68.

[3] Бахрушин С.В. Науч. труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 21, 26, 30. См. также: Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., испр. и доп. М., 1999. Т. 1. С. 461—462.

Мнение, что утраченное Н «как бы обретено вновь благодаря анализу» С.В.Бахрушина (Дубровский А.М. С.В.Бахрушин и его время. С. 62; Он же. Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков: Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1. С. 197) — явная натяжка. Заблуждением следует считать и утверждение А.М.Дубровского, будто именно С.В.Бахрушиным найдено упоминание о Н в ЕЛ. Про казачье «писание» или «списки», как определяется Н в некоторых рукописях ЕЛ и четырех разновидностях Сибирского летописного свода (далее — СЛС) (ПСРЛ. Т. 36. С. 70. Примеч. 66; С. 194, 262, 318, 347), говорил еше Г.Ф.Миллер.

[4] Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII в. М., 1955. С. 601; Устюгов Н.В. Научное наследие. М., 1974. С. 105. В разделе указанных «Очерков», написанном С.В.Бахрушиным и Н.В.Устюговым, говорится об использовании казачьих «списков» С.У.Ремезовым (С. 589).

[5] Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 411; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2. Ч. 2. С. 90, 92; М.; Л., 1958. Т. 1. С. 297.

[6] Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 79. Впрочем, отправляясь за «Камень», «Старорушанин» едва ли твердо знал, когда начался поход казаков против «Кучумова царства». В ранних (или восходящих к ним) летописях «Сибирское взятие» приурочено к 1578/79, 1582/83, 1584/85, 1585/86 гг. См.: ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 195; Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники: 1980 г. М., 1981. С. 240; Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. // Там же: 1984 г. М., 1984. С. 214; Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 245; Уо Д.К. К истории вятского летописания // In memoriam:

Сб. статей памяти Я.С.Лурье. СПб., 1997. С. 316; Рос. гос. архив древних актов. Ф. 181. № 119. Л. 276; Ф. 196. Оп. 1. № 822. Л. 12 об.; Отдел рукописей Рос. гос. библиотеки (далее — РГБ). Собр. Овчинникова. № 558. Л. 364 об.; Отдел рукописей и редких книг Рос. нац. библиотеки (далее — РНБ). Собр. Погодина. № 1573. Л. 14 об.; Собр. Эрмитажное. № 567. Л. 104; Q. IV. 355. Л. 6 об.; F. XVII. 17. Л. 462 об.

[7] История русской литературы. Т. 2. Ч. 2. С. 89; Буганов В.И., Зимин А.А. Поход Ермака на Казань и возникновение исторических песен о Ермаке // Уч. зап. Казан. гос. пед. ин-та. Казань, 1967. Вып. 50. С. 4, 5.

[8] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 197, 224—226, 243; ЛП. С. 368.

[9] Шашков А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 122—123, 127, 133.

[10] Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 30. В.И.Сергеев неточно приписывает С.В.Бахрушину мысль о возникновении Н в 1621 г. (Сергеев В.И. Сибирские летописи // Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. Стлб. 823).

[11] См.: Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 106, 147, 353.

[12] Буцинский П.Н. Соч.: В 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 216.

[13] Там же. С. 248; Преображенский А.А. Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России (По поводу книги Р.Г.Скрынникова «Сибирская экспедиция Ермака») // История СССР. 1984. № 1. С. 117; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 237; Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993. С. 236. Ср.: С. 16—17.

[14] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 433—435.

[15] Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия сибирского летописания: Концепция, материалы. Новосибирск, 2000. С. 31.

[16] Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. С. 241; Клюева В.П. Летописи Сибири // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 2. С. 131.

[17] Ромодановская Е.К. Сибирское летописание... С. 139; Она же. «Написание» казаков о походе Ермака // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 371; Она же. Тобольские летописцы // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина. С. 47.

[18] Солодкин Я.Г. О некоторых спорных проблемах возникновения сибирского летописания // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2002. № 1 (7). С. 85; Он же. Из истории Сибири первой половины XVII в.: (военно-политический. административный и культурный аспекты) // ЗС. Тюмень, 2004. Вып. 6. С. 22, 33. Примеч. 83. См. также: ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 120; ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985. С. 218, 220. Ср.: С. 200, 212, 216. 226, 228. 230. 232; ПЛДР: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 528, 529, 632; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 86; Буров В.А., Охотина-Линд Н.А. Три произведения конца XVI — начала XVII в. о Соловецком монастыре // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря / Отв. ред.

С.А.Семячко. СПб., 2004. С. 155, 156, 160—166, 169. Ср: Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки РАН. 16. 13. 3. Л. 169—170.

[19] Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 95, 121; Очерки. С. 48—49; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 31. В оценке А.М.Панченко Н запечатлело казачьи предания (История русской литературы. Л., 1980. Т. I. С. 326).

[20] Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири... С. 86, 109, 133; Он же. Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970. С. 17, 24; Сергеев В.И. У истоков сибирского летописания // ВИ. 1970. № 12. С. 52, 53. Е.К.Ромодановская однажды назвала Н официальным документом (Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 103).

[21] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 68, 226, 228; ЛП. С.363. Ранее она указывала на возникновение Н при Киприане (Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 24, 25).

[22] Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 140, 146, 147.

[23] Солодкин Я.Г. Погодинский летописец и его автор... С. 17—23, и др.

[24] Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия... С. 88. Утверждение, что «такие записки казаки писали и в Чудовом монастыре в 1586 г.» (Там же), следует считать домыслом. В синодик этой обители, если следовать ее приходо-расходным книгам, надлежало внести, причем за вклады, имена ермаковцев, а порой и их родителей. См.: Никитин Н.И. Соратники Ермака после «Сибирского взятья» // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 60—61.

[25] ЛП. С. 369.

По определению А.Л.Станиславского, в синодик московского Успенского собора включена поминальная память 1607 г. с перечнем дворян, убитых болотниковцами за Угрой и под Брянском (Станиславский А.Л. Брянский край и восстание И.Болотникова // Феодальный город. Брянск, 1993. Вып. 1. С. 22, 26). Видимо, на основании памятей такого рода сотни имен служилых людей, в том числе казаков, павших при взятии Казани, попали в синодик «по убиенным во брани» (см.: Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 170, 172, 174—189). Свидетельства синодика опальных царя Ивана восходят к документации опричных архивов, в частности, «скаскам», судным делам, отчетам (Скрынников Р.Г. Россия после опричнины: Очерки политической и социальной истории. Л., 1975. С. 98; Он же Великий государь Иоанн Васильевич Грозный: В 2 т. Смоленск, 1996. Т. 2. С. 61, 67, 216, 235, 397, 399—401, 403—409). Примерами поминальных записей могут служить перечни представителей родов Палицыных, Траханиотовых, А.П.Шуйской, С.Р.Алферьева-Безнина, И.О.Безобразова, И.Ф.Волконского, Ф.М.Елизарова, П.Губина из синодиков Чудова, Троице-Сергиева, Никитского монастырей (РГБ. Ф. 304. № 41. Л. 8, 32; РНБ. F. IV. 194. Л. 29, 34, 46 об., 74 об., 94 об., 115 об., 128 об., 149—149 об., 193 об.; Титов А.А. Синодики XVII века Переславского Никитского монастыря. М., 1903. С. 20). Н, думается, могло послужить источником поминальной памяти, составленной приказными Киприана, а та (скорее всего после редактирования) была использована в С.

[26] Дворецкая Н.А. Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 332; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 225.

Утверждение, что о Н говорится в С (Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 39—40), неверно.

[27] Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы... С. 121; Очерки. С. 48.

[28] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 68, 181, 226—227, 234, 243; Резун Д.Я. Родословная... С. 16—17. В сущности такого же мнения держится А.Т.Шашков, считающий, что воспоминания Черкаса Александрова составили повествовательную часть Н, т.е. протографа ПЛ.

[29] Преображенский А.А. Некоторые итоги... С. 103.

[30] Сперанский М.Н. Повесть о городах Таре и Тюмени // Труды Комиссии по древнерусской литературе АН. Л., 1932. Т. 1. С. 25; Устюгов Н.В. Научное наследие. С. 105.

[31] Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири... С. 116, 123.

[32] Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи // История СССР. 1979. № 4. С. 86—88, 94, 99; Он же. Сибирская экспедиция Ермака. С. 22, 24—27, 30, 33, 34, 42, 54, 155, 216, 219. В этой связи трудно согласиться с выводом о том, что в Н имелись сведения о генеалогии татарских ханов, сибирских племенах, их религии, заимствованные из «татарских историй» (Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 29; Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение... С. 112, 119, 157; Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 228).

[33] Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 30. А.Н.Копылов думал, что С мог быть составлен по Н со слов ермаковцев (Копылов А.Н. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1968. С. 20). Е.К.Ромодановская однажды утверждает, что С возник «на основе рассказов участников похода» Ермака (ТАД. С. 240), забывая про Н. Ср.: Там же. С. 237; ЛП. С. 355; Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 25, 242.

[34] Ромодановская Е.К. Погодинский летописец (К вопросу о начале сибирского летописания) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 18—58 (переизд.: Она же. Избр. труды... С. 181—229); Она же. Сибирское летописание... С. 138—141; Она же. «Написание»... С. 371; Она же. Черкас Александров // СККДР. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 227—229; Она же. Тобольские летописцы. С. 46. См. также: ЛП. С. 368.

[35] Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 116—161. См. также: Он же. Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581—1582 гг. // Изв. УрГУ. 1997. № 7. С. 43, 49 (Гуманитарные науки. Вып. 1); Он же. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4. С. 27, 32, 35, 40; Он же. Гибель Кучумова «царства». Еще раз о походе Ермака: новая версия // Родина: Тропою стран полуночных. 2002. С. 70, 74; Он же. Лодейный город // Родина. 2004. № 7. С. 44, 46—47; Очерки истории Югры. С. 109, 114, 120—121, и др. Н.И.Никитин затрудняется решить, был ли Черкас Александров основоположником сибирского летописания (Никитин Н.И. Соратники Ермака... С. 64).

[36] Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 39—59. О вторичности ПЛ относительно ЕЛ свидетельствуют и лингвистические данные. См.: Панин Л.Г. О языке русской письменности Сибири XVII—XVIII веков // Семен

Ремезов и русская культура второй половины XVII—XIX веков. Тобольск, 2005. С. 443—447.

[37] Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия... С. 35, 38. Ср.: С. 36, 53. Последний вывод представляется нам опрометчивым. По структуре анализируемый памятник гораздо ближе к основной редакции ЕЛ, чем к АЛ, где нет имеющегося в сочинении Саввы Есипова заголовка, переделанного редактором ПЛ. В «Повести...», наподобие ЕЛ и в отличие от АЛ, говорится о сибирских князьях и царях, утверждении Кучума в Сибири, его судьбе после пленения в Тобольске Сейдяка, Салтана и Карачи и отправки этих знатных невольников в Москву. Если верить АЛ, Маметкул был сыном Кучума, а не его братом, о чем сказано в ПЛ. Согласно АЛ, решив вернуться по Оби за «Камень», И.Мансуров сжег основанный им городок; в ПЛ про это умалчивается. См.. ПСРЛ. Т. 36. С. 92, 94—97, 132, 133, 137.

[38] Солодкин Я.Г. «Повесть летописная» о «Сибирском взятии» и Черкас Александров // Сибирь: вехи истории: Тез. докл. и сообщ. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Ф.А.Кудрявцева. Иркутск, 1999. С. 115—117; Он же. Погодинский летописец и его автор... С. 17—20; Он же. О некоторых спорных проблемах... С. 87—88, и др. Вдобавок заметим, что если бы Черкас Александров являлся автором «Повести...», в ПЛ о поездке сеунчиков к Грозному и возведении Тюмени рассказывалось бы, очевидно, не только по ЕЛ.

[39] ПСРЛ. Т. 36. С. 48, 55, 58, 60, 62, 64, 67, 131—137.

[40] Там же. С. 46. 48, 53, 55, 65, 129, 132, 136.

[41] Там же. С. 32, 38, 42, 79, 81, 108, 119, 125, 130, 180, 231. 232, 236, 254, 304, 356, 358, 361. Сходное с приведенным в ПЛ (Муртазелеев) «отчество» Кучума (по допущению А.Т.Шашкова. неточно воспроизведенное переписчиком конца XVII в.) встречаем только в Ремезовской летописи. См.: ПЛДР: XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 568.

[42] ПСРЛ. Т. 36. С. 60. Примеч. 10, 11. Ср.: С. 73, 113. См. также: Там же. М., 1968. Т. 31. С. 142.

[43] Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 151.

[44] ПСРЛ. Т. 36. С. 62, 63, 68, 135, 137. Утверждение, будто согласно ПЛ, Ермак погиб, так как был в подаренных ему царских панцирях (/Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 19. Ср.: ЛП. С. 367), не отличается точностью.

[45] ПСРЛ. Т. 36. С. 53, 58, 59, 61, 132, 133. Маметкул, который в действительности приходился Кучуму племянником, братом сибирского «салтана» называется и в грамоте царя Ивана Строгановым от 30 мая 1574 г. (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 332).

[46] ПСРЛ. Т. 36. С. 46, 54—56, 58—68. 129—137.

[47] Там же. С. 64, 135.

[48] См.: Ромодановская Е.К. Погодинский летописец... С. 19.

[49] Этот список появился не позднее второй трети XVII в. См.: /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 9.

[50] В списке Спасского ЕЛ это расстояние определено в 2400 поприщ (ПСРЛ. Т. 36. С. 43. Примеч. 21—24), а в Поверстной книге XVII в. — в 2110 верст

(Петров В.А. Географические справочники XVII в. // Ист. архив. М.; Л., 1950. Т. 5. С. 112).

[51] ПСРЛ. Т. 36. С. 75, 76, 129. Ср.: С. 131.

[52] Утверждение, будто в ПЛ не сказано о кончине С.Болховского (ЛП. С. 367), ошибочно.

[53] ПСРЛ. Т. 36. С. 130, 136. Последнее сообщение анахронистично; кроме того, речь должна идти о П.И.Горчакове (Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 129).

[54] Мысль, что это хронологическое определение является вставкой (Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 138), осталась неаргументированной. Оно может принадлежать автору «Повести...», утверждавшему, что И.Киреев вместе с С.Волконским и И.Глуховым прибыл в Сибирь, уже не застав в живых Ермака. а согласно повторенному в ПЛ свидетельству Есипова, предводитель волжских казаков погиб 5 августа 1584 г. Читатель ПЛ вправе заключить, что ханского племянника в российскую столицу доставили не ранее 1584/85 г., а не в предыдущем году, как говорится в «Повести...». К тому же в отличие от других дат (заимствованных из ЕЛ) эта приведена в усеченной форме, без указания тысячелетия.

К 1583/84 г. приезд Маметкула в Москву приурочен только в Румянцевском летописце вида А, во всех остальных сибирских летописях появление ханского племянника в Москве датируется 1582/83 г., хотя тоже началом царствования Федора Ивановича. См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 34, 40, 94, 113, 124, 247, 309, 363.

[55] Так, кстати, в середине XVII в. поступил составитель Пискаревского летописца. См.: Солодкин Я. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 62.

[56] Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи. С. 97; Он же. Сибирская экспедиция Ермака. С. 50, 237.

[57] Ср.: ПСРЛ. Т. 36. С. 65, 136; Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962. С. 79—80; Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976. Т. 2. Вып. 1. С. 33; Корецкий В.И. Томская разрядная книга с ранними известиями об опричнине // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 6; Разрядная книга 1475—1605 (далее — РК). М., 1987. Т. 3. Ч. 2. С. 75. Р.Г.Скрынников ссылается на одну разрядную запись о «посылке» В.Б.Сукина и И.Н.Мясного в Сибирь (Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 316. Примеч. 175).

[58] ПСРЛ. Т. 36. С. 135, 136.

[59] Очерки. С. 80; Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 271.

[60] Летописное известие на этот счет подтверждается царской грамотой Строгановым от 7 января 1584 г. См.: Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 43.

[61] В одной записи пермичи и вятчане тоже названы стрельцами.

[62] В КО, а также в зависящем, видимо, от протографа этого сочинения НЛ читаем о пятидесяти казаках, посланных к Ивану Грозному предводителем экспедиции за «Камень» (Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 308; ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 33).

[63] ПСРЛ. Т. 36. С. 131, 132, 380.

[64] Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 50.

[65] Ср.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А.Попов. М., 1869. С. 208, 391, 426, 427; Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1909. Т. 13. Стлб. 138; Буганов В.И., Корецкий В.И., Станиславский А.Л. «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 253, 254.

[66] ПСРЛ. Т. 36. С. 133, 137. Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 128. Скорее всего это имя пропущено механически (Солодкин Я.Г. Погодинский летописец... С. 18).

[67] ПСРЛ. Т. 36. С. 136, 233, 252, 302, 312, 365. Ср.: С. 74.

[68] Допущение Н.А.Дворецкой, что при Киприане была составлена повесть (генетически не связанная с ЕЛ), близкая к открывающим НЛ статьям о «взятии» «царства Сибирского» (Дворецкая Н.А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 478. Ср.: Она же. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984. С. 54), осталось текстологически неподкрепленным.

[69] Сергеев В.И. Источники и пути исследования... С. 43, 52—53.

[70] ПСРЛ. Т. 36. С. 57, 133. Е.К.Ромодановская нашла не вполне оправданным сближение «шертной» грамоты и ПЛ (Ромодановская Е.К. Погодинский летописец... С. 23).

[71] Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 130.

[72] Утверждение, что в походе Ермака Черкас возглавлял отряд «из строгановских «охочих» казаков» (Резун Д.Я. Когда и с кем ушли казаки после гибели Ермака? // Изв. Сибир. отделения АН СССР: Сер. обществ. наук (далее — ИСО). 1981. № 11. Вып. 3. С. 18), надо счесть домыслом.

[73] «Послужные списки» атаманов и казаков нередко приводятся в челобитных, поданных ими самими либо их родственниками. См., напр.: Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982. С. 26, 38; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 81—82; Никитин Н.И. Соратники Ермака... С. 70—72. Ср.: С. 73, 77.

[74] Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 151, 152; Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия... С. 36.

[75] См.: Преображенский А.А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 382; Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996. С. 57.

[76] ПСРЛ. Т. 36. С. 130, 131, 133—137.

[77] Там же. С. 66, 129, 133, 136.

[78] Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 150, 151.

[79] См.: ЛП. С. 277, 342, 363.

[80] ПСРЛ. Т. 36. С. 129.

[81] Ромодановская Е.К. Погодинский летописец... С. 49; Она же. Черкас Александров. С. 229.

[82] ПСРЛ. Т. 36. С. 129, 131, 132, 137.

[83] Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи. С. 99; Он же. Сибирская экспедиция Ермака. С. 51, 59. В рецензии на первое издание названной монографии Р.Г.Скрынникова о принадлежности автора ПЛ, якобы в чисто книжной манере изобразившего поход Ермака к приказному миру Москвы, писал А.П.Пронштейн. См.: История СССР. 1984. № 1. С. 196. По мысли А.А.Преображенского, ПЛ возник в Москве до знаменитого пожара 1626 г., в котором погибли бесчисленные приказные документы (Преображенский А.А. Некоторые итоги ... С. 105).

[84] Миненко Н. Хождение за «Камень». Начало Азиатской России: новая версия // Родина. 2000. № 5. С. 69; Она же. Тюмень: Летопись четырех столетий. Тюмень, 2004. С. 33. По словам Е.К.Ромодановской, летописец «опирался на документы» посольского архива (Ромодановская Е.К. Летописные источники о походе Ермака // ИСО. 1981. № 11. Вып. 3. С. 26).

[85] Летописи сибирские. С. 100, 268; Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия... С. 8, 36.

[86] Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 56. Ср.: Ромодановская Е.К. Погодинский летописец... С. 38; Очерки. С. 81.

[87] ПСРЛ. Т. 36. С. 129, 136. Эта обитель, возникшая около 1596 г., называлась так с 1623 г.; ранее она именовалась Успенской или Никольской. См.: Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII—XVIII веках (Развитие феодальных отношений и их особенности). Красноярск, 1973. С. 19.

[88] О закладке того же храма сказано в ряде источников (ПСРЛ. Т. 36. С. 115, 139, 186, 190, 365, 368; ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 566; ТАД. С. 156). В трех разновидностях СЛС эта церковь называется Вознесенской (ПСРЛ. Т. 36. С. 259, 315, 345), что неверно.

[89] Это, однако, не Черкас Александров, умерший к началу 1620-х гг. или к концу первой четверти XVII в. См.: Никитин Н.И. Тобольская «литва» в XVII в. // Город и горожане России в XVII — первой половине XIX в. М., 1991. С. 69. Примеч. 5; Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 146.

[90] См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 58—59, 66—67, 133, 136—137.

[91] Там же. С. 33, 38, 39, 53, 58, 59, 61, 83, 92, 94, 95, 110, 112, 113, 132, 133, и др.

[92] Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 138.

[93] ПСРЛ. Т. 36. С. 34, 40, 94, 113, 124, 247, 309, 363.

[94] Там же. С. 61, 64, 133, 135, 137. Ср.: С. 130, 134.

[95] Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 50.

[96] Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 128, 130. По мнению того же исследователя, указание на Ишима было опущено потому, что этот султан, в 1601 г. добровольно сдавшийся русским и вскоре отпущенный в Сибирь, возобновил борьбу за независимость «Кучумова юрта» и вел ее, видимо, до гибели в 1624 г. Более вероятно, что это указание было пропущено механически (Солодкин Я.Г. Погодинский летописец и его автор... С. 18).

[97] Сергеев В.И. Источники и пути исследования... С. 43, 52—53.

[98] Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи. С. 99; Он же. Сибирская экспедиция Ермака. С. 51, 59.

[99] Летописи сибирские. С. 100, 268; Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия... С. 8, 36.

[100] По словам Е.К.Ромодановской, летописец «опирался на документы» посольского архива (Ромодановская Е.К. Летописные источники... С. 26).

[101] Ср.: Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 85, 122; Повести о начале Москвы / Исслед. и подг. текстов М.А.Салминой. М.; Л., 1964. С. 91, 92; Каган М.Д. Житие Паисия Угличского // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 319; ТАД. С. 93.

[102] Ромодановская Е.К. Погодинский летописец... С. 49; Она же. Черкас Александров. С. 229.

[103] Подобный документ неизвестен, сохранилась только опубликованная С.А.Белокуровым «Роспись, хто был на Москве царей и царевичев розных земель...», где о сыновьях Кучума умалчивается, но указан Маметкул (Чтения в Обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те (далее — ЧОИДР). 1899. Кн. 4. Смесь. С. 5—6).

[104] См.: Нестеров А.Г. Династия Сибирских Шейбанидов // Тюркские народы: Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000. С. 209—211.

[105] См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее — ПДС). СПб., 1852. Т. 2. Стлб. 466; Сборник имп. Рус. Ист. общества (далее — Сб. РИО). СПб., 1883. Т. 38. С. 296; Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. 341. Ср.: С. 279; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией (далее — ПДТС). СПб., 1890. Т. 1. С. 364; СПб., 1892. Т. 2. С. 50. О пленении Абулхаира (без указания его имени) упомянуто во многих сибирских летописях (ПСРЛ. Т. 36. С. 35, 41, 68, 89, 97, 127, 187, 255, 313, 366. и др.).

Следуя показанию С.У.Ремезова, пленение Абу-л-Хайра обычно относят к августу 1591 г. Утверждение, что это произошло годом ранее (Хохлов В.П. Кольцов-Мосальский Владимир Васильевич // Тобольский биографический словарь (далее — ТБС). Тобольск, 2003. Вып. 2. С. 27), безосновательно.

[106] Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия... С. 53.

[107] Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы... С. 133.

[108] В ПЛ упомянуто о его походе к Соли Камской и Чусовой (ПСРЛ. Т. 36. С. 130).

[109] Недаром в Лихачевской редакции сочинения Есипова пояснено, что Сейдяк изгнал из Старой Сибири всех Кучумовичей (ПСРЛ. Т. 36. С. 125).

А.Т.Шашков, который признает ПЛ самым надежным источником по истории «Сибирского взятия», находит достоверным сообщение автора «Повести...» о пленении Сейдяком при захвате Кашлыка Алея и гибели семи братьев этого наследника Кучума (Шашков А. Гибель Кучумова «царства»... С. 77).

[110] В ПЛ (подобно царской грамоте Строгановым от 30 мая 1574 г.) он представлен братом Кучума, тогда как в русской дипломатической документации конца XVI в. выдается за ханского сына.

[111] Богданов А.П. Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И.Е.Забелина // Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 198 (Труды Гос. ист. музея. Вып. 71). В.Г.Вовина-Лебедева же недавно повторила убеждение в том, что все сибирские летописи восходят к единой основе (Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. С. 108).

Глава 2

СИНОДИК «ЕРМАКОВЫМ КАЗАКАМ». КИПРИАН СТАРОРУШАНИН И ЗАРОЖДЕНИЕ СИБИРСКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

Общепризнанно, что у истоков сибирской литературной традиции находится синодик Ермака и его соратников, погибших в боях против кучумлян. Созданный на основе Н ветеранов экспедиции, сыгравшей решающую роль в крушении татарского ханства за «Камнем», этот поминальный перечень оказал существенное влияние на развитие летописания в самом дальнем «царстве» московских государей. В частности, С считается главным или одним из основных[1] источников сочиненной Есиповым «Повести о Сибири и о сибирском взятии».

С точки зрения Е.К.Ромодановской, в 1969 г. обнаружившей в Уваровской рукописи Чина православия (совершавшегося в неделю православия во время Великого поста) раннюю редакцию С, прежде сибирская историография знала рассматриваемый памятник, созданный по инициативе первого тобольского архиепископа Киприана Старорушанина, если не им самим, в разновидности, составляющей заключительную главу ЕЛ[2]. Однако, как выяснено Е.К.Ромодановской, перечень атаманов и казаков, убитых «погаными» при завоевании «Кучумова царства», по Миллеровскому списку этой летописи восходит к первоначальной разновидности С*. Последний, согласно допущению исследовательницы, был известен автору Повести о городах Таре и Тюмени[5] либо его протограф, на взгляд самой Е.К.Ромодановской, явился источником СЛ, а С в «Есиповской редакции» был «обработан» и С.У.Ремезовым[6]. Той же редакции С, находит видный филолог, следовал Г.Ф.Миллер, хотя, возможно, будучи в Тобольске, автор знаменитого «Описания Сибирского Царства» получил выписки из С по Чину православия, хранившемуся в Софийской библиотеке[7]. Нетрудно заметить, что эти суждения (последнее из которых Е.К.Ромодановская оставила без аргументации) не согласуются друг с другом.

Любопытно, что «отец сибирской истории», часто обращавшийся к С соборной церкви Тобольска[8], со ссылками на данный «помянник» пишет о гибели 107 казаков в сражении с войском царевича Маметкула под «Чувашами» (на Чувашевом мысу) и 300 — в устье Вагая (вместе с предводителем похода в Сибирь), относит истребление ермаковцев на Абалаке и отряда Ивана Кольцо, посланного в «Карачин» улус, к 5 ноября и 17 апреля соответственно[9]. Те же сообщения, говоря о распоряжении патриарха Филарета и царя Михаила Федоровича «кликати вечную память» Ермаку и его сподвижникам, приводит С.У.Ремезов, приурочив их к 7088, 7089, 7090 и 7091 гг.[10] (ранее автор «Тобольского летописца», как называл «Историю Сибирскую» Г.Ф.Миллер, отнес перечисленные события, упомянутые в С, к 7090 и 7092 гг., и эти датировки, кроме последней, повторены в «Описании»). В известных редакциях С про смерть 107 ермаковцев в битве под Кашлыком и 300 — в устье Вагая, а также времени гибели казаков на Абалаке и в «городке» Карачи умалчивается[11]. Передавая содержание С, Ремезов повествует об убийстве на Абалаке 5 ноября 20 русских воинов, походе «дружины» прославленного атамана против Кодского княжества, к Назымскому и Лабутинскому городкам в июне-июле 7089 г., смерти вместе с Ермаком 6 августа 7091 г. 300 человек. Ранее же в «Тобольском летописце» указанный поход датируется июнем-июлем 7091 г., а гибель предводителя знаменитой экспедиции (и еще 48 казаков) — к 7092 г.[12]

Г.Ф.Миллер, многократно пользовавшийся Ремезовской летописью, в рассмотренных нами случаях сослался на С из соборного храма Тобольска, отметив, что там «убиенным» ермаковцам «и поныне в первую неделю Великого поста вечная память поется», им «положена вечная память».

Создатель «Истории Сибирской», которому хорошо была известна ЕЛ, мог ознакомиться с С в резиденции тобольского митрополита. Подобно Е.И.Дергачевой-Скоп, следует думать, что Ремезов пользовался библиотекой владычной ризницы[13].

С точки зрения В.И.Сергеева, оставшейся, впрочем, без обоснования, Есипов различал С, которым заключил свою летопись, и С Киприана[14]. В оценке Е.И.Дергачевой-Скоп Ремезов пользовался синодиками «Старорушанина» и одного из его преемников на тобольской владычной кафедре Нектария. С последнего, на взгляд

исследовательницы, сравнительно с предыдущим более «фактичен» (так, он содержит известие о гибели ста семи казаков в сражении близ Кашлыка), видимо, это уточненный вариант «помянника» Киприана (в частности, там смерть Ермака отнесена к 6 августа)[15]. Вывод о существовании синодиков первого и третьего тобольских владык разделяется В.Н.Алексеевым и (в предположительной форме) Н.К.Фроловым, полагающим, что Есипов знал и текст данного сочинения, расширенный Нектарием, и первоначальный[16]. При этом имеются в виду не те редакции интересующего нас памятника, о которых писали Е.К.Ромодановская, а потом Р.Г.Скрынников[17]. Последний находит, что дьяк Тобольского владычного дома времени Макария и Нектария, возможно, лишь переписал ранее отредактированный С, иначе непонятно, почему СЛ ближе к «помяннику», чем к ЕЛ. В таком случае неясно, как объяснить разницу между этими летописями при передаче С. По-видимому, Есипов воспользовался текстом «мартиролога» «ермаковых казаков», отличным от имевшегося в распоряжении создателя СЛ. К тому же Карача — «думчей царев» в С, введенном в научный оборот Е.К.Ромодановской,— не раз представлен «думным царя» в ЕЛ, включая ее последнюю главу[18]. Там же читаем о благоверном и благочестивом московском государе соответственно[19]. (Кстати, о внесении исправлений в С дьяком Макария и Нектария писал и сам Р.Г.Скрынников[20]). Напомним, что ЕЛ появилась в самом начале «святительства» Нектария, и в ее заключительной, 37-й, главе нет сообщения про гибель более сотни сподвижников легендарного атамана возле ханской столицы. О работе над С в течение последующих четырех лет «престольства» сибирского архиепископа, ранее бывшего игуменом Ниловo-Столбенской пустыни, отсутствуют даже косвенные данные. К 6 августа убийство Ермака отнесено в редакции С, найденной Е.К.Ромодановской, а не в ЕЛ. Итак, вывод о создании особого С при Нектарии не может считаться обоснованным.

Г.Ф.Миллер находил неверным известие о гибели Ивана Кольца «с товарыщи» 17 апреля, поскольку следом Карача приступил к осаде Кашлыка (Сибири), а это случилось 12 марта. «Истории» С.У.Ремезова, где встречаем такую дату, однако, свойственны многочисленные анахронизмы, и не исключено, что перед нами — один из них.

Автор «Тобольского летописца», а затем Г.Ф.Миллер пользовались той разновидностью С, которая сохранила сведения о количестве ермаковцев, павших в решающей битве с кучумлянами на Чувашевом мысу и в сражении, оказавшемся для их предводителя последним, времени гибели казаков на Абалаке и в «Карачином улусе». Когда сложилась эта редакция С, определить пока затруднительно, но не исключено, что содержащая фактические подробности, признанные неуместными в произведении такого рода[21], она является первичной[22].

С, причисляемый к агиографическим памятникам[23], иногда сближался и даже отождествлялся с летописью[24]. Скорее следует говорить о том, что в этом произведении ощутима традиция повременных записей. В той редакции С, к которой обращались С.У.Ремезов и Г.Ф.Миллер, «летописные черты» (по выражению В.И.Корецкого) проступают более явственно, чем в остальных.

Создание С чаще всего связывается исследователями с именем Киприана Старорушанина, в 1620 г. ставшего «первопрестолъником» Сибирской владычной кафедры. По единодушному мнению исследователей (например, Н.А.Абрамова, Д.С.Лихачева, Е.К.Ромодановской, М.Д.Архиповой), он внес заметный вклад в развитие книжности Московской Руси. Но круг литературных произведений, к созданию которых так или иначе был причастен видный церковный и политический деятель России 1610-х — середины 1630-х гг., очерчен еще весьма приблизительно.

Недавно Е.К.Ромодановская сочла, что обобщение данных о литературном творчестве Киприана позволяет по-новому взглянуть на его деятельность в Сибири[25]. Исследовательница, однако, не конкретизировала эту мысль.

На взгляд Ю.К.Бегунова, считающего первого тобольского владыку одним из зачинателей сибирской литературы, видимо, в окружении «Старорушанина» появилась запись о чуде Святого Димитрия Солунского на Славковой улице Торговой стороны Новгорода в январе 1627 г. В этом сочинении приведено поучение митрополита пастве, сказано о том, что он сообщил о чуде в Москву и установил в его честь крестный ход[26]. (О записи при Киприане Новгородском чуда от образа Спаса на Павловой улице Торговой стороны читаем в местной Забелинской летописи конца XVII в.).

Е.К.Ромодановская находит несомненной причастность «Старорушанина», тогда митрополита Крутицкого, к созданию Сказания о принесении в Москву из Персии Ризы Христовой. В специальных исследованиях об этом сказании, принадлежащих С.Н.Гухман и Г.П.Енину, такая атрибуция не выдвигается. По НЛ известно, что выполняя распоряжение патриарха Филарета, Киприан сочинил службу на перенесение Срачицы Господней. К началу 1626 г. это литургическое произведение, восхваляющее оказавшуюся в «царствующем граде» Москве новую православную святыню[27], было разослано по епархиям. Ни одно из сказаний о даре шаха Аббаса России, созданных почти одновременно, нет сколько-нибудь веских оснований атрибутировать крутицкому владыке.

Иногда Киприан считается автором Слова о Святой Софии, архиерейских поучений, посланий, по заказу которого писал и С.И.Шаховской[28] (редактировавший повлиявшую на протограф Есиповской и Строгановской летописей Повесть о Смуте). Данные суждения не подкреплены какими-либо доводами.

Еще одно произведение, атрибутируемое Киприану,— Повесть о Словене и Русе (Сказание о Великом Словенске, История о зачале Руския земли и создании Новаграда). В обоснование такой точки зрения ссылаются на то, что в названном сказании, принимаемом нередко за новгородскую легенду, особое место уделено Сибири, в частности, приведено бытовавшее там наименование соболя — дынка, подчеркивается роль Старой Руссы (выходцем откуда многие исследователи признают первого тобольского архиепископа), а В.Н.Татищеву была известна Степенная книга с указанной повестью, имеющая «предисловие якобы Киприаново». Д.М.Буланин и А.А.Турилов не прочь думать, что «какая-то ранняя версия Сказания, утверждающая исключительное значение Новгорода в славянской и русской истории, могла возникнуть в годы шведской оккупации Новгорода (1611—1617 гг.)» ради обоснования права этого города «на выбор государя для себя и для всей России»[29]. Заметим, однако, что в сибирских летописях соболь не называется дынкой[30], а в повести о Словене и Русе говорится об основании последним Русы, ее дальнейшем запустении и возрождении на прежнем месте[31] (подобно Словенску или Великому Словенску), то есть автор произ-

ведения, возникшего не позднее рубежа 1630-х — 1640-х гг., далек от намерения отвести Старой Руссе особое место в ранней истории славян и Руси. Под Киприаном, сочинившим предисловие к Степенной книге, В.Н.Татищев явно понимал митрополита Московского — современника Дмитрия Донского и Василия I , а не «Старорушанина». Последний во время шведского «пленения» Новгорода являлся хутынским архимандритом, и тогда не было речи о его поставлении на тобольскую кафедру. В Сказании страна, «рекомая Скир», локализуется «за высокими и непроходимыми каменными горами». Едва ли Киприан мог оценить так Урал даже тогда, когда по пути в сибирскую столицу достиг Верхотурья. Согласно Сказанию, упомянутая страна простирается «до устия Беловодные реки, ея же вода бела яко млеко». Вряд ли Киприан, очутившись в Сибири, стал бы настаивать на такой версии. (Отражение ее в Сказании, кстати, противоречит утверждению К.В.Чистова и А.И.Клибанова, будто Беловодская легенда распространилась только на рубеже XVIII—XIX вв. или несколько позднее).

Зарождение литературной традиции в «далечайшей вотчине» московских государей — Сибири — издавна принято связывать со становлением Тобольского владычного дома. Но в определении круга произведений, находящихся у истоков книжной культуры зауральской части России, исследователи заметно расходятся.

Сообщение Саввы Есипова об обстоятельствах составления С позволило Н.А.Абрамову, А.А.Преображенскому, Е.К.Ромодановской и Н.А.Миненко заключить, что «первопрестольник» Тобольской архиепископии Киприан Старорушанин беседовал с ветеранами «Сибирского взятия». (Так рассудил, кстати, еще иллюстратор Ремезовской летописи[32]. живший при Петре Великом). Однако дьяк трех кряду тобольских владык лишь заметил, что Киприан повелел расспросить сподвижников Ермака о том, как они «приидоша» в Сибирь, где сражались с «погаными» и кто из казаков при этом погиб. Утверждать, что «добрый пастырь» вел беседу с соратниками легендарного атамана, которые назвали ему тогда и дату знаменитой экспедиции[33], стало быть, не приходится. Сомнительна и мысль, будто первый сибирский архиепископ собрал ветеранов этой экспедиции к 40-й годовщине начала казачьего похода за «Камень»[34]. Ведь в С и ЕЛ оно приурочено к

7089 (1580/81) г., а Киприан распорядился опросить «ермаковых казаков» во «второе лето» своего «святительства», т.е. в 7130 (1621/22) г. Не подтверждается сохранившимися источниками и взгляд, будто «первопресголъник» нового Софийского дома приказал соратникам Ермака сочинить Н о том, что они помнят о походе в Сибирское ханство[35], либо те в ответ на вопросы бывшего хутынского архимандрита принесли на владычный двор уже имевшиеся у казаков «списки»; в последних говорилось именно об интересовавшем «Старорушанина»[36]. (Судя по ЕЛ, к хронологии экспедиции Киприан остался равнодушен). Церковным властям можно приписать только инициативу составления Н[37].

О тобольском архиепископе, ставшем митрополитом Крутицким, а затем Новгородским, трижды идет речь в летописи С.У.Ремезова, которая считается то вершиной развития сибирского летописания, то скорее научным трудом (обе эти оценки, думается, односторонни). Рассказав про погребение атамана, «дружина» которого сокрушила «Кучумово царство», знаменитый тоболяк сообщил о том, что в 129 (1620/21) г. Михаил Федорович «с патриархом по совету воспомянул Ермака ... и указал по грамоте» Киприану «розспрашивати во второе лето священства его, испытоваше руских и татар, кто что знает» о предводителе зауральского похода — «како живе и скончася». Получив «письмо» казаков, архиепископ приказал имена погибших «в сенодик вписати и историею прославляти». Следом С.У.Ремезов отмечает, что 16 февраля 129 (1621) г. освященным собором, Филаретом и Михаилом Федоровичем «указано правилно по грамоте первому Киприану» Сибирскому Ермаку и его казакам, «идеже кийждо убиени быша, кликать вечную память»[38]. Близость этих свидетельств, отчасти зависящих от ЕЛ, несомненна. Очевидно, в первом из них речь идет о той же государевой грамоте, что и во втором. Но скорее всего поминовение Ермака и его казаков, павших в боях с кучумлянами, началось не с официальной санкции, а по инициативе Киприана[39]. В нашем распоряжении нет сведений о грамоте царя и патриарха, предписавшей «кликати вечную память» атаманам и казакам, погибшим при завоевании Сибири. К тому же автор Ремезовской летописи приурочил эту грамоту к 16 февраля 1621 г. (когда «Старорушанин» лишь направлялся в Тобольск), выполняться же распоряжение «великих государей»,

оказывается, стало на второй год «святительства» Киприана, наступивший спустя несколько месяцев, 1 сентября. Велел ли архиепископ «прославить» ермаковцев «историею», призванной запечатлеть перипетии присоединения «Сибирской страны» к Московскому государству?

Следуя 36-й главе ЕЛ, можно думать, что на основе Н был составлен С, автором которого (а не только инициатором создания) часто объявляется, например, С.В.Бахрушиным, Е.И.Дергачевой-Скоп, Е.К.Ромодановской, В.А.Александровым, Н.Н.Покровским, сам Киприан. Нередко считалось, что очутившись в Тобольске, «Старорушанин» начал вести записи о «взятии» казачьей «дружиной» «Кучумова юрта». Если П.И.Небольсин полагал, что собранные Киприаном сведения о начале утверждения русских в Сибири утрачены, то в представлении И.И.Тыжнова (следовавшего основным выводам С.А.Адрианова) эти сведения внесены в С или же поминальный список Ермака и его «товарищей» и есть данные записи[40]. Известие Есипова о составлении С, который иногда принимался за краткий летописец или другое произведение такого жанра (например, Д.С.Лихачевым, А.М.Дубровским, А.П.Ярковым), побудило многих ученых считать Киприана родоначальником сибирского летописания[41]. Митрополит Евгений (Е.А.Болховитинов), Г.И.Спасский, Н.А.Абрамов, А.В.Старчевский, В.П.Адрианова-Перетц, Н.В.Устюгов утверждали, что существовала летопись «Старорушанина», и именно ее якобы владычный дьяк назвал «писанием», которое «распространил». П.М.Головачев, который говорил даже о летописях Киприана, находил, что они сгорели, но были использованы в других сибирских летописях, прежде всего Ремезовской (или Кунгурской)[42]. Исследователь, однако, даже не попытался обосновать этот взгляд. Допущение И.И.Тыжнова, будто по записям Киприана повесть Саввы Есипова «О Сибири и о сибирском взятии» была дополнена в одной из ее редакций[43], тоже осталось неаргументированным. А.М.Ставрович в неопубликованном до сих пор исследовании пришла к выводу, что летопись, созданная «Старорушанином» в Тобольске, подверглась «обработке» в НЛ и сделалась источником С, ЕЛ, СЛ и ПЛ[44]. С.В.Бахрушин признал маловероятными соображения А.М.Ставрович о существовании произведения Киприана, посвященного крушению «юрта» Кучума, и вообще отка-

зался считать сибирского «первопрестолъника» инициатором местного летописания, думая, что в первые годы существования Тобольского владычного дома было лишь учреждено поминовение Ермака и его погибших товарищей, в частности, появился соборный синодик[45]. Вдобавок заметим, что, как прямо указал Есипов, перечень казаков, павших в боях с «кучумлянами», основан на переданном архиепископу Н, а не летописи. По словам владычного дьяка, он «распространил» некое «писание» своего предшественника. Есипов, однако, даже не намекает на то, что это сочинение либо его замысел принадлежит Киприану.

С точки зрения Д.С.Лихачева, при Киприане была составлена первая официальная сибирская летопись, содержание которой лучше всего передано анонимным строгановским «историографом»[46]. По справедливому замечанию В.Г.Мирзоева, эта «мысль не подкрепляется научными доказательствами»[47]. Со ссылкой на одну из монографий Д.С.Лихачева С.Н.Азбелев указал на возникновение сибирского летописания под руководством «Старорушанина», а В.И.Буганов и А.А.Зимин упомянули о подобном Есиповской и Строгановской летописям сочинении «святителя», занимавшего в 1621—1624 гг. тобольскую кафедру[48]. По утверждениям Л.Е.Морозовой, оказавшись в «первоимянитом граде» Сибири, Киприан приказал описать «взятие» татарского ханства, сам вел записи или даже сочинил летописчик о присоединении к Московскому царству «юрта» Кучума, вместе с князем С.И.Шаховским составил летопись или повесть, ставшую общим источником ЕЛ и произведения строгановского книжника на ту же тему[49]. В недавно опубликованной работе Е.И.Дергачевой-Скоп высказано предположение, что при «Старорушанине» начала создаваться первая редакция ЕЛ, завершенная при его преемнике во главе тобольской Софии Макарии[50]. Этот взгляд остался без источниковедческого обоснования.

С.В.Бахрушин отказывался считать Киприана зачинателем сибирского летописания, ибо оно возникло на основе Н[51]. Последний вывод, разумеется, нельзя признать весомым. Мысль о том, что Киприан не занимался летописанием (разделяемую Е.К.Ромодановской, Р.Г.Скрынниковым и М.Д.Архиповой), попыталась аргументировать Е.И.Дергачева-Скоп. Она указывает на то, что «Старорушанин» покинул сибирскую столицу в феврале 1623 или

даже в конце предыдущего года, т.е. сразу после учреждения поминовения Ермака и его сподвижников, и думает, что если бы летопись первого тобольского владыки существовала, Есипову не пришлось бы ее исправлять[52]. Но «архиепископль» дьяк, закончивший работу над своим «Сказанием» в 1636 г., мог отредактировать какое-то иное сочинение. Уехал же Киприан из Тобольска 5 февраля 1624 г.[53] Пробыв на новообразованной кафедре свыше двух с половиной лет[54], «Старорушанин» располагал временем не только для составления С, но и чтобы приступить к повествованию о «Сибирском взятии». Примечательно, впрочем, что в Новгородско-Софийском своде 1630 г., как склонен думать В.В.Яковлев, составленном Киприаном, про разгром ермаковцами «Кучумова царства» говорится лишь по Соловецкому летописцу одной из ранних редакций[55].

Представляются маловероятными допущения А.И.Андреева, В.Г.Вовиной-Лебедевой, Л.Е.Морозовой, что по возвращении из-за Урала в Москву первый тобольский владыка передал в распоряжение создателей НЛ казачье Н, С либо КО, если не его протограф. Ведь открывающая «Книгу, глаголемую Новый летописец» повесть о завоевании казаками «царства» Кучума, видимо, была предпослана основному тексту памятника со временем; «списатель» из окружения Филарета приурочил ее к 7092 (1583/84) г., под которым поведал в следующих, 3—5, 8-й главах, о «войне Казанской, смерти Ивана Грозного и коронации его сына Федора[56]. Взгляд, будто согласно НЛ, с присоединения Сибири началась новая история России[57], должен считаться домыслом. К тому же, вопреки мнению В.Г.Вовиной-Лебедевой, что Киприан, не исключено, увез с собой какое-то посвященное «Сибирскому взятию» произведение, когда в 1625 г. занял крутицкую митрополию[58], такое хиротонисание произошло годом прежде, а «Старорушанин» не был уверен, что уезжает из Тобольска навсегда, недаром оставил там отца старца Тихона и других родственников[59]. Создание же НЛ началось едва ли ранее 1626 г., а тогда Киприан сделался митрополитом Новгородским. Примем во внимание и то, что атрибуция ему этого «летописца ... о нашествии Литвы на Московское государство и о раззорении градов»[60], как отмечено, в частности, В.Г.Вовиной-Лебедевой, не может быть признана основательной. Автор первого монографического исследования о

НЛ, подобно Р.Г.Скрынникову, указывает на то, что в официальной «Книге...» конца патриаршества Филарета ермаковцы названы ворами и волками, тогда как Киприан прославлял заслуги легендарного атамана и его «дружины» в утверждении христианства в «восточной стране». Поэтому В.Г.Вовина-Лебедева сочла невозможным признать «Старорушанина» автором протографа КО, хотя и думает, что владыка, ставший вскоре крутицким митрополитом, мог привезти это сочинение в Москву.

По словам Л.Е.Морозовой, став тобольским владыкой, прежний хутынский настоятель распорядился не только составить синодик, но и описать поход Ермака, начал собирать материалы о Сибири для местного летописца; скорее всего именно он записал «первые сведения» про «Закаменьскую страну»[61]. Основанием для этих утверждений послужила атрибуция Киприану НЛ, предложенная самой Л.Е.Морозовой[62] и разделяемая, причем довольно решительно, Е.К.Ромодановской[63]. Последней, впрочем, отмечено, что создатель начальных статей НЛ «плохо представляет реальные события «Сибирского взятия», например, именует Ермака князем, говорит о поиске брода татарином, бывшим у Кучума «в смертной вине»[64]. Вывод о принадлежности Киприану НЛ внушает серьезные сомнения. По утверждению Л.Е.Морозовой, раз НЛ открывается статьями о «взятии» Сибири, его автор имел к ней отношение, для Киприана было естественным начинать так обширную летописную «книгу». Особый интерес «списателя» к подчинению Сибирского «юрта» можно, однако, объяснить и иначе (вслед за Б.Н.Морозовым): в глазах патриаршего «историографа» оно явилось наиболее примечательным событием конца царствования Грозного[65]. К тому же в двух главах НЛ сказано о «поставлении» зауральских городов и острогов; летописец упомянул и про заселение ссыльными угличанами Пелыма. В 405-й главе «Книги» читаем, что ранее в Московском государстве о царстве Алтына «и слуху не бяху», хотя в действительности об этом ханстве в России знали еще с 1608 г. До посвящения в сан архиепископа Тобольского Киприан в течение десятилетия возглавлял Спасо-Хутынский монастырь, с 1626 г. до смерти, т.е. в пору составления НЛ, являлся митрополитом новгородским и великолукским. По мысли Л.Е.Морозовой, было бы вполне логично, если бы первые статьи НЛ посвящались судьбе новгородских и

псковских земель на заключительном этапе Ливонской войны. На взгляд исследовательницы, до 1620 (точнее, 1624 г.) Киприан находился вдали от Москвы, следовательно, плохо знал общерусские события, что согласуется «с особенностями НЛ», основывающегося в этой части на многочисленных источниках. Но хотя в соответствующих главах НЛ фактически ошибки встречаются довольно часто, говорить о недостаточном знакомстве его создателя с явлениями государственного масштаба будет преувеличением. К источникам, несомненно, прибегал автор и в последних летописных статьях. Учтем также, что с момента хиротонисания новгородским митрополитом Киприан бывал в «царствующем граде» наездами. Антипатия к И.М.Катыреву-Ростовскому в НЛ вызвана тем, поясняет Л.Е.Морозова, что в Тобольске у «Старорушанина» сложились натянутые отношения с знатным князем. Катырев, однако, являлся главным сибирским воеводой в разгар Смуты. В бытность Киприана в Тобольске светскую администрацию возглавлял там М.М.Годунов, потом Ю.Я.Сулешов[66]. Сочувственное отношение летописца к Дионисию Грамматику объясняется Л.Е.Морозовой тем, что того сослали в Хутынский монастырь, и при его настоятеле — будущем сибирском архиепископе — еще были живы «свидетели судьбы опального митрополита». Но такое отношение налицо и в других источниках[67]. От Киприана, если бы он являлся автором НЛ, следовало бы ожидать более подробного рассказа о низложении и ссылке Дионисия. Следует, далее, принимать во внимание, что летописные статьи за время «святоцаря Федора» проникнуты антигодуновской тенденцией. При допущении об авторстве Киприана становится понятным, заключает Л.Е.Морозова, обращение публициста к Варлааму Хутынскому — «отец наш». Так именуется Варлаам, однако, и в его Житии, и в Повести о прихожении Стефана Батория на град Псков. «Отцами нашими» называли и других «преподобных»[68]. Так же, кстати, сказано о них в четырех статьях НЛ[69]. Больше ни о ком столь подробно, как в 350-й главе о Киприане, официальный летописец не говорит, констатирует Л.Е.Морозова. (Кроме того, про «Старорушанина» сообщается в 403-й главе. Стало быть, утверждение исследовательницы, будто в НЛ часто упоминается о Киприане, нуждается в уточнении). Л.Е.Морозова явно забывает про Бориса Годунова, Василия Шуйского, Филарета,

Гермогена, М.В.Скопина-Шуйского, П.П.Ляпунова, Д.М.Пожарского, Г.П.Ромодановского. В одной из статей читаем о приезде в Москву Арсения Елассонского, который потом стал архиепископом в Суздале и там умер. Л.Е.Морозова полагает, что НЛ был окончательно завершен в Новгороде, почему ни одного списка памятника не оказалось в царском и патриаршем архивах. Ввиду официального характера «Книги» маловероятно, что ее рукописи не попали в библиотеки Михаила Федоровича и Филарета, об этом лишь нет сведений. Летописное повествование о новгородских событиях 1610-х гг., как установлено Г.А.Замятиным, содержит немало фактических ошибок, что тоже противоречит предположению Л.Е.Морозовой. В одной из ее статей высказана мысль о том, что НЛ, видимо, был начат Киприаном в Тобольске, где владыка мог познакомиться с Катыревым-Ростовским[70]. Однако вслед за Л.В.Черепниным надо думать, что НЛ стал составляться не ранее 1626 г., после описания архива Посольского приказа[71]. Л.Е.Морозова не исключает, что летописчик Киприана послужил общим источником НЛ и Книги записной (далее — КЗ), которую произвольно называет, очевидно, по месту первого издания, Томской. Это суждение надо признать опрометчивым[73]. Л.Е.Морозова уклонилась и от оценки вывода С.В.Бахрушина и Н.А.Дворецкой, согласно которому в первой редакции СЛС повторены или пересказаны «московские известия» НЛ[74].

Две начальные статьи «Книги, глаголемой Новый летописец», составляющие особую повесть о покорении «Сибирского царства», явно расходятся с С в изображении «ермаковых казаков». Свидетельство автора НЛ о судьбе Киприана в конце шведской оккупации Новгорода документально не подтверждается. В этом произведении в отличие и от сибирских летописей, и от общерусского Пискаревского летописца лишь мимоходом говорится об учреждении Тобольской архиепископии. Проявляющийся же в НЛ интерес к Спасо-Хутынскому монастырю, где настоятельствовал Киприан до возведения в сан сибирского «первосвятителя», как установлено В.Г.Вовиной-Лебедевой, присущ отнюдь не начальной редакции этого памятника, который создавался в близких к патриарху кругах в то время, когда «Старорушанин» возглавлял Новгородскую епархию[75]. В «церковно-судебных определениях» Киприана того времени иначе, чем в НЛ, определя-

ются места ссылки низложенных митрополита Московского Дионисия и крутицкого архиепископа Варлаама Пушкина[76].

Гадательно и суждение А.Т.Шашкова, будто по заказу сибирского «первопрестолъника» в бытность его в Тобольске кто-то отредактировал «Повесть летописную...» Черкаса Александрова (явившуюся протографом ПЛ); со «Старорушанином» данное сочинение попало в Москву, сделавшись источником КО и НЛ[77]. Патриарший летописец конца 1620-х гг., по наблюдениям А.И.Андреева, Р.Г.Скрынникова и в особенности В.Г.Вовиной-Лебедевой, зависит от сложившегося, возможно, в Сибири КО или его протографа. «Повесть летописная...», атрибутировать которую Черкасу Александрову, думается, не стоит, даже если возникла до отъезда Киприана из Тобольска, скорее всего редактировалась позднее, видимо, вслед за созданием ЕЛ. Не подкреплено текстологическим анализом и мнение Н.А.Дворецкой, что при «первопрестолъникe» сибирского владычного дома была написана повесть, близкая к двум начальным статьям НЛ, которую вряд ли можно генетически связывать с ЕЛ[78].

По предположению В.И.Сергеева, проезд весной 1621 г. через Соль Вычегодскую Киприана побудил Строгановых (в представлении которых с учреждением особой владычной кафедры зауральские уезды окончательно входили в состав России) составить повесть «О взятии Сибирския земли, ... как просвети Бог Сибирь святым крещением и утверди архиепископию»[79], т.е. СЛ. Но общий источник последней и ЕЛ, будь то Н, С или ранняя тобольская летопись, сложился по меньшей мере на несколько месяцев позднее. Учтем также, что в отличие от ЕЛ, НЛ, Пискаревского летописца, «Истории» Ремезова, СЛС, Краткого летописца новгородских владык, об учреждении архиерейского дома в зауральской части Московского государства автор СЛ сообщил только в названии своего произведения[80]. Уже поэтому маловероятно, что гипотетическая летопись «Старорушанина» могла, как думалось Д.С.Лихачеву, стать источником повести близкого к Строгановым книжника[81].

С точки зрения А.И.Андреева, при помощи Киприана или других лиц, вернувшихся из-за Урала в Москву, С и Н могли стать известными составителю НЛ[82]. Р.Г.Скрынников и В.Г.Вовина-Лебедева, однако, показали, что в начальных статьях этого круп-

нейшего летописного памятника «послесмутных» десятилетий сокращено КО или его протограф. (В.Г.Вовина-Лебедева высказала и мнение о зависимости НЛ от протографа сочинения, возникшего, очевидно, при Киприане и послужившего источником КО[83]).

На взгляд некоторых исследователей, в Тобольске Киприан составил только С, но не занимался летописанием. Ведь позднее, указывает Е.К.Ромодановская, по распоряжению патриарха он сочинил службу в честь Ризы Господней. Однако С и служба — это произведения разных жанров. Следуя логике Е.К.Ромодановской, раз Киприан написал в Москве канон Ризе, будучи в Тобольске, он, напротив, мог не ограничиться составлением поминального списка ермаковцев. Если бы летопись «Старорушанина» существовала, рассуждает Е.И.Дергачева-Скоп, Есипову не пришлось бы ее «распространять» ввиду близости «идейной позиции» и стилистической манеры, да и у владыки не оказалось и времени для описания «Сибирского взятия». Такая убежденность едва ли может считаться оправданной. В Сибири, напомним, Киприан провел свыше двух с половиной лет. «Архиепископль» дьяк, по-видимому, «распространил» полученное им «писание» (как одно время предполагала Е.И.Дергачева-Скоп, повесть или летопись, сложившуюся в окружении второго наместника тобольского Софийского дома Макария) не только потому, что идейное содержание, да и стилистика этого сочинения заметно расходились с его пристрастиями. Возможно, в руки Есипова попали новые источники, и он решил дополнить по ним повествование своего предшественника, скорее всего также входившего в окружение владыки,— по вероятному мнению Р.Г.Скрынникова, тобольскую летопись[84]. В таком случае, кстати, повременные записи стали вестись при Софийском доме сибирской столицы не тогда, когда его возглавил Нектарий[85], а ранее.

А.Т.Шашков. подобно Е.К.Ромодановской принимающий за исходное звено сибирского летописания возникшую якобы в первые месяцы XVII в. «Повесть летописную, откуду начяся царство бисерменское в Сибири» ермаковца Черкаса Александрова, думает, что текст этого протографа ПЛ был «очень существенно» сокращен автором старшей редакции С. близким к Киприану, а новая редакция «Повести...», вероятно, появилась по заказу проис-

ходившего из Старой Руссы «святителя» и вместе с ним очутилась в Москве (где «черкасовским» «писанием» воспользовались сочинители НЛ и КО). Попытки исследователя выявить разновидности ПЛ, сохранившегося в единственном списке, не кажутся нам удачными. Ощутить в НЛ непосредственную зависимость от «Повести...» затруднительно, как и обнаружить ее следы в КО. Мнение же о том, что заказчиком одной из редакций атрибутируемого (без должных оснований) Черкасу Александрову летописного памятника являлся Киприан,— не более чем догадка.

Таким образом, подобно Л.Е.Морозовой, нельзя заключать, что «сибирские» статьи НЛ восходят к записям Киприана, которые, очевидно, легли в основу всех остальных памятников, посвященных «Ермакову взятию» раскинувшейся за Уралом страны. Возможно, однако, что при первом тобольском архиепископе на основе казачьего Н появился не только С, но и возник замысел летописного сочинения, прославляющего заслуги «славного атамана» и его соратников в разгроме Сибирского ханства, даже стало создаваться «писание» какого-то владычного книжника, использованное Саввой Есиповым и, видимо, «историографом» «именитых людей» Строгановых. С весны до начала зимы 1624 г. (когда его «поставили» на крутицкую митрополию) Киприан вершил дела сибирской епархии в Москве. Не исключено, что он прихватил туда С либо Н и поручил какому-то столичному книжнику, быть может, знакомому с Повестью о Смутном времени, если не ее автору, используя тобольский источник, рассказать о присоединении к России нового татарского «царства».

Следовательно, в первые годы существования Тобольской архиепископии (до возвращения Киприана в Москву) возник С (пока затруднительно решить, какой редакции — открытой Е.К.Ромодановской или известной С.У.Ремезову, а также Г.Ф.Миллеру). Едва ли в это время появилась и даже начала вестись та сибирская летопись, которая, по вероятному заключению Р.Г.Скрынникова, явилась общим источником ЕЛ и повести, вышедшей из окружения «именитых людей» Строгановых,— источником, как выяснено И.Ю.Серовой, испытавшим влияние Летописной книги о Смуте[86]. (Последнее обстоятельство, кстати, не позволяет считать протографом СЛ и сочиненной Есиповым «Повести о Сибири и о сибирском взятии» Н сподвижников Ермака). Допустимо лишь

полагать, что Киприан, возможно, причастный к созданию Новгородско-Софийского свода, выступил инициатором сибирского летописания, запечатлевшего перипетии казачьей экспедиции во владения Кучума и последующего освоения этой бескрайней страны русскими служилыми людьми.

Примечания

[1] Ромодановская Е.К. Материалы по стилистике сибирской литературы первой половины XVII в. // Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971. С. 21; Она же. Избр. труды... С. 130. Ср.: С. 226; Очерки. С. 63; Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Предисловие // ТАД. С. 30; ЛП. С. 355.

[2] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 25, 361; Очерки. С. 17, 50; ЛП. С. 369.

[3] См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 78.

[4] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 65, 66. Е.К.Ромодановская утверждает, что И.Черепанов, являвшийся церковным старостой тобольской Софии, в своей летописи пользовался С непосредственно и вместе с тем следуя «Повести о Сибири и о сибирском взятии» Саввы Есипова (Там же. С. 58, 61, 361).

В одном списке Абрамовского вида ЕЛ сказано о распоряжении Киприана вписать имена убитых кучумлянами атаманов и казаков в синодики Софийского собора и (что другими источниками не подтверждается) «по всем церквам» (Дворецкая Н.А., Медведев П.А. Новый список сибирской летописи Абрамовского вида // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 81; ПСРЛ. Т. 36. С. 98).

[5] Ромодановская Е.К. Материалы... С. 30; Она же. Избр. труды... С. 150. Исследовательница ссылается на то, что имеющаяся в Повести фраза «яко не от многих вой победа бывает, но свыше от Бога» находит параллель в С. Но аналогичное выражение есть и в ЕЛ. См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 51, 71, 380; ЛП. С. 186.

[6] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 58. Примеч. 15; С. 64, 66—67, 361. Заметим, что мысль Е.К.Ромодановской о том, что с появлением С началась «вся история сибирского летописания», противоречит современным представлениям этой исследовательницы о датировке ПЛ или его протографа. См.: ЛП. С. 8, 363, 368.

По допущению Е.К.Ромодановской и Е.И.Дергачевой-Скоп, связь С с летописанием Сибири обязана новгородской традиции (Ромодановская Е.К. Синодик ермаковым казакам (предварительное сообщение) // ИСО. 1970. № 11. Вып. 3. С. 17. Примеч. 5; Она же. Избр. труды... С. 56. Ср.: С. 90, 360; Очерки. С. 49). Однако в новгородском летописании до первой трети XVII в. включительно, к примеру, в недавно изданном В.В.Яковлевым Софийском своде 1630 г., подобная связь не обнаруживается, она выявлена в сводах последней четверти этого столетия (см.: Азбелев С.Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород. 1960. С. 105), причем новгородские синодики заметно отличаются от С. К какому-то «помяннику» Троице-Сергиева монастыря, кстати, обращался на закате Смуты Авраамий Палицын (Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 168, 169.

Ср.: Кириченко Л.А. Актовый материал Троице-Сергиева монастыря конца XVI — середины XVII в. как источник состава монастырской администрации // Сергиево-Посадский музей-заповедник: Сообщения: 2000. М., 2000. С. 51), а синодик с Чином православия встречается еще в сборнике (рубежа XV—XVI вв.) с летописными текстами, скорее всего вышедшем из стен Иосифо-Волоколамской обители (Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 27. Ср.: С. 168).

[7] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 53, 65. Примеч. 26.

[8] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 160; Т. 2. С. 80.

[9] Там же. Т. 1. С. 225, 230, 250, 253. Ссылаясь на синодик тобольского Софийского собора, об этом писал и Н.М.Карамзин, но явно следуя миллеровскому «Описанию...». См.: Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9. Примеч. 685, 714, 720. Ср.: Примеч. 688.

[10] Сибирские летописи. С. 353—354. Два из этих сообщений привлекли внимание Е.К.Ромодановской (Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 193, 201).

В рассказе Ремезова о сражении близ Кашлыка и гибели Ивана Кольца «с товарыщи» указанных известий нет.

[11] См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 71, 72, 380, 381. На взгляд Д.И.Копылова, при создании С ермаковцы назвали сотни имен, из которых механически было выбрано 37 (Копылов Д.И. Сибирский поход Ермака в новейшей советской исторической литературе // Обл. научно-практ. конф. «История, краеведение и музееведение Западной Сибири», посвященная 110-летию Тюменского обл. краевед. музея (ноябрь 1989 года): Тез. докл. Тюмень, 1989. С. 28).

В СЛ сказано о гибели многих русских в битве возле ханской ставки (Сибирские летописи. С. 24). А.Т.Шашков, подобно Н.М.Карамзину и И.В.Щеглову, находит достоверным сообщение об истреблении кучумлянами более сотни ермаковцев в сражении у Чувашевой засеки. См.: Шашков А. Пути за «Камень» и сибирский поход Ермака // Югра. 1997. № 4. С. 16.

[12] Согласно КЛ, скопированной Ремезовым, когда 6 августа 7092 г. Ермак отправился на Вагай, с ним было 300 ратников.

[13] Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы... С. 19. В представлении же Е.К.Ромодановской она нашла единственную в Тобольске рукопись Чина православия. См.: ЛП. С. 356.

[14] Сергеев В.И. У истоков... С. 46—47. Исследователь считал доказанным мнение С.В.Бахрушина о большей древности соответствующей части СЛ по сравнению с тем С, который заключает ЕЛ (Там же. С. 47, 48. Ср.: С. 53. 59).

[15] Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы... С. 29; Она же. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С.У.Ремезова // Вопросы русской и советской литературы Сибири. С. 51, 53, 54. Примеч.

[16] См.: Алексеев В.Н. Читательские интересы тобольского «сына боярского» второй половины XVII в. (К постановке проблемы) // Русская книга в дореволюционной Сибири: Распространение и бытование. Новосибирск, 1986. С. 73; Фролов Н.К. Сибирские летописи как памятник ономастики XVII века // Письменность и книгопечатание: Материалы науч. конф. к 1100-летию создания славянского алфавита и 200-летию книгопечатания в Сибири. Тюмень, 1989. С. 26; Он же. У истоков русского духовного наследия в Западной Сибири // Аспекты

развития духовной культуры в Западной Сибири. Тюмень, 1994. С. 115; Он же. Русская письменность в Среднем Приобье как фактор обогащения духовной культуры региона // Русская духовная культура Западной Сибири и Урала (проблемы филологии, истории, образования). Тюмень, 1995. Т. 2. С. 7. В последней статье утверждается, что С объединяет Чин православия и перечень погибших ермаковцев. Но С и представляет собой этот перечень.

[17] Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи. С. 84. 85. Ср.: С. 93, 99; Он же. Сибирская экспедиция Ермака. С. 18—21, 25, 32, 216, 260. А.П.Пронштейн в рецензии на появившееся в 1982 г. издание указанной книги ошибочно утверждал, что две редакции С впервые выделил Р.Г.Скрынников (История СССР. 1984. № 1. С. 195).

[18] ПСРЛ. Т. 36. С. 43, 52, 59, 66, 71, 380.

[19] Там же. С. 51, 57, 60, 61, 65, 69, 70, 380.

[20] Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи. С. 85. По утверждению автора, данные исправления полностью соответствуют КО, а также восходящим к этому произведению двум начальным статьям НЛ. Точнее, в названных сочинениях и С «Есиповской» редакции говорится лишь про гибель в бою, ставшем последним для предводителя казачьей «дружины», всех его соратников. По свидетельству С, найденного Е.К.Ромодановской, с берега Вагая многим ермаковцам удалось спастись бегством.

[21] Порой считается, что С возник при участии ветеранов похода Ермака. См., напр.: Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 30; ЛП. С. 355.

По утверждению М.Б.Шейнфельда, С возник на основе казачьих «скасок» (Шейнфельд М.Б. С.В.Бахрушин... С. 68). Точнее, такую основу составило Н, близкое к записи показаний ветеранов «Сибирского взятия». В книге В.К.Зиборова «Русское летописание XI—XVIII веков: Учеб. пособие: Хрестоматия» (СПб., 2002. С. 169, 170) «скаски» казаков относятся к источникам ЕЛ, а «написания» соратников Ермака считаются известными создателям СЛ.

[22] Обычно таковой признается редакция, найденная Е.К.Ромодановской. См., напр.: Сергеев В.И. У истоков... С. 47. Примеч. 17; Очерки. С. 17, 49; Покровский Н.Н., Титова Л.В. Предисловие // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 4. В последней работе утверждается, что обнаружение Е.К.Ромодановской «подлинного первоначального списка» С помогло решить многие старые споры о зарождении сибирского летописания. Это явное преувеличение. В книге Р.С.Васильевского и Д.Я.Резуна «Воспитание историей» (Новосибирск, 1987. С. 177) утверждается, что С, найденный Е.К.Ромодановской, долго считался утерянным. Насколько нам известно, мнение об утрате «номянника», предшествовавшего сохраненному ЕЛ, вообще не высказывалось. Вопреки допущению Г.А.Крамора, обнаруженный недавно В.С.Рогожкиным в Никольской церкви Ишима помянник, как нетрудно определить, сохранил фрагмент не С, а синодика «по убиенным во брани». См.: Крамор Г.А. Загадка ишимского помянника // Сибирская православная газета. 2005. № 4 (89). С. 7.

[23] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 148—149. В оценке С.О.Шмидта синодики представляют собой по сути делопроизводственные материалы (Шмидт С.О. Исследование Н.Н.Зарубина «Библиотека Ивана Грозного и его книги» // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги

Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 47—48). Но он имел в виду (хотя бы в первую очередь) перечень казненных по воле Ивана Грозного.

[24] См.: История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 166; Дубровский А.М. С.В.Бахрушин... С. 60; Ромодановская Е.К. «Написание»... С. 371; Ярков А.П. Духовенство Западной Сибири в панораме веков // Словцовские чтения-2003: Материалы XV Всерос. научно-практ. краевед. конф. Тюмень, 2003. С. 135, и др.

[25] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 10.

[26] Бегунов Ю.К. Из истории новгородских легенд XVII в.: «чудо» Димитрия Солунского в Новгороде в 1627 году // Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рождения В.А.Мошина (1894—1987). СПб., 1998. С. 358, 360—362; Романова А.А. Чудо о иконе Димитрия Солунского в Новгороде // СККДР. Вып. 3. Ч. 4. С. 270.

Сохранилась и духовная Киприана. См.: Насонов А. Введение // Псковские летописи / Пригот. к печ. А.Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. XIX.

[27] См., напр.: Демин А.С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков (Общественные настроения). М., 1985. С. 61—63.

[28] ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 588; Морозова Л.Е. Смута начала XVII века глазами современников. М., 2000. С. 431; Ромодановская Е.К. Предисловие // ЛП. С. 8; ЛП. С. 368, и др.

[29] Лаврентьев А.В. Летописный свод 1652 года как источник для изучения русской средневековой повести XV—XVII вв. // Русская книжность XV—XIX вв. С. 166, 167; Буланин Д.М., Турилов А.А. Сказание о Словене и Русе // СККДР. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 445—446. Таково и мнение Е.С.Галкиной. См.: Федорова И.В. Конференция молодых ученых «Вопросы славяно-русского рукописного наследия» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 662.

[30] См.: Сибирские летописи. С. 26, 31, 71, 76, 375, 378, 379; ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 553; ПСРЛ. Т. 36. С. 44, 75, 76, 80, 91, 107, 117, 178, 234, 303, 356, и др.

[31] См.: ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 138, 140; Т. 31. С. 28; Л., 1977. Т. 33. С. 141, 142; Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 205—208.

[32] См., напр.: Алексеев В.Н. Рисунки «Истории Сибирской» С.У.Ремезова (проблемы атрибуции) // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 184; Очерки. С. 100.

[33] Андриевич В.К. История Сибири. СПб., 1889. Ч. I. С. 181; Преображенский А.А. У истоков народной историографической традиции... С. 378; Он же. Некоторые итоги и спорные вопросы... С. 117; Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 360; Миненко Н.А. Задачи изучения истории казачества восточных регионов России на современном этапе // Казаки Урала и Сибири в XVII—XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 14; Она же. Поход Ермака в контексте восточной политики Московского государства // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: Материалы науч. конф., посвященной 100-летию Чердынского краеведческого музея им. А.С.Пушкина. Пермь, 1999. С. 110; Она же. Хождение за «Камень»... С. 67, и др.

[34] Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 79. Ранее сходное мнение высказывалось Р.Г.Скрынниковым.

[35] Дворецкая Н.А. Официальная и фольклорная оценка... С. 330; Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. С. 251. Ср.: С. 371.

[36] См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 70.

[37] Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы... С. 95.

[38] ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 564, 568.

[39] Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 20; Очерки. С. 49.

[40] Небольсин П. Покорение Сибири: Историческое исследование. СПб., 1849. С. 5; Тыжнов И. Новейшие труды... С. 61, 66, 71, 73.

[41] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 361. См. также: Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. 1. С. 92; Недосеков А. Тобольские архипастыри // Тобольские епархиальные ведомости (далее — ТЕВ). 1887. № 9 и 10. Отд. неофиц. С. 188; Предварительные сведения о Тобольской епархии // Тобольская епархия. Омск, 1892. Ч. 2. Отд. 1. С. 12; Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 248; Сулоцкий А.И. О сибирском духовенстве. Тюмень, 2000. С. 503; Копылов А.Н. Культура русского населения... С. 110; Порохова О.Г. Лексика сибирских летописей XVII века. Л., 1969. С. 11. Примеч.; Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод... С. 37; Тобольский хронограф. Омск, 1993. С. 198; Лаврентьев А.В., Турилов А.А. Повесть о Словене и Русе («Сказание о Великом Словенске») о происхождении и ранней истории славян и Руси // Славяне и их соседи: Тез. 15-й конф. М., 1996. С. 24; Сибирские реликвии: Из собрания Тобольского музея. Б.м., б.г. С. 200; Софронов В.Ю. Киприан (Старорусенин) // ТБС. Вып. 2. С. 16, и др.

[42] Головачев П. Покорение Сибири и личность Ермака // Сибирский сборник. М., 1892. Вып. 1. С. 175, 176.

[43] Тыжнов И.И. Новейшие труды... С. 62—63.

[44] См.: Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 31; Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 157. Примеч. 46, и др.

[45] Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 26, 31.

[46] Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 394—398.

[47] Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири... С. 54.

[48] Азбелев С.Н. Новгородские летописи XVII века. С. 105. Примеч. 73; Буганов В.И., Зимин А.А. Поход Ермака на Казань... С. 4; Устюгов Н.В. Научное наследие. С. 105. В.А.Плугин принял свод Киприана за источник не только Есиповской и Строгановской, но и Кунгурской летописей.

[49] Морозова Л.Е. Смутное время в России (конец XVI — начало XVII в.). М., 1990. С. 62; Она же. Семен Иванович Шаховской-Харя // ВИ. 1997. № 11. С. 156; Она же. Смута начала XVII века... С. 365, 368. Ср.: С. 432; Морозова Л.Е., Демкин А.В. История России в лицах: Государственные деятели XVII в. М., 2001. С. 54.

Заметим, что в 1622 г. С.И.Шаховской провел в Сибири всего несколько месяцев (Лукичев М.П. Новые материалы к биографии С.И.Шаховского // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 100—101; Полетаев А.В. Князь Семен Шаховской и его сибирские «знакомцы»: Федор Андреевич Шелешпанский // Проблемы истории России. Вып. 4. С. 159—161). Версия о причастности С.И.Шаховского к зарождению сибирского летописания, думается, маловероятна. См., напр.: Солодкин Я.Г.

С.И.Шаховской и сибирское летописание (к историографии проблемы) // Тез. докл. и сообщ. III регион. музейной научно-практ. конф. «Историко-культурное наследие округа на рубеже XXI века». Нижневартовск, 2000. С. 50—53.

Мнение, будто в представлении Г.Ф.Миллера и С.В.Бахрушина ЕЛ «возникла в связи с деятельностью» Киприана (Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. С. 274), не отличается точностью. В.А.Могильников даже утверждает, что ЕЛ стала создаваться по поручению Киприана (Могильников В.А. К истории знакомства русских с Сибирью до Ермака // Семен Ремезов... С. 140).

[50] Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия... С. 88. Ср.: С. 52. Примеч. 71. По словам О.Г.Пороховой, Киприан активно занимался летописанием (Порохова О.Г. Лексика сибирских летописей... С. 11. Примеч.).

[51] Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 26, 31.

[52] Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы... С. 119, 121, 122; Очерки. С. 48, 50.

[53] Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 249. 8 апреля 1624 г. Киприан ел за патриаршим столом (Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. Прилож. С. 108). Р.Г.Скрынников заблуждается, полагая, что в КЗ точно определяется время пребывания Киприана в Сибири (Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 284. Примеч. 16).

[54] См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 147. Ср.: С. 98.

[55] См.: Яковлев В.В. Новгородско-псковская летопись 1630 г. // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 390, 449.

[56] ПСРЛ. Т. 14. С. 33—35. Едва ли, стало быть, можно вслед за В.Г.Вовиной-Лебедевой полагать, что конец царствования Грозного описан патриаршим книжником лишь из-за наличия у него сочинения о «Сибирской земле» (Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. С. 379).

[57] Морозова Л.Е. Смута начала XVII века... С. 435.

[58] Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. С. 251. Утверждение, будто в НЛ рассказ про завоевание «ермаковыми казаками» ханства Кучума помещен вслед за известием о воцарении Федора Ивановича (Морозова Л.Е. Смута начала XVII века... С. 354), неверно.

[59] См.: Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Сост. Н.Н.Оглоблин. М., 1900. Ч. 3. С. 228.

[60] Таково название НЛ в одном из списков (Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. С. 84).

[61] Морозова Л.Е. Семен Иванович Шаховской-Харя. С. 156; Она же. Смута начала XVII века... С. 365, 368, 431, 432.

[62] Морозова Л.Е. Количественные приемы в изучении Нового летописца // Тез. докл. и сообщ. науч. совещания «Комплексные методы в исторических исследованиях». М., 1987. С.186; Она же. Смутное время... С. 57. 61—62; Она же. Смута начала XVII века... С. 358, 361, 426, 431—437, 440, 445. и др.

[63] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 330, 363—364; Она же. Литераторы Тобольского архиерейского дома в XVII веке // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2003. С. 13; ТАД. С. 237. Ср.: С. 19; ЛП. С. 8. Таково и мнение И.П.Кулаковой с В.В.Яковлевым. В.Г.Вовиной-Лебедевой и нам эта атрибуция

не кажется убедительной (Вовина-Лебедева В.Г. К вопросу о сибирских статьях Нового летописца // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 66, 69; Она же. Новый летописец: история текста. С. 314. Ср.: С. 334; Солодкин Я. История... С. 71; Он же. К атрибуции Нового летописца // Вопросы мировой истории в исследованиях отечественных ученых. М., 2001. С. 3—12; Он же. О происхождении «новгородских» статей Нового летописца (к атрибуции памятника) // Клио: Журнал для ученых. СПб., 2002. № 3 (18). С. 26—29, и др.). В представлении же Б.Н.Морозова НЛ не имеет конкретного автора, «возможно, над ним работал не один составитель, а целая группа переписчиков (Морозов Б. Смутное время глазами русских и иностранцев // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 466).

[64] Ромодановская Е.К. Летописные источники... С. 24.

[65] Морозов Б. Смутное время... С. 466.

[66] См.: Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 105, 106, 170, 171; ТАД. С. 23, 26. Судя же по НЛ, Ю.Я.Сулешов «навлек на себя насмешки в обществе проигрышем удачно начатой кампании против» Владислава (Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 266).

[67] См.: Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 449; Псковские летописи / Под ред. А.Н.Насонова. М., 1955. Вып. 2. С. 264; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 320.

[68] См.: ПЛДР: Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 416; Там же: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 144, 466, 476, 526; Там же: Конец XVI — начало XVII веков. С. 322, 326; Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 104—105, 109, 118, 297, 325; ТАД. С. 156, 209. Ср.: Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 141; ПСРЛ. Т. 34. С. 252; РК. М., 2003. Т. 4. Ч. 2. С. 94, и др.

[69] ПСРЛ. Т. 14. С. 35, 48, 125, 133.

[70] Морозова Л.Е. Смута в России начала XVII в. в сочинениях ее современников // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999. С. 275.

[71] Черепнин Л.В. «Смута» и историография XVII века (Из истории древнерусского летописания) // Ист. записки (далее — ИЗ). М., 1945. Кн. 14. С. 92, 102. Согласно Л.Е.Морозовой, НЛ создавался приблизительно с 1625 г. Исследовательница не аргументировала эту датировку.

[72] Вовина-Лебедева В.Г. К вопросу о методах исследования нарративных текстов // Отечественная история (далее — ОИ). 2002. № 4. С. 131—132.

Поначалу Л.Е.Морозова указывала на зависимость КЗ от Повести, како отомсти. См.: Морозова Л.Е. Банк данных по истории Смуты в России начала XVII в. // ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях. М., 1994. С. 220. Ср.: Она же. Смута начала XVII века... С. 33.

[73] См: Солодкин Я.Г. К вопросу о «сибирских статьях» Нового летописца // Сб. науч. трудов Сургут. гос. ун-та. Сургут, 2003. Вып. 15. Ч. 1. С. 102—111; Он же. Русская публицистика первой трети XVII в. и раннее сибирское летописание // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 44—48; Он же. Из истории раннего сибирского летописания // Западная Сибирь: Проблемы истории, историографии и источниковедения: Материалы окружной науч. конф., посвященной 300-летию со дня рождения Г.Ф.Миллера. Нижневар-

товск, 2005. С. 18—21. Ср.: Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. С. 243. Примеч. 88.

[74] Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 51; Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод... С. 29, 30. Ср.: С. 53. См. также: Очерки. С. 86, 89; Богданов А.П. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. С. 210. О соотношении «сибирских статей» НЛ и КЗ см.: Солодкин Я.Г., Дронкина О.И. Сибирский летописный свод первоначальной редакции и его источники // Тез. докл. и сообщ. II региональной музейной научно-практич. конф., посвященной 70-летию Ханты-Мансийского автономного округа. Нижневартовск, 1999. С. 33—35; Солодкин Я.Г. К истории регионального летописания в России первой половины XVII в. // Философия, наука, образование: Национально-региональный компонент в исследовании и преподавании: Коллективная моногр. Екатеринбург, 2003. Ч. 1. С. 42.

[75] Вовина-Лебедева В.Г. Две редакции Нового летописца // ОФР. Вып. 7. С. 133, 139—140; Она же. Новый летописец: история текста. С. 45, 48.

[76] См.: Солодкин Я.Г. О происхождении «новгородских» статей... С. 29. Примеч. 22.

[77] Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 147.

[78] Дворецкая Н.А. Археографический обзор... С. 478.

[79] Сергеев В.И. У истоков... С. 52—53. В статье В.И. Сергеева «Сибирские летописи» (Стлб. 823) эта повесть датируется 1622—1623 гг. Е.И.Дергачева-Скоп относит так называемую Основную редакцию СЛ к 1621 г. (Очерки. С. 55). Кстати, тогда (11 февраля), «в первое лето архиепископства» Киприана, Строгановы вложили в одну из церквей Евангелие, изданное пятнадцатью годами прежде. См.: Мудрова Н.А. Каталог сохранившихся книг именитых людей Строгановых // Книжные собрания российской провинции. Екатеринбург, 1994. С. 60—61.

[80] О создании архиепископии в самой «дальней государевой вотчине» читаем и в названии 36-й главы ЕЛ в двух списках (ПСРЛ. Т. 36. С. 69. Примеч. 23—29).

В оценке Е.К.Ромодановской свидетельство о гибели Кучума, которым завершается повесть Есипова,— «естественная развязка сюжета, построенного на широко известном мотиве о божественном наказании гордого царя»,— развязка, подкрепленная сообщением об основании Тобольской епархии и приезде в Сибирь Киприана (ЛП. С. 361. Ср.: Ромодановская Е.К. Литераторы... С. 14). Но это свидетельство предшествует в ЕЛ рассказу о составлении С.

[81] Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 397.

[82] Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I. С. 241. В число источников НЛ исследователь включал КО или повесть, близкую к этому памятнику (Там же. С. 242, 243), однако, вопреки утверждениям В.Г.Вовиной-Лебедевой и Е.К.Ромодановской, он не считал, что КО либо какая-то другая сибирская летопись могла оказаться в распоряжении официального столичного летописца благодаря Киприану.

[83] Вовина В.Г. К вопросу о сибирских статьях... С. 61—63, 66, 69; Она же. Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания // ОИ. 1992. № 5. С. 126—127. Заметим, что Л.Е.Морозова, разделяющая этот вывод, напрасно приписывает В.Г.Вовиной-Лебедевой мысль о получении в

Москве С при помощи Киприана (Морозова Л.Е. Смута начала XVII века... С. 365).

[84] Р.Г.Скрынников атрибутирует С и краткую летопись (или повесть) о «сибирском взятии» казанским книжникам, прибывшим с Киприаном в Тобольск. Известно, однако, что в свите нового владыки находились также книжный писец «с Вологды», москвичи и новгородцы (РИБ. СПб., 1884. Т. 8. Стлб. 348—349; ТАД. С. 17, 137, 199, 220, 227—228), а также иосифо-волоколамские и соловецкие монахи (Абрамов Н.А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 68, 101).

Р.Г.Скрынников не считал раннюю тобольскую летопись вторичной относительно НЛ и думал, что она возникла не до начала 1630-х гг. (Яковлева А.М. Схемы сибирского летописания... С. 39, 40), а до середины этого десятилетия, когда появилась ЕЛ.

[85] Ромодановская Е.К.Нектарий // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 375; ТАД. С. 244; ЛП. С. 388.

[86] Серова И.Ю. Об источнике Есиповской и Строгановской летописей // Источники по истории Сибири досоветского периода Новосибирск, 1988. С. 33—36, 38. Вслед за И.Ю.Серовой так считают Е.К.Ромодановская, Д.М.Буланин.

Поскольку протограф ЕЛ и СЛ мог являться повестью, не вполне точно утверждение И.Ю.Серовой, будто ЛК использовалась при создании сибирских летописей (Серова И.Ю. К вопросу о влиянии Летописной книги на повести о Смуте С.И.Шаховского // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 338). К ЛК, кстати, обращался автор Повести о городах Таре и Тюмени (Солодкин Я.Г. Об одном источнике Повести о городах Таре и Тюмени // Зыряновские чтения: Материалы регион. научно-практ. конф. Курган, 2003. С. 116—117), которым, с точки зрения Д.С.Лихачева, едва ли был (вопреки гипотезе М.Н.Сперанского) Савва Есипов. См.: История русской литературы. Т. 2. Ч. 2. С. 94.

Глава 3

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЕСИПОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Повесть о «взятии» «царства» Кучума «дружиной» Ермака, написанная дьяком тобольского Софийского дома Саввой Есиповым, может считаться крупнейшим памятником раннего сибирского летописания.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения об авторе возникшей в 1636 г. ЕЛ довольно скудны.

Е.К.Ромодановская, обнаружившая в источниках XV—XVI вв. немало упоминаний о Есиповых[1], признает, что происхождение создателя знаменитой сибирской летописи остается неизвестным[2].

Согласно материалам Печатного приказа, в 1613 г. дьяком «на Курмыше» являлся Савин Есипов[3]. Е.И.Дергачева-Скоп сочла возможным отождествить с ним «списателя» «Повести о Сибири и о сибирском взятии»[4]. Судя по разнообразным документам, однако, Савин и Савва — это разные имена[5]. (Первое из них иногда употреблялось в форме «Савинка», второе же имело написание «Савка»). 31 мая 1610 г. местные жильцы Савин Тимофеев сын Есипов и его родной брат Петр получили жалованную грамоту на деревню Ларино и Жилецкую слободу с починками и пустошами в Свияжском уезде за то, что сражались с «ворами» на стороне царя Василия, несли «осадные службы» в Москве и других городах. В соответствии с изданным накануне законом Есиповы стали владеть пятой частью поместных земель как вотчиной. Оклад Савина Тимофеева сына тогда составлял 550 четвертей[6], из чего можно заключить, что будущий курмышский дьяк начал службу еще до начала Смуты. Итак, едва ли стоит отождествлять «архиепископля» дьяка, сочинившего «Повесть о Сибири и о сибирском взятии», и свияжского жильца, в самом конце царствования Шуйского возглавлявшего приказную избу в Курмыше. Допустимо лишь считать, что Савва Есипов вышел из той семьи служилых людей Среднего Поволжья, к которой принадлежал Савин. (Любопытно, что в 1613 г. гонцом к ногайскому князю Иштереку был сын боярский из казанских жильцов Филипп Дмитриев Есипов[7]).

Вопреки утверждению А.П.Яркова, владычный дьяк, завершивший в первые месяцы «престолъства» Нектария работу над летописью о «Ермаковом взятии» Сибири, был не священником[8], а светским лицом.

В представлении М.Н.Сперанского и Д.С.Лихачева Есипов приехал в Тобольск вместе с Киприаном в 1621 г. На самом деле дьяком сибирского «первопрестолъника» являлся Семен Никифоров[9].

Е.И.Дергачевой-Скоп установлено, что Савва был приказным нового Софийского дома в 1629 г.[10] Мнение тои же исследовательницы, что первая редакция ЕЛ сложилась еще при Киприане, иначе говоря, в середине 1621 — начале 1624 гг., не обосновано текстологически; в то время мог возникнуть лишь замысел подробно описать завоевание «ермаковыми казаками» ханства Кучума, вполне реализованный в окружении тобольского архиепископа спустя более десятилетия. Созданная тогда «Повесть о Сибири и о сибирском взятии» стала самым популярным из ранних памятников книжной культуры, появившихся на зауральской окраине Московского царства. (Новейшие издания ЕЛ осуществлены по 28 спискам. А.А.Преображенским выявлен еще один — из Научной Библиотеки Казанского государственного университета[11]).

Нередко считается, что ЕЛ появилась вследствие царской грамоты 1636 г. о «вселенском» прославлении атаманов и казаков, «взявших» «за саблею» Сибирское ханство. Установление такого прославления, на взгляд В.Г.Мирзоева, и привело к созданию повести владычного дьяка. Последний, с точки зрения С.В.Бахрушина, писал в связи с намерением канонизировать Ермака после того, как 16 февраля 1636 г. поминовение легендарного предводителя казачьей экспедиции за «Камень», установленное ранее церковными властями в Тобольске, было утверждено Михаилом Федоровичем, Филаретом и освященным собором в Москве[12]. (Напомним, что всемогущий патриарх скончался в 1633 г.). При этом исследователи ссылаются на свидетельство С.У.Ремезова, согласно которому 16 февраля «советом освященного собора» царем Михаилом и Филаретом «указано правилно по грамоте» Киприану «иде же кийждо убиени быша, кликати вечную память ... И оттоле уставися и до нынешнаго лета помяновение вселенское на Москве и зде в Тобольску Ермаку и подобным ему ... вечная

память». Оказывается, в том же году «по совету» с патриархом Михаил Федорович «воспомяну Ермака ... и указал по грамоте» первому сибирскому владыке «розпрашивати во второе лето священства его» о предводителе зауральской экспедиции, обращаясь главным образом к соратникам прославленного атамана. Однако в другом списке «Истории Сибирской» эти события отнесены к 1620/21 г.[13], т.е. ко времени учреждения Тобольской архиепископии. Таким образом, Ремезовская летопись не подтверждает мнений о том, что Ермак начал почитаться повсюду в Сибири в годы «святительства» Нектария[14] (1636—1640) или же при этом владыке «было утверждено официальное церковное поминание Ермака и его дружины»[15].

Не раз указывалось на обилие анахронизмов в этом сочинении[16]. Одним из них, вероятно, служит и сообщение об установлении общерусского поминовения Ермака в 1636 г. Примечательно, что в других сибирских летописях такое известие не встречается, хотя в двух списках ЕЛ (Словцовском и Спасского) читаем о присылке архиепископу Макарию 18 сентября 1628 г. грамоты о недельном посте и пении молебнов (по какому поводу, не говорится)[17]. В Распространенной редакции той же повести, предшествующей во многих списках СЛС конца XVII в., повторяется свидетельство Есипова о составлении С по инициативе Киприана, без указания на общерусское поминовение Ермака и его погибших соратников[18]. В Сказании о явлении и чудесах Абалакской иконы Богородицы повествуется про «знамения» в первое «лето» «святительства» Нектария, при царе Михаиле и патриархе Иоасафе, однако о «вселенском» поминовении Ермака умалчивается, хотя отмечено, что эти «знамения» произошли «по взятии Сибирскаго царства в лето 55»[19]. Вместе с тем кажется неоправданным взгляд, что цель составления С заключалась в канонизации «велеумнаго» атамана[20]. Известно, что оказавшись на тобольской кафедре, Киприан начал пропагандировать культы Знамения Богородицы и Варлаама Хутынского, популярные в Новгороде Великом, а также Стефана Пермского. (Первый из этих культов распространялся в Сибири и при Нектарии[21]). В бытность «Старорушанина» в Тобольске там помнили и о чудотворце Прокопии Устюжском[22].

При рассмотрении проблем становления летописной традиции в Сибири, думается, недостаточно принимаются во внимание представления тобольских книжников 1620—1630-х гг. о хронологической «канве» походов за Урал «дружины» Ермака и отрядов первых царских воевод.

Как свидетельствует Савва Есипов, ставший архиепископом «далечайшей государевой вотчины» Киприан Старорушанин, располагая переданным ему ветеранами завоевания «Кучумова юрта» Н, «повеле убитых (татарами.— *Я.С.*) имена» внести «в церкви Софеи Премудрости Божия в соборной синодик»[23]. В той редакции поминального списка атаманов и казаков, которую Е.К.Ромодановская сочла первоначальной, к 7089 (1580/81) г. отнесены выступление ермаковцев в сибирский поход, бои на берегу Иртыша «под Чювашею» (26 октября) и Абалаком (5 декабря). Согласно же разновидности синодика, которая составляет заключительную, 37-ю, главу Основной редакции ЕЛ, «православное воинство» одолело «нечестивых» у «Чювашева» 26 октября[24]. «Во второе лето Сибирскаго взятия» (или «по сибирском взятии»), оказывается, «ермаковы казаки» совершили походы по Иртышу и Оби, овладели Назимом, «в третие лето по Сибирском взятье» «думчей царев» Карача истребил отряд Ивана Кольца, приглашенный, чтобы защититься якобы «от Казачьей орды», наконец, «в четвертое», ночью 6 августа, Ермак и его «воины» были перебиты «агарянами» «близ Вагайского устья» (в «есиповской» редакции С гибель легендарного атамана «с товарыщи» отнесена к предыдущему дню)[25]. Вероятно, речь идет о событиях 7090, 7091 и 7092 (1581/82, 1582/83 и 1583/84) гг. Стало быть, если верить С, экспедиция, положившая начало крушению ханства Кучума, продолжалась четыре года.

Ее своеобразной периодизации, намеченной в С, целиком следует Есипов, в хронологическом порядке изображающий перипетии «взятия» русскими «Закаменьской страны»[26]. Владычный дьяк лишь добавил, что в «пришествие» «дружины» Ермака с Волги на Тавду (7089 (1580/81) г.) царствовал Иван IV, 26 октября того же года, на память святого Димитрия Солунского, ермаковцы вступили в город Сибирь; «того же лета» их предводитель послал с сеунчем в Москву атамана и казаков и, принятые государем, они были отпущены обратно. (В С как перечне «воинов»,

павших от рук «нечестивых», о последнем из этих событий умалчивается. Кстати, хотя в С налицо «схематический очерк главных моментов похода» Ермака[27] или поминальный список представляет собой своеобразную краткую летопись — «сжатый конспект» происходившего во время экспедиции[28], сравнительно с ЕЛ, в С не говорится о «брани велией» у реки Бобасан, занятии казаками «улуса» Карачи, городка мурзы Атика, столицы Кучума, ее осаде Карачей, пленении Маметкула, прибытии в Сибирь московских служилых людей). Походы «русского полка», «водимого» Ермаком Тимофеевичем, по Иртышу и Оби, захват Назимского городка с его князем «и со всем богатством», не датированы в ЕЛ даже столь приблизительно, как в С, хотя ее автор часто прибегает к описательным хронологическим обозначениям[29]. К 7091 (1582/83) г. «архиепископпль» дьяк относит «посылку» за «Камень» царем Иваном воевод С.Болховского и И.Глухова с ратными людьми, многие из которых умерли от голода «зимнею годиною»; «того же лета» Ермак отправил в Москву плененного накануне Маметкула (доставленного в российскую столицу уже после смерти Грозного, при Федоре Ивановиче), Карача умертвил казаков Ивана Кольца, после чего осаждал г.Сибирь (с великого поста до июня). (Сообщение об отправке воевод на помощь вольным казакам повторено многими летописцами[30]. Е.К.Ромодановская же считает, будто по всем летописям воеводы прибыли в Сибирь не ранее 1584 г.[31]). 5 августа 7092 (1584) г. ермаковцы были перебиты кучумлянами («токмо един казак утече»), и оставшиеся без «наставника» «воины» бежали «через Камень ... к Руси», покинув прежнюю ханскую ставку (когда, не поясняется, а это, между прочим, опровергает утверждение, что во второй части ЕЛ при малейшей возможности вводятся точные указания на дату описываемого события[32]).

Как пишет Есипов, «во второе же лето по Ермакове убиении» во владения Кучума прибыл отряд И.Мансурова, зазимовавший в Обском городке. Под 7093 (1584/85) г. в ЕЛ сказано об основании Тюмени В.Б.Сукиным и И.Н.Мясным, а в 7095 (1586/87) г., сообщает ее автор, Д.Чулков «срубил» Тобольск, который «вместо царствующего града причтен Сибири»[33]. Данные примеры отдельных статей «Повести» Есипова, напоминающих погодные заметки[34], опровергают утверждение, будто изложение событий

доведено в этом произведении до 1584 г.»[35], тем более, что владычный дьяк указывает и на составление С по распоряжению Киприана.

Если верить С, «во второе ж лето по сибирском (г.Сибири или Кашлыка. — *Я.С.*) взятии (сибирского взятия)» ермаковцы воевали по Иртышу, Оби, овладели Назимом; далее рассказывается о событиях, происшедших «в третие ж лето» и «в четвертое лето по сибирском взятии», т.е. в течение 7090—7092 гг. В 27-й же главе ЕЛ сказано, что И.Мансуров прибыл за Урал «во второе лето по Ермакове убиении». Сошлемся и на свидетельство Есипова о приказе Киприана расспросить «ермаковых казаков» «во второе лето престолъства своего», иначе говоря, в 7130 (1621/22) г. Судя по С, «второе лето» экспедиции наступило с сентября 7090 г., второе — через год, третье — с сентября 7092 г. Раз, согласно ЕЛ, Ермак погиб в 7092 г., Мансуров должен был появиться за Уралом в 7093 г. (На это, кстати, указано в Шлецеровской редакции СЛС). Первым же летом «по сибирском взятии» может считаться 7089 г., когда несколько (если не 20) казаков отряд Маметкула перебил на Абалаке.

Ввиду зависимости ЕЛ от С и относительной малочисленности приведенных ее создателем хронологических определений представляется сомнительным взгляд, что Есипов располагал какой-то «запиской» «с точными датами» событий «Сибирского взятия», появившейся вскоре после крушения «Кучумова царства»[36].

Очевидно, под влиянием ЕЛ время занятия ермаковцами Кашлыка стало восприниматься сибирскими, а то и московскими книжниками как дата «Сибирского взятия»[37]. Эти книжники (порой переписчики) лишь иногда отходили от хронологических определений, содержащихся в «Повести» дьяка из окружения тобольских архиепископов Макария, Нектария и Герасима. Например, в Абрамовском летописце гибель Ивана Кольца и его соратников, а также осада Карачей города Сибири приурочена к 7092 (1583/84) г. У читателя РЛ может сложиться аналогичное впечатление, но лишь потому, что в названном сочинении говорится о приезде Маметкула в Москву в 7092 (1583/84) г. (в ЕЛ этой даты нет), а следом с указаниями «того ж году» повествуется про истребление казаков вероломным Карачей и его попытке овладеть Кашлыком[38]. (Вопреки точке зрения Е.И.Дергачевой-Скоп,

РЛ относительно ЕЛ[39]). Во многих списках повести Есипова, ее Титовском виде и Забелинской редакции гибель Ермака датируется 7091 (1582/83) г., а в Лихачевской редакции — 7099 (1590/91) г.[40] (Е.К.Ромодановской же думается, что согласно всем летописям, Ермак погиб в 1584 г.[41]). В Лихачевской редакции читаем про выступление казаков с Волги за «Камень» в 7088 (1579/80) г. Этим годом датируется покорение Сибири в основанном на НЛ предисловии к ЕЛ в Академическом списке первой половины XVIII в. Кроме того, в Титовском виде сочинения Есипова возведение Тюмени относится не к 7093 (1584/85), а к следующему году[42].

В Распространенной редакции ЕЛ гибель Ивана Кольца и его казаков однажды представлена в ряду событий 7092 (1583/84) г.; под этим же либо следующим годом сказано о появлении в Сибири рати И.Мансурова. (В глазах строгановского «историографа» тот прибыл за Урал в 7094 (1585/86) г.[43]). Нередко про строительство Тюмени и Тобольска речь идет в статьях за 7094 (1585/86) г.[44] О закладке тогда первого русского города в Сибири читаем и в одном кратком летописце, видимо, московского происхождения[45].

Е.К.Ромодановская, стало быть, не совсем права, утверждая, что сибирские летописцы по-разному датировали начало зауральской экспедиции Ермака[46]. Сама исследовательница констатирует, что в их произведениях обычно говорится о выступлении казаков в поход против кучумлян в 7089 (1580/81) г.[47]

ЕЛ и «Повесть летописная, откуду начяся царство бисерменское в Сибири...», как мы помним, стали главными нарративными источниками ПЛ. К сочинению Есипова явно восходят приведенные компилятором даты начала похода Ермака, сражения на Чувашевом мысу, вступления казаков в резиденцию Кучума, их гибели под Абалаком, отправки сеунчиков в Москву, осады Карачей Старой Сибири, смерти прославленного атамана, прибытия за «Камень» отряда И.Мансурова, основания Тобольска[48]. (А.Т.Шашков считает указание на захват ермаковцами ханской ставки 26 октября 7089 (1580) г., кстати, с оригинальным пояснением, что то был день памяти святого апостола Якова, вставкой в текст «Повести летописной...», якобы совпадающей в значительной мере с Н[49] . Суждение о приоритете этой «Повести...» сравни-

тельно с ЕЛ вряд ли можно признать оправданным[50]). Строительство Тюмени в ПЛ приурочено к 7094 (1585/86) г., наподобие Титовского вида ЕЛ. Видимо, компилятор располагал списком есиповского сочинения с такой датой. Хронологические же определения, почерпнутые составителем ПЛ из «Повести летописной...»,— как правило, описательного типа: «в тое же пору», «за год до того», «в тое пору», вскоре, до прихода воевод, летом, «как вода вскрылась», «зимним временем», «многое время и до весны», «того ж лета»[51]. Последнее замечание — безусловный анахронизм, документально известно, что князь Горчаков (только не Федор, как читаем в ПЛ, а Петр) прибыл в Сибирь не ранее весны 1593 г. Свидетельство о приезде головы И.Киреева с Маметкулом в «царствующий град» в «92-м году» (Есипов об этом умалчивает) А.Т.Шашков принял за вставку[52], что едва ли справедливо. Ведь И.Киреев, подобно С.Волконскому (точнее, Болховскому) с И.Глуховым, согласно ПЛ, оказался в Сибири после гибели Ермака 5 августа 7092 (1584) г., то есть ханского племянника могли доставить в Москву никак не ранее следующего года. К тому же, приводя дату этого события, редактор (единственный раз) не указывает тысячелетие[53]. В «Повести летописной...», за исключением данного случая, надо думать, определялась лишь последовательность событий: нападение пелымского князя Аблегирима на Пермь Великую, вторжение царевича Алея к Соли Камской и Чусовой, поход «ермаковых казаков» с Яика за «Камень», гибель знаменитого атамана, прибытие в Сибирь войска С.Болховского, кончина этого князя, возвращение на «Русь» И.Киреева, затем И.Глухова, появление во владениях Кучума рати И.Мансурова, основание Тюмени и Тобольска. Соответствующие фрагменты «Повести...» составитель ПЛ чередовал, иногда не вполне удачно, с отрывками ЕЛ. Так, известиям о набеге Аблегирима и вторжении Алея предшествует упоминание о царствовании Кучума, описание пути казаков в Сибирь следует за указанием на «посылку» туда Ермака с «дружиной» Богом; рассказав про направленных в Москву сеунчиков, редактор счел целесообразным сообщить о царском решении прислать на помощь казакам отряда С.Болховского, появившегося за Уралом после того, как был пленен Маметкул и погиб предводитель «воинов», овладевших татарским ханством; оказывается, когда ермаковцы

оставили город Сибирь, туда собрался вернуться (что вскоре и сделал) Сейдяк, а Кучума покинул Карача. Таким образом, изложение ведется в рамках «хронологической сетки» ЕЛ, которая, если и расширяется, то почти исключительно в описательном ключе. Поэтому взгляд, что ПЛ — самый надежный источник о походе Ермака[54], страдает несомненным преувеличением. Кажется заблуждением и мысль, будто ПЛ (якобы передающий текст Н) использовался при составлении С[55]. Помимо того, что в С гибель Ермака датирована 6 августа, а в ПЛ (как в ЕЛ) — предыдущим днем, в «Повести...» не обнаруживается «привязка» описываемых событий ко второму — четвертому годам казачьей экспедиции в «Сибирское царство».

Примечательно, что в общерусских летописцах, кроме Поволжского (если верить его составителю, Кучум был разгромлен через три года после того, как ермаковцы появились в его «юрте», в 7097 (1588/89) г.), «взятие» русскими нового татарского ханства приурочивается к более позднему времени, чем в С и ЕЛ, например, к 7087 (1578/79)[56], 7091 (1582/83)[57], 7092 (1583/84)[58], а чаще всего (в Соловецком, причем нескольких редакций, Пискаревском, Дашковском, многих кратких летописцах) — к 7093 (1584/85) и 7094 (1585/86) гг. (По утверждению анонимного создателя СЛ, в 7087 (1578/79) г. казаки явились в чусовские городки. На взгляд Р.Г.Скрынникова, «в части хронологии» от этой летописи зависит открытый Е.К.Ромодановской Сольвычегодский летописец[59]).

Следовательно, хронологическая структура Основной редакции ЕЛ, в решающей степени предопределенная С, не претерпела существенных изменений в ходе многочисленных переработок, даже в самой значительной из них — ПЛ.

К числу наиболее спорных вопросов истории создания «Списания» Есипова относится выяснение источников памятника.

Считается, что в ЕЛ использованы и Н, и С[60]. Е.К.Ромодановская находит переданные тобольскому «первопрестольнику» казачьи «списки»[61] и С непосредственными источниками «Повести о Сибири и о сибирском взятии», по указанию ее автора[62]. Заметим, что такое указание в ЕЛ не встречается. Однажды видная исследовательница раннего сибирского летописания посчитала Н и С главными источниками произведения дьяка, входившего в

окружение трех тобольских архиепископов[63]. Подобно М.Н.Сперанскому, Е.К.Ромодановская, впрочем, думает, что в основу ЕЛ лег С[64]. Вместе с тем порой такая роль отводится этими учеными Н[65]. Автор многих работ о Есипове и его сочинении, однако, не поясняет, какой разновидностью С — найденной в конце 1960-х гг. и обычно признающейся первоначальной (далее — С-1)[66] либо включенной в 37-ю главу «Сказания о Сибирской стране»[67] (далее — С-2) — воспользовался владычный дьяк, хотя утверждает, что тот переработал текст «помянника», приведя в своей летописи этот агиографический памятник в собственной редакции[68]. С точки зрения Е.И.Дергачевой-Скоп, наряду с С-2, созданным по инициативе Киприана, существовал более «фактичный» вариант поминального списка, составленный при владыке Нектарии (этот С был известен С.У.Ремезову)[69]. На взгляд Н.К.Фролова, Есипов обращался к двум С, возникшим в годы «святительства» первого и третьего сибирских архиереев[70]. В нашем распоряжении, однако, нет сведений о том, что Нектарий, приехавший в Тобольск 1 апреля 1636 г., успел отредактировать С до окончания ЕЛ пять месяцев спустя или в течение менее четырех лет, когда этот «пустынник» занимал владычную кафедру. (С точки зрения Р.Г.Скрынникова, ЕЛ была завершена между 1 апреля и 1 сентября 1636 г.[71] Но по наблюдению Е.К.Ромодановской, в заглавии и концовке этой повести есть намек на явления чудотворной Абалацкой иконы, первые из которых относятся к июлю и «страдной поре» того же года[72]. Кроме того, Нектарий в ЕЛ не упоминается, хотя там сказано про Киприана). В отличие от «Истории Сибирской»[73] в ЕЛ умалчивается о гибели 107 ермаковцев в сражении «под Чюваши» и 20 — на Абалацком озере; последнее из них датируется не 5 ноября, а 5 декабря, смерть прославленного атамана, с которым были «немногие воинские люди» (Ремезов же говорит про 300 казаков) относится к 5 августа, а не следующему дню.

В представлении Р.Г.Скрынникова, С-2 стал известен Есипову по ранней тобольской летописи, которая явилась главным источником сочинения этого «слагателя» о «Сибирском взятии»[74]. На взгляд видного историка, внесенные в данный С исправления всецело соответствуют КО, а также НЛ[75]. Такое заключение должно считаться преувеличением. Указанные нарративные сочинения и С-2 сходятся в том, что Ермак и многие его соратники

были перебиты на Вагае[76] (о чем сказано и в ЕЛ), тогда как согласно С-1, это случилось «близ Вагайскаго устья». Подобно С-1, гибель казаков возле Абалака приурочена Есиповым к 5 декабря (в С-2 читаем, что ермаковцев убили там зимой). В ЕЛ, как и в С-1 (в С-2 об этом умалчивается), говорится о том, что «русский полк» «воевал» «улусы и городки» татар и остяков. Кроме того, имена атаманов и казаков, погибших в зауральском походе, были «написаны»[77] (о чем знал дьяк Макария, Нектария и Герасима) лишь в С-1. В.И.Сергеев не задался вопросом, с какой целью Есипов привел С в 37-й главе своей летописи в усеченном виде, без этих имен. По убеждению владычного дьяка, тем самым он давал возможность читателям «исправить» «Списание о Сибирской земле»[78]. С-2, служащий в оценке Е.К.Ромодановской своеобразным дополнением к ЕЛ[79], содержит «схематический очерк главных моментов похода», сжатый конспект описания знаменитой экспедиции[80], позволяющий резюмировать содержание обширного сочинения о крушении ханства Кучума (сходным образом, кстати, поступили создатель Распространенной редакции ЕЛ и Иван Тимофеев[81]).

При сравнении С-1, С-2, с одной стороны, и ЕЛ,— с другой, обнаруживается, что «архиепископль» дьяк опустил указания на «вольность», которой, оказывается, наряду со «славою и ратоборством» «вооружи» Бог Ермака, и «плотскую сладость», о чем, как и «света сего» чести и славе, забыли казаки, решив «показать» «храбрость свою перед нечестивыми». Зато Есипов добавил, что царь Иван Васильевич являлся «всеа Русин самодержцем»[82]. Владычный «списатель» подверг С и стилистической правке: в «помяннике» сказано, что ермаковцы «всю надежду свою на Господа тверда (твердо) положили», а в ЕЛ — «положиша упование на Господа твердо»; в повествовании Есипова дважды констатируется, что «прииде на воинов смерть», а не «приближашася на воинов внезапная смерть», как в С. Если в обеих редакциях «помянника» утверждается, что казаки со своим атаманом «собрашася ... навстречю бухарцев», то по замечанию дьяка нескольких сибирских архиепископов, ермаковцы «поиде на стречю их, поганы[х]»[83], т.е. кучумлян. Очевидно, Есипов неверно понял смысл соответствующего известия С. В начале последнего читаем о строительстве городов и возведении церквей; в почти одинаковых выражениях

об этом трижды говорится в ЕЛ [84]. Оборот «травы селныя» из первых строк С тоже находит аналогию во владычной летописи, где встречаем и знакомую по С фразу «от простых людей». Как и в «помяннике», Обь называется дьяком великой. Известия ЕЛ о сооружении церквей и монастырей, в частности, в Тюмени и Тобольске, «во славословие Отцу и Сыну и Святому Духу в прибежище ... православным християном» повторяют свидетельства составителя С. Оказывается, «во уреченном месте у реки Иртиша» произошло сражение «дружины» Ермака с «нечестивыми» «под Чювашею» (С) и собралось множество «поганых», что вынудило воеводу И.Мансурова отступить и заложить Обский городок. В С-1 упомянуто о внезапном нападении кучумлян на казаков под Абалаком; согласно С-2, татары напали тогда на «станы» ермаковцев. В ЕЛ же читаем, что на «стану» у некоего урочища Абалак (Басан) соратники прославленного атамана «почили», не выставив стражи. Завоевание Назима «со князком» остяков, если верить С, произошло «во второе ... лето сибирскаго взятья» («по сибирском взятии»). В Повести Есипова этого хронологического определения нет, однако говорится о захвате остяцкого городка «со всем богатством». Софийский дьяк в отличие от составителя С умолчал и о гибели ермаковцев в походе по Иртышу и Оби, как и в сражении на Чувашевом мысу. Судя по летописи начала «святительства» Нектария, «убиение казаков от нечестиваго Карачи» случилось в 1582/83 г., а если следовать С,— «в третие же лето» со времени «взятия» Сибири. (Карача, названный в ЕЛ «думным» Кучума, согласно «помяннику», был «думчей царев»). В С утверждается, что Ермака убили «в четвертое лето» после «сибирского взятия», вслед за тем, как 5 (С-2) или 6 (2-1) августа к атаману прибыли «вестницы» от бухарских торговых людей. Есипов же датирует гибель предводителя экспедиции 5 августа 1584 г., причем в отличие от С-1 (там сообщается о смерти многих казаков на «станах») поясняет, что место, где утонул, не добравшись до струга, Ермак,— «перекопь»[85].

В С из ЕЛ по сравнению с предыдущим опущена первая запись об убитых в бою «с нечестивыми», но если в С-1 ей сопутствует заметка о «вечной памяти малой» (про это сказано и в Ремезовской летописи), то в С-2 — «вечной памяти средней». В С-1 «Ермаковым тов[а]рищем», погибшим в «хождении» по

Иртышу и Оби, положена «средняя память» (о чем упомянуто и в «Истории Сибирской»), в С-2 же — «большая». Согласно С-1, Ермак и его соратники, павшие «близ Вагайского устья», удостоились «вечной памяти большой», а если верить С-2, да и Ремезовской летописи,— еще и «возгласа болшего».

В С, что объясняется его назначением, зафиксированы эпизоды «Сибирского взятия», отмеченные гибелью казаков. Соответствующие рассказы владычного дьяка более обстоятельны, особенно про «бой велик» под Чувашевым. Свидетельству о нападении царевича Маметкула на казаков у Абалака сопутствует известие об истреблении следом «поганых» Ермаком; поведав «о взятии городков и улусов», в частности, Назима, летописец замечает, что атаман и его сподвижники вернулись в г.Сибирь «с великой радостью и корыстью»; сообщения о гибели Ивана Кольца и Ермака с их соратниками дополнены указаниями на «плачи» казаков по товарищам, павшим от рук «нечестивых», а также убийства русских «воинов» «погаными» в улусах и волостях.

В 1—6, 13, 16—18, 20, 21, 23, 25, 26, 28—36-й главах ЕЛ зависимость от С не ощущается; лишь по одной фразе из 12 и 27-й глав можно сблизить с «помянником» тобольской Софии. Так, в С умалчивается, каким образом ермаковцы очутились за Уралом, не говорится там про распоряжение Кучума соорудить засеку «под Чювашевым», о захвате казаками улуса Карачи и городка мурзы Атика, бегстве хана из своей столицы, вступлении туда казачьего отряда, прибытии к Ермаку остяцкого князя Бояра, посылке сеунчиков в Москву, пленении Маметкула, его отправке в «царствующий град», осаде Карачей (покинувшим Кучума) г.Сибири, бегстве уцелевших казаков после гибели своего «наставника» на «Русь», занятии Кашлыка Алеем, а потом Сейдяком, основании Мансуровского городка, Тюмени, Тобольска, взятии в плен в «начальнейшем» городе «Сибирской страны» Сейдяка, Султана и Карачи, «присланных» затем в Москву, смерти Кучума. Свидетельства Есипова, не имеющие аналогий в С, по объему заметно превосходят летописные рассказы, сходные с известиями соборного «помянника». С, которому владычный дьяк следовал как литературному образцу[86], таким образом, не стоит считать основным источником ЕЛ. Эту роль, подобно Р.Г.Скрынникову, можно

отвести сложившейся в Тобольске повести о «Сибирском взятии», к которой обращался и создатель СЛ.

По мнению В.И.Сергеева, «слогатель» ЕЛ четко различает ее заключительную главу и составленный при Киприане С с именами атаманов и казаков, погибших от рук кучумлян[87]. Впрочем, 37-я глава «Сказания» владычного дьяка называется «Синодик казаком»[88], а приведя его, Есипов замечает: «имена их (Ермака и его погибших соратников.— *Я.Г.*) в синодики написаны, где которые убиены ... се написах к своему изправлению»[89]. Примечательно, что здесь говорится о синодиках, а не одном поминальном списке. По наблюдению Е.К.Ромодановской[90], С включен в ЕЛ (видимо, автором этого «Списания») в переработанном виде, без имен погибших участников знаменитой экспедиции за «Камень», помимо Ермака и Ивана Кольца, о которых идет речь в основной части летописи «Сибирское царство и княжение, и о взятии, и о Тоболске граде»[91]. Три с половиной десятка таких имен содержит С, обнаруженный четверть века тому назад в одной из рукописей Чина православия Е.К.Ромодановской и признанный ею первоначальным.

Если эта исследовательница считает С (относительно его разновидности можно только гадать) непосредственным источником ЕЛ[92], то в представлении Р.Г.Скрынникова уже в ранней тобольской летописи, явившейся протографом Повести о Сибири и о сибирском взятии, использовался С-2, т.е. заключающий сочинение владычного книжника[93]. Какое же из указанных суждений справедливо?

В ЕЛ и С-1 гибель казаков, отправившихся рыбачить к Абалаку, отнесена к 5 декабря, тогда как в С-2 она приурочена к зиме. (В другой разновидности С схватка на Абалаке датируется 5 ноября[94]). Впрочем, бой «под Чувашею», если верить С-1, состоялся 26 октября, а не тремя днями раньше, как утверждается в С-2 и сочинении Есипова. Сражение, оказавшееся для Ермака последним, согласно С-1, произошло 6 августа, а по данным С-2 и ЕЛ,— на день раньше. Но в «Повести о Сибири и о сибирском взятии», подобно С-1, говорится о том, что прославленный атаман отправился «навстречю бухарцев» с немногочисленной «дружиною». Однако если в С-1 перечислено восемь погибших близ Вагайского устья русских, то, как читаем в С-2, в этом сражении кучумлянами

«вси избиени быша»; по версии же ЕЛ, с места боя «токмо един казак утече». (На отличия двух редакций С в описании сражения у Вагая обратил внимание Р.Г.Скрынников[95]). Далее, в С-2 и ЕЛ находим фразу «посланием Божиим уготовися час и прииде на воинов смерть»; в С-1 в данной связи читаем «...оготовавшися день и приближишася на воинов внезапная смерть». Кроме того, в ЕЛ сказано о намерении ермаковцев «пострадати за православие (православную веру)», тогда как в С-2 — «за истинную веру пострадати», а в С-1 — «за православную истинную христианскую веру пострадати».

Чаще всего, однако, ЕЛ ближе к С-2, а не разновидности С, которая признается более ранней.

С-1	С-2	ЕЛ
всеа Росии	всеа Русии	всеа Русии самодержца
царьскаго повеления	царска повеления	царска повеления
показаше храбръство	показавъше храбрость	показавъше храбрость
соделашася святыя Божия церкви	воздвигошася святыя Божия церкви	святыя Божия церкви воздвигошася
века сего всю земную часть и плотскую сладость	света сего всю честь и славу и плотскую сладость	бо сии света сего честь и славу
вси глаголюше: «Достойни умрети за святыя Божия церкви ... и благоверному царю послужим, и всю надежду свою на Господа тверда положим»	вси глаголюше: «Достойни умрети за истинныя святыя Божия церкви, и за истинную веру пострадати ... твердо положили»	Тако и сии воини положиша упования на Господа твердо, и вси глаголюше: «Достойни умрете за истинную веру и пострадати за православие»
вооружи Бог славою и ратоборством и волностию Ермака Тимофеева сына Поволъскаго со единомысленою и с предоблею дружиною храбрьствовавшею	... Паволскаго (Поволсково) ... храбровавшею	и ратоборством ... Ермака Тимофеева сына [Повольского (Подолского)] и с ним 540 человек[96]

воеваше по Иртышу и по великой Оби ... и Назим, городок остяцкой, взяша со князком их	воеваше по Иртышу и по великой Оби ... и Назим, городок остяцкой, взяша со князком их	Повоеваше многие городки и улусы по реке Иртышу и по великой Оби и Назимъской городок взяша со князем их и со всем богатством
не во множестве воин победа бывает	не во множестве воин победа бывает	не от многих вои такова победа бысть
Ермак собрашася ... навстречю бухарцев	Ермак на стречю бухарцов поиде	Ермак ... поиде на стречю их, поганы[х][97]

Иногда же, повторим, ЕЛ отличается от соответствующих фрагментов обеих разновидностей С.

Поскольку Есипов в своей летописи опустил выражения «плотскую сладость», «волностию», отредактировал фразу, которая в С-1 и С-2 начинается словами «вси глаголюще», и высказывание о победе, одержанной немногими воинами, упомянул про выступление Ермака навстречу «поганых», т.е. кучумлян, а не бухарцев (это разночтение особенно показательно), перенес указание на «единомысленую и предоблею дружину» в предисловие, он едва ли может считаться редактором «помянника». Видимо, как и думал Р.Г.Скрынников, владычный дьяк обращался к нарративному сочинению, в ряду источников которого находился С. Это сочинение под пером Есипова подверглось стилистической правке и было «распространено», в частности, за счет устных свидетельств. Входивший в окружение нескольких тобольских архиепископов «списатель» пользовался скорее всего таким вариантом С, который отличается от ныне известных, но наиболее близок к С-2.

Вряд ли ЕЛ первоначально завершалась сообщением о гибели Кучума, как полагал И.И.Тыжнов[98]. О смерти хана в «Нагаях» упоминается в последних строках 34-й главы, а следующей является короткое «Благодарение Богу», оканчивающееся ремаркой: «И о сих дозде. Паче ж ко исправлению приидох»[99]. Первой из этих фраз[100], возможно, и заканчивалось вначале «Сказание» Есипова «о Сибирской земле». Недаром про «ермаковъских

казаков» читаем только в 36-й главе (ранее говорится о русских воинах, казаках, «Ермакове дружине», Ермаке и казаках); выражение «на драке» из той же главы[101] в предшествующей части произведения не встречается. (Мнение о том, что ЕЛ «заключалась» «Благодарением Богу», уже высказывалось в литературе. Но в таком случае дополнением к «Повести о Сибири и о сибирском взятии» может считаться не только последняя глава[102], но и предыдущая).

36-я глава ЕЛ, где изложены обстоятельства возникновения С, носит название «Имей же [помочь], исправляющу летопи[си] сия, еже о взятии Сибири и победе сицеве». (В оглавлении она названа иначе: «О исправе летописи сия»)[103]. Приведя в концовке своего произведения С, Есипов дал возможность читателям судить, в какой мере сообщения «помянника» (соответствие которых действительности представлялось софийскому «историографу» безусловным) и рассказа о «взятии» «Сибирского царства» не совпадают. С точки зрения М.Н.Сперанского, «помянник» был включен в ЕЛ ради ее «исправления», поскольку составил основу произведения[104]. Такая оценка С должна считаться натяжкой[105]. Протографом ЕЛ вслед за Р.Г.Скрынниковым следует признать менее пространную тобольскую летопись[106]. Есипов, который мог даже не знать об использовании С в этой летописи, решил познакомить с ним читателей (которых заверял в «любви»[107]), чтобы убедить их также в достоверности предшествующего изображения перипетий «Сибирского взятия».

С-2, являющийся, в оценке Е.К.Ромодановской, своеобразным приложением к ЕЛ[108], позволяет резюмировать содержание обширного сочинения о крушении ханства Кучума. Сходным образом, кстати, поступили создатель Распространенной редакции «Списания» Есипова и Иван Тимофеев, дополнивший Временник «Летописцем вкратце»[109].

Сходство с текстом С обнаруживается в предисловии к ЕЛ, ее 1, 2, 7, 8, 15, 16, 19, 24, 30, 31, 35-й главах, в основном 7[110] и 8-й. Наиболее широко Есипов прибегал к С в рассказе о начале зауральской экспедиции Ермака. Определение «Сибирская земля», встречающееся в «помяннике», налицо в 1, 2 и 7-й главах повести[111] «архиепископля» дьяка, употребленный автором С оборот «во славословие Отцу и Сыну и Святому Духу» имеется в 31 и

35-й главах этого «Сказания». В большинстве же глав ЕЛ (3—6, 9—14, 17, 18, 20—23, 25—29, 32—34) не наблюдаются аналогии с С, и рассматривать последний в качестве основного источника произведения владычного книжника опрометчиво.

Содержащий, по словам С.В.Бахрушина, «схематический очерк главных моментов похода», С иногда признавался краткой летописью[112]. Такая оценка не бесспорна. Ведь в С, что объясняется его назначением, запечатлены лишь события, отмеченные гибелью ермаковцев. В отличие от ЕЛ в «помяннике» обеих дошедших до нас разновидностей умалчивается про «брань велию» у реки Бобасан, захват казаками «улуса» ханского «думного» Карачи, городка мурзы Атика, столицы Кучума, осаду этого занятого русскими «града» войском Карачи, пленение царевича Маметкула, появление в Сибири московских служилых людей. Тем не менее Есипов следует намеченной в С периодизации «взятия» «дружиной» Ермака «бусурманского юрта». В поминальном списке к 7089 г. отнесены начало зауральского похода казаков, первое сражение (возле Кашлыка) и бой на Абалаке. Согласно С, «во второе ... лето» экспедиции ермаковцы воевали по Иртышу и Оби (вплоть до Назимского городка), «в третие же лето» в стане Карачи были перебиты Иван Кольцо и его сподвижники, в четвертое (5 или 6 августа) погиб с несколькими либо всеми соратниками предводитель «руского полка». Есипов, повествующий о событиях в хронологическом порядке, только добавил, что в 7089 г. ермаковцы вступили в город Сибирь (26 октября, на память Димитрия Солунского), их «наставник» отправил в Москву сеунчиков, которые тогда же были «отпущены» царем Иваном Васильевичем обратно. Часто пользующийся описательными хронологическими обозначениями, автор ЕЛ поход казаков по Иртышу и Оби не датирует даже столь приблизительно, как в С.

В.Г.Мирзоев утверждал, будто главная задача сочинения Есипова — прославление недавно учрежденной в восточной части Московского государства архиепископии, а причина появления этого «писания» — установление в начале 1636 г. «вселенского» поминовения Ермака и его соратников высшей светской и церковной властью[113]. Но в отличие от СЛ про создание тобольской владычной кафедры в летописи, сложившейся в стенах этого Софийского дома, читаем не в названии, а в тексте 36-й главы,

где раскрываются обстоятельства составления С[114]. (В данном отношении ЕЛ нетрудно сблизить с НЛ и Пискаревским летописцем). Есипов умалчивает и об установлении (о чем известно по «Истории Сибирской» С.У.Ремезова[115]) всеобщего поминовения ермаковцев.

Позднее сибирское летописание, в частности, открывающая вторичные разновидности так называемого СЛС Распространенная редакция повести Саввы Есипова о «взятии» «Кучумова юрта» «дружиной» Ермака, испытало влияние со стороны НЛ[116], возникшего в правительственных кругах незадолго до смерти патриарха Филарета. С точки зрения В.И.Сергеева, зависимость от крупнейшего памятника официального летописания середины царствования Михаила Федоровича ощутима и в Основной редакции этой повести[117]. А.В.Лаврентьев же (оставивший без разбора аргументацию своего предшественника) нашел, что в ЕЛ использованы не первые две главы НЛ, посвященные разгрому «Сибирского царства», а их более пространный протограф, сложившийся в зауральской части России и полнее сохранившийся в своде 1652 г. Вместе с тем, подобно Е.И.Дергачевой-Скоп, А.В.Лаврентьев думает, что в основу ЕЛ легла повесть о Сибири, созданная в Москве, возможно, еще при «святоцаре» Федоре,— РЛ[118]. Однако, как заметила В.Г.Вовина-Лебедева, источником свода 1652 г. стал РЛ вида Б, т.е. включающий сравнительно с более ранним несколько вставок, в том числе из НЛ[119]. Исследовательница пришла к выводу, что автор «Книги, глаголемой Новый летописец», сократил (подчас неудачно) протограф КО или близкое к этому памятнику сочинение[120]. Вопрос же о том, использовал ли Савва Есипов НЛ, В.Г.Вовина-Лебедева обошла.

Повесть владычного дьяка и «Летописец ... о нашествии Литвы на Московское государство и о раззорении градов»[121] сходятся в том, что Кучум держался «бусорманской» веры «Мааметева закону» (закона Моамета), но, как отметил сам В.И.Сергеев, согласно НЛ, подвластная этому хану «чють заблудящая веры и закону не знаху», тогда как в представлении Есипова «чюдь» жила «по всей Сибирстей земли» ранее (во времена Чингис-хана и Тайбуги в Прииртышье)[122]. В.И.Сергеев ссылается и на то, что в сопоставляемых произведениях говорится о появлении Маметкула в Москве в начале «самодержавства» Федора Ивановича[123].

Как утверждает исследователь, Есипов писал о «посылке» сеунчиков к государю князем С.Болховским и И.Глуховым, но относил прибытие воевод за Урал ко времени после отправки ханского племянника в «царствующий град». Точнее, если верить «архиепископлю» дьяку, о «Сибирском взятии» при дворе узнали от посланцев Ермака (о чем упомянуто и в НЛ), а Маметкула отправили в русскую столицу «того же лета», когда в бывших владениях Кучума оказались московские служилые люди[124]. В.И.Сергеев сближал известия ЕЛ и «Книги, глаголемой Новый летописец» об основании Тюмени. Но если в «Летописце о взятии царства Сибирского и о Гришке Ростриге»[125] читаем про строительство этой крепости на Тюменском городище, то владычный дьяк сообщил о закладке города (где появились дома и церкви) В.Б.Сукиным и И.Н.Мясным там, где прежде располагался Чингий (Чингиден). Кроме того, в ЕЛ идет речь о прибытии сеунчиков к Ивану IV, а не к его преемнику, как читаем в открывающей НЛ повести о завоевании русскими «Кучумова царства». В официальном летописце редакции 1629/30 г. сказано, что В.Сукин из Тюмени направил голову Д.Чулкова, чтобы «поставить» Тобольский острог, «ныне» стольный город Сибири, по утверждению же Есипова, воевода Чулков выстроил Тобольск, который «вместо царствующего града причтен Сибири»[126]. В 1-й главе НЛ упоминается о «взятии» ермаковцами царицы и царевичей, а в 64-й («О побое Кучюмове») рассказывается о том, что в походе воевод и голов из Тары против непокорного хана были захвачены восемь его жен и три сына, затем «присланных» в Москву[127]. На взгляд В.Г.Вовиной, по-видимому, в НЛ спутаны пленение Маметкула, а также сына и двух жен Кучума «после битвы с тобольскими воеводами» (о чем повествует Есипов), иначе говоря, официальный книжник «дважды описал одно и то же событие применительно к разным годам, причем первый раз ошибочно»[128]. Но ведь в 1-й главе сообщается о «взятии» ермаковцами сына и жены хана, а в результате «побоя Кучюмова», оказывается, в плену у государевых воевод и голов очутились сразу восемь сибирских цариц и три царевича. Согласно же свидетельству Есипова, отряд, выступивший против «нечестивых» из Тобольска, разбил их «близ поля» и захватил сына и двух жен бывшего властителя «Закаменьской страны»[129]. Судя по дипломатической документации, плененный русскими сибирский царевич —

это Абу-л-Хайр (Абулхаир, Абдюль Хаир), разделивший судьбу Маметкула до сражения на Оби, где в неволю попало несколько сыновей, а также дочерей и жен Кучума[130].

Между НЛ и ЕЛ обнаруживаются и другие расхождения, не привлекшие внимания исследователей. В первом из этих сочинений численность «дружины» Ермака определена в 650 человек, в «Повести о Сибири и о сибирском взятии» — в 540. В отличие от автора НЛ Есипов указывает на то, что прежде чем с Туры попасть в Тобол, волжские казаки добрались до Тавды. Из НЛ узнаем о 50 казаках-сеунчиках; «архиепископль» дьяк упоминает об атамане и казаках (не поясняя, сколько их было), отправленных Ермаком к московскому государю. В официальном летописце конца 1620-х гг. говорится о том, что Федор Иванович послал в Сибирь отряд С.Болховского и И.Глухова вместе с сеунчиками[131]. Есипов же уверяет, что служилых людей направил туда Грозный в 1582/83 г., вслед за отъездом из Москвы «ермаковых казаков». В НЛ читаем, что на Вагае с предводителем экспедиции было 150 человек, включая Ивана Кольцо, согласно же ЕЛ — «немногие воинские люди», а атаман Кольцо погиб раньше, еще до осады Карачей города Сибири. Если верить «Книге летописцу о выслугах и о изменах московских и новгородцких»[132], Ермака и его соратников перебили не «на перекопи» (о чем упоминает дьяк трех тобольских архиепископов), а «на острову»[133]. В НЛ сравнительно с ЕЛ сообщается, что казаков, лишившихся своего знаменитого атамана, в походе через «Камень» на «Русь» возглавлял И.Глухов[134]. В Повести владычного дьяка говорится о прибытии в Сибирь «во второе лето по Ермакове убиении» рати И.Мансурова, а в 1584/85 г. — отряда В.Сукина и И.Мясного; в НЛ же идет речь лишь о «поставивших» Тюмень воеводах, которых направил за Урал царь Федор вскоре после возвращения оттуда уцелевших казаков.

«Сибирское взятие» приурочено в ЕЛ к 7089 (1580/81) г. В.Г.Вовина-Лебедева и А.Т.Шашков считают, что так же датируется разгром «Кучумова» ханства в НЛ[135]. Л.Е.Морозовой представляется, что нижняя хронологическая грань повествования официального «списателя» из окружения патриарха Филарета — 1584 г. или приблизительно это время[136]. На первый взгляд, такая точка зрения вполне оправдана. Ведь составитель НЛ «нача писати

с 92 году и доныне». Однако две первые главы, отведенные присоединению к России Сибирского «царства», не содержат хронологических определений (хотя в КО, подобно многим летописям, говорится о завоевании «Кучумова юрта» 26 октября 1580 г.[137]), к 7092 (1583/84) г. — 31-му после «взятия» Казани — в 3-й главе относится «черемисская война» кануна смерти Ивана Грозного, когда «казанцы воздвигоша рать и пленили многие города»[138]. Любопытно, что экспедиция Ермака датируется таким образом только в НЛ. (В других нарративных сочинениях она приурочивается к 7087—7091, 7093—7097 гг.[139]). Видимо, создатель официального летописца, не зная, когда «ермаковы казаки» овладели «царством» Кучума, решил поведать о «взятии» нового татарского ханства под тем же годом, что и о начале антирусского восстания в Среднем Поволжье, но указал дату в названии «Книги...», а не в 1-й главе. Не исключено даже, что рассказ о присоединении этого ханства к Московскому государству был предпослан летописному повествованию вслед за тем, как в распоряжении патриаршего «историографа» очутился соответствующий источник[140]. Тем самым в глазах читателей НЛ «Сибирское взятие» выглядело продолжением Казанского[141]. По мнению В.Г.Вовиной-Лебедевой, конец царствования Грозного изображен близким к Филарету священником или приказным человеком лишь из-за наличия у этого книжника сочинения о Сибири (якобы единственного «летописного источника», которым тот воспользовался), что оговорено в названии памятника[142]. Но заголовок НЛ содержит не упоминание про такое сочинение, а обещание вначале поведать о завоевании татарского ханства.

А.И.Андреев допускал, что НЛ и ЕЛ восходят к одному протографу — повести, близкой к КО[143]. Ввиду многочисленных расхождений между «Книгой...» последних лет патриаршества Филарета и сочинением владычного дьяка «о Сибири и о сибирском взятии» это заключение маловероятно.

В оценке Р.Г.Скрынникова две редакции С — известная по ЕЛ и открытая Е.К.Ромодановской — заметно отличаются в описании последнего боя Ермака. Рассказ Есипова о гибели «велеумнаго» атамана «з дружиною» гораздо обстоятельнее сообщения из С, который «архиепископль» дьяк привел в заключительной главе своего «писания». В данной редакции поминального перечня

сказано, что Ермак и его сподвижники были перебиты на Вагае, а не «близ Вагайскаго устья», о чем известно по иной разновидности того же сочинения. О гибели Ермака с казаками на Вагае читаем и в КО, НЛ, а также 24-й главе ЕЛ [144]. Другие же изменения, внесенные в текст раннего С редактором, не находят аналогий в НЛ. Так, создатель этого летописца не повторил имеющихся в С из ЕЛ хронологических обозначений[145] и отдельных выражений либо оборотов («противъннии», «погании же подсмотриша их и нападоша», «прииде на воинов смерть, и тако вси избиени быша»). Кроме того, в НЛ сказано про гибель И.Кольца на Вагае, тогда как в С обеих редакций утверждается, что этого атамана и его соратников «нечестивый» Карача вероломно перебил раньше.

Таким образом, ЕЛ — «важнейший памятник сибирской исторической мысли XVII века»[146] — затруднительно возвести к НЛ[147]. Помимо общего представления о ходе и результатах знаменитого похода волжских казаков, эти памятники сходятся лишь в том, что Кучум придерживался «Моаметева закона», а ханского племянника привезли в российскую столицу вскоре после воцарения Федора Ивановича.

Известно, что в 1635 г. патриарх Иоасаф прислал в тобольский Софийский дом «летописец московской ... скорописной»[148]. Если это НЛ, то владычный дьяк не использовал его или потому, что работа над «Повестью о Сибири и сибирском взятии» к тому времени в основном завершилась, или поскольку не разделял ни оценок ермаковцев «списателем», видимо, хорошо знакомым Филарету (в глазах анонимного книжника они были «ворами»[149]), ни многих взглядов столичного автора относительно перипетий казачьей экспедиции в «Закаменьскую страну». Однако упомянутый летописец, подобно другим книгам, поступившим в резиденцию тобольского владыки как вклад по умершему накануне Киприану, мог принадлежать последнему еще в бытность архимандритом Спасо-Хутынского монастыря[150], т.е. вовсе не являлся тем обширным повествованием о событиях с конца царствования Грозного до современности, что возникло в окружении отца Михаила Федоровича в преддверии Смоленской войны.

По мнению Н.А.Дворецкой, при Нектарии, возможно, велись «записи событий тобольской жизни», поскольку в предисловии к ЕЛ сказано об основании сибирских городов, а далее речь идет

только о «поставлении» Тюмени и Тобольска. Исследовательница заключила, что из своего летописного источника приказный Софийского дома «взял ... далеко не все сведения», которые собирался привести вначале[151]. Но под городами, упомянутыми в первых строках ЕЛ, ее автор мог понимать как раз Тюмень с Тобольском. Учтем также, что о сооружении «градов» в «Закаменьской стране» говорится и в 7, 35-й главах «Повести о Сибири и о сибирском взятии», причем явно вслед за С; Есипов упоминает и о закладке Обского (Мансуровского) городка[152]. По наблюдению Е.К.Ромодановской, в тексте 31-й главы, посвященной (согласно названию) «созданию» Тобольска, автор умалчивает об основании города (замечая, впрочем, что тот был заложен в 15 «поприщах» от «града Сибири») и в отличие от ПЛ «не сообщает никаких реальных фактов, ... ограничиваясь риторическим рассуждением»[153]. В изображении Есипова Тобольск сразу оказался «старейшиной» сибирских городов, «начальным» среди них[154], хотя в действительности это произошло в 1599 г.[155] В дальнейшем софийский приказный, посвятивший свое сочинение, между прочим, судьбе «Тобольского града», указывает лишь на «поставление» туда Киприана и рассказывает, что когда там узнали о «пленении» Кучумом «татарских весей», русские, собравшись, напали «близ поля» на хана и разгромили его[156]. Автор ЕЛ в отличие от Забелинской редакции того же памятника, ПЛ и СЛС даже не приводит наименования первого храма Тобольска. Поэтому вывод Н.А.Дворецкой, будто владычный дьяк располагал какой-то летописью, фиксировавшей события из жизни сибирской столицы, не кажется нам убедительным, тем более, что о пленении Сейдяка в рассматриваемом «Сказании» говорится скорее всего на основании местного тобольского предания[157]. К тому же о возведении первых сибирских городов сообщается еще в литературных памятниках, дипломатической документации и разрядных записях конца XVI — первой трети XVII вв.[158]

Д.С.Лихачев не исключал, что судя по наличию в сочинении Есипова очерка географии Сибири, эта летопись предназначалась для отсылки в Москву[159]. Такое суждение не бесспорно. Ведь о географии Зауралья говорится в ПЛ и Ремезовской летописи, явно не рассчитанных на читателей только «царствующего града», где (прежде всего в Сибирском приказе) о ней было хорошо

известно по «Книге Большого Чертежа» и многим чертежам, отправлявшимся в столицу со времени строительства первых городов и острогов в бывших владениях «султана» Кучума[160]. Географический очерк «взятого» ермаковцами татарского ханства, составляющий (кстати, наряду с этнографическим) 1-ю главу ЕЛ, представлялся ее автору небесполезным и для жителей Сибири, хотя бы ввиду ее обширности[161].

Высказывалось допущение, что основу ЕЛ составили сведения какой-то Степенной книги, использованной в НЛ[162]. Но последний, как убедительно продемонстрировано В.Г.Вовиной-Лебедевой, восходит к КО либо протографу этого сочинения. Содержащая же рассказ о «Сибирском взятии» Степенная книга за время, предшествующее созданию ЕЛ, пока неизвестна.

В 30-й и 31-й главах «Списания» Есипова сказано об основании Тюмени в 7093 г. и Тобольска два года спустя. По мнению С.В.Бахрушина, владычный дьяк почерпнул эти даты из документов приказной избы сибирской столицы[163]. Следует, однако, учитывать, что эта изба «горела» в 1628 г., и тогда многие «старые дела» погибли[164]. Мысль С.В.Бахрушина может считаться вполне допустимой относительно Тобольска, но не «срубленной» годом прежде Тюмени. Время ее «поставления» (чаще всего оно приурочивается к 7094 г.), возможно, стало известно Есипову по челобитной какого-то сына боярского, стрельца или казака, дата же закладки Тобольска, не исключено, приводилась в отписке местного воеводы, которой располагал софийский дьяк[165]. Быть может, о строительстве Тюмени двумя годами раньше Тобольска Есипов знал и понаслышке. Едва ли, подобно И.И.Тыжнову, оправданно думать, что даты основания двух первых русских городов в Сибири автор ЕЛ почерпнул из какой-то записки конца XVI в., хотя бы ввиду неточности в определении времени строительства Тюмени. (В СЛС закладка Тюмени обычно относится к 7094, однажды — к 7093 г., возникновение же Тобольска — к 7094, 7095 гг. либо не датируется)[166].

Оказавшаяся богатой и многообразной летописная традиция Сибири стала складываться не без влияния устных источников, но каналы и формы этого влияния представляются исследователям далеко не единодушно.

Н, которое в поздних редакциях ЕЛ выдается за «списки», если верить свидетельству софийского дьяка, было составлено по расспросам ветеранов знаменитой экспедиции против «кучумлян»[167], но кем-то из сподвижников Ермака, а не приказными людьми Киприана. (Известно, что некоторые ермаковцы были живы еще в середине 30-х и даже начале 40-х годов XVII в.)[168].

Как находил В.Г.Мирзоев, согласно схеме Г.Ф.Миллера, сибирские летописи пошли от сохраненных Киприаном рассказов участников «взятия» «Кучумова царства»[169]. Точнее, в глазах выдающегося ученого XVIII в. протографом этих летописей явились письменные свидетельства ермаковцев, переданные «Старорушанину»[170].

Считается, что Киприан обратился к тем соратникам легендарного атамана, которые являлись уже чернецами Знаменского (Успенского) монастыря, находились на покое в архиерейском доме или продолжали нести службу в «старой сотне» тобольских казаков[171]. Как доказывает Н.И.Никитин, однако, в сибирской столице такого подразделения не существовало[172].

Е.К.Ромодановская допускала, что в создании Н участвовал Черкас Александров; со временем исследовательница стала считать этого «ермакова казака» единственным составителем «списков», которые отождествляет с ПЛ[173]. Сходная точка зрения, напомним, аргументируется А.Т.Шашковым.

Согласно «тетрадям» Саввы Есипова, Киприан лишь распорядился выяснить у ермаковцев, как (но не когда) они появились в Сибири, где сражались с «погаными» и кто из казаков при этом погиб. Вопреки утверждению Н.А.Дворецкой и В.Г.Вовиной-Лебедевой, «Старорушанин» отнюдь не велел казакам составить Н «о том, что они помнят о походе»[174]. Преждевременно и полагать, что ермаковцы сочинили «списки» по просьбе Киприана[175]. Не отличается точностью и мнение, будто этот архиепископ приказал расспросить старожилов и их потомков о Ермаке с его «товарством»[176]; речь должна идти лишь о соратниках легендарного атамана.

В представлении Е.К.Ромодановской, немало ветеранов, которые могли поведать Киприану о зауральском походе казачьей «дружины», названо А.А.Преображенским[177]. Но таковым следует признать одного Н.Брянцова, остальные же указанные видным

сибиреведом казаки долго служили в самой «дальней государевой вотчине». На взгляд Д.Я.Резуна, о завоевании «Кучумова юрта» «первопрестольному» владыке, между прочим, мог рассказать Т.Юрлов[178]. Однако неизвестно, был ли последний — с конца XVI в. атаман тобольских пеших казаков — среди тех ермаковцев, кто «сбил с куреня» сибирского хана[179].

По убеждению Н.К.Фролова, в основе С, ЕЛ и СЛ лежат устные рассказы казаков — сподвижников «велеумного» предводителя зауральской экспедиции[180]. Согласно С.В.Бахрушину, такую роль надо отвести Н. Р.Г.Скрынников протографом «повестей» Саввы Есипова и остающегося анонимным строгановского «историографа» признает тобольскую летопись, возникшую между 1621/22 и 1636 годами. Ее создатель мог использовать воспоминания соратников Ермака[181].

Автор ЕЛ заметил в предисловии, что «о царстве же Сибирском и о княжении написахом ино с летописца т[ата]рского, ино же достоверными мужы испытовах, еже добре и незакоснено поведоша ми яве». В концовке «Повести» Есипов вновь сообщил, что «ино ж от достоверных муж испытах, еже очима своими видена и быша в та лета»[182]. На основании этих слов считается, что дьяк архиепископов Макария, Нектария и Герасима использовал рассказы очевидцев, прибегал к устным нарративам казаков[183]. Однако кажется преувеличением мысль, что ЕЛ имела «устный архетип», который «растворился в книжной риторике и официальной точке зрения на события»[184]. По признанию самого владычного дьяка, он только «распространил» некое «писание». Вполне возможно, что это сочинение было облечено в традиционную летописную форму.

С.В.Бахрушин полагал, что со слов «достоверных мужей» Есипов писал о смерти Кучума и захвате Сейдяка (Сеид-хана, Саййид Ахмада бека) в Тобольске письменным головой Д.Д.Чулковым[185]. В.И.Сергеев к показаниям очевидцев, прежде всего казаков, возводит «детали» описания судеб Кучума, Сейдяка и их столицы в ЕЛ, которые мы не найдем у строгановского книжника[186]. Р.Г.Скрынникову представляется, что ермаковцы (одним из них, возможно, был Черкас Александров) сообщили дьяку тобольского владыки о поездке казачьей станицы в Москву с вестью о «Сибирском взятии», пожаловании государем их това-

рищей, которые привезли туда Маметкула, а также про строительство Тюмени и пленение Сейдяка[187]. Об основании первого русского города в Зауралье в ЕЛ, правда, говорится сухо и лаконично, но отмечено, что этой крепости предшествовал «град Чингий». Не исключено, что благодаря казакам создателю ЕЛ стало известно о плаче Кучума, когда тот узнал про захват ермаковцами царевича Маметкула, а также о доставке ханского племянника в Москву, обстоятельствах гибели Ермака и осады остяками Мансуровского городка[188].

По наблюдению Н.И.Никитина, впрочем, Иван (Черкас) Александров «не мог служить источником информации для тобольского летописца», так как умер не позднее конца первой четверти XVII в., а с середины 1630-х годов в «стольном граде» Сибири числился другой Иван Александров, никогда не называвшийся Черкасом. Е.К.Ромодановская тоже считает, что Черкас едва ли дожил до появления ЕЛ[189]. В оценке видной исследовательницы сибирского летописания рассказ о захвате в плен Сейдяка, царевича «Салтана» (Ораз Мохаммада) и Карачи основан на местном тобольском предании[190]; оно могло сложиться не только среди ветеранов «Ермакова взятия» «Кучумова юрта». (Этот рассказ встречаем и в ПЛ, что, между прочим, противоречит мнению о раннем происхождении данного памятника).

А.А.Преображенскому думалось, что Савва Есипов воспользовался свидетельствами М.Т.Трубчанинова — «кадрового служаки» в Сибири[191]. Но этот тобольский сын боярский, затем софийский приказный (конец 1610-х — 1630-е годы)[192] явно не принадлежал к числу «ермаковых казаков» и, вероятно, понаслышке знал об экспедиции, с которой началось крушение «царства» Кучума.

Е.К.Ромодановская находит, что приводимые Саввой Есиповым даты преимущественно «основаны на устном рассказе свидетелей похода»[193]. Ей и А.Т.Шашкову думается, что казаки, например, запомнили, когда собрались в Приуралье, откуда двинулись во владения Кучума, и овладели Кашлыком. По утверждению Р.Г.Скрынникова, ермаковцам врезалось в память, что они заняли ханскую столицу в день Димитрия Солунского, но какой был тогда год, они не знали, и назвали 7089, так как с того времени к моменту приезда Киприана в Тобольск провели в Сибири

сорок лет[194]. Однако архиепископ обратился к ветеранам похода за «Камень» на второй год своего «первосвятительства». Если бы казаки помнили, сколько лет несли службу в Сибири, то могли бы без труда указать время ее «взятия». Например, в 1606/07 г. верхотурский атаман П.Степанов (которого относят к числу ермаковцев) показал, что служил во всех сибирских городах 24 года; как уверял в 1622/23 г. тюменский атаман Г.Иванов, он провел в новом «царстве» московских государей 42 года[195]. Примечательно, что согласно жалованной грамоте ляпинскому князцу Лугую (август 1586 г.), тому следовало платить дань в Дмитриев день, т.е. 26 октября[196], а это день вступления ермаковцев в Кашлык, о чем едва ли знал остяцкий правитель. Видимо, казаки сохранили память о том, когда овладели ставкой Кучума, и от них, приехавших с «сеунчем», приведенная дата стала известна в Москве. Возможно, о падении столицы татарского «царя» в Дмитриев день знал Киприан, еще только собираясь в Тобольск. «Первопрестольному» владыке могли подготовить справку о присоединении «Кучумова» ханства к России. Но помнили ли в Москве о том, в каком году ермаковцы «сбили с куреня» властителя Кашлыка? Не исключено, что 7089 (1580/81) г. — время начала экспедиции в представлении самих казаков, однако не похода за Урал из строгановских вотчин, а выступления с Волги; эту дату посланцы Ермака, возможно, назвали в «царствующем граде», где ее приняли за время, когда «дружина» «велеумного» атамана отправилась против сибирского «салтана». Казаки побывали у Грозного в 1583 г., сообщив о «взятии» татарского ханства в предыдущем году (если даже не в том же самом по летосчислению от сотворения мира), почему указанную дату могли специально не зафиксировать, а потом момент ухода с Волги и Камы стал восприниматься как начало присоединения Сибири. О прибытии ермаковцев в строгановские городки, видимо, московских приказных известили чердынские власти. Хронологические же определения ЕЛ заимствованы скорее всего из ее протографа и С, создатели которых могли прибегать и к документации тобольской приказной избы, в частности, послужным спискам или челобитным казаков, «взявших» «за саблею» «Сибирское царство».

Примечания

[1] Круг таких свидетельств легко расширить. См., напр: Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 541—543; Арзамасские поместные акты (1578—1618 гг.) / Собр. и редакт. С.Б.Весселовский (далее — АПА). М., 1915. С. 31—32, 263—264, 520; Документы Печатного приказа (1613—1615 гг.) / Сост. академик С.Б.Веселовский. М., 1994. С. 32, 87, 114, 141, 146, 150, 153, 167, 183, 250; Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Изд. подг. Е.Б.Французовой. М., 2002. С. 256, 257, 275, 280, 294.

[2] Ромодановская Е.К. Есипов Савва. С. 314.

[3] Документы... С. 73, 76, 198. В широко известном справочнике С.Б.Веселовского о дьяках и подьячих XV—XVII вв. про Савина Есипова умалчивается.

[4] Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия... С. 88. Вопреки утверждению исследовательницы, нет сведений о том, что Савин Есипов был курмышским дьяком и в 1614—1615 гг.

[5] См.: Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1851. Т. 4. С. 374, 380; Кормленая книга Костромской чети 1613—1627. СПб., 1894. С. 143, 208; РИБ. М., 1912. Т. 28. Стлб. 318, 358, 444, 708, 775, 790. Ср.: Стлб. 744; АПА. С. 48, 276, 280, 510, 536, 548; Документы... С. 167, 193, 203, 281, 398; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). М., 1997. Т. I. С. 209; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века: 1601—1608: Сб. док. М., 2003. С. 27, 143, 147, 148, и др.

[6] АСЗ. М., 2002. Т. 3. С. 103, 104; Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2002. Вып. 8. С. 128. В данных изданиях Савин Есипов выдается за Савву.

Петр Есипов оставался свияжским жильцом и в начале царствования Михаила Федоровича. См.: Кормленая книга... С. 98.

[7] Рогожин Н.М. Посольские книги и другие источники XVII в. о социальном составе и имущественном положении членов русских посольств 1613—1616 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 54.

[8] Ярков А.П. Духовенство Западной Сибири... С. 135. Мнение, что Савва Есипов был софийским подьячим (Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. I. С. 20. Ср.: Там же. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 225; Сибирская советская энциклопедия. Б.м., б.г. Т. 1. Стлб. 902; Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 396; История русской литературы. Т. 2. Ч. 2. С. 94; Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времен до 1917 года. Л., 1967. С. 153; Чернышев А. Религия и церковь в Тюменском крае: Опыт библиографии: В 3 ч. Тюмень, 2004. Ч. 1. С. 15; Могильников В.А. К истории знакомства русских с Сибирью... С. 140), ошибочно. В статье К.Д.Головщикова «Духовные деятели Тобольского края» (ТЕВ. 1896. № 8. С. 168) указано отчество Саввы — Ефимович, которое в известных нам источниках не встречается. В.К.Андриевич называл владычного летописца Ефимовым (Андриевич В.К. История Сибири. Ч. 1. С. 181), очевидно, неточно передав фамилию автора, зашифрованную в конце «Повести о Сибири и о сибирском взятии».

[9] См.: Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 7; ТАД. С. 168.

[10] Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия... С. 87.

[11] См.: Преображенский А.А. Некоторые итоги и спорные вопросы... С. 107; Он же. Обозрение некоторых источников Отдела рукописных и редких книг библиотеки Казанского государственного университета (конец XVI—XVIII в.) // Культура славян и Русь. М., 1999. С. 498. Заметим, что Н.М.Карамзин располагал двумя списками «Сказания» Есипова, отличающимися от ныне известных. Так, в них завершение этого сочинения было приурочено (в 33-й главе) к 5, а не 1 сентября (в 36—38-й главах), несколько иначе, чем в ЕЛ и ее переработках, говорилось о возникновении Н и С, сообщалось, что в последнем походе с Ермаком находилось 50 или 150 казаков (в «Списании» же владычного дьяка речь шла о «немногих людях»). Ср.: Карамзин Н.М. История... Кн. 3. Т. 9. Примеч. 644, 720; ПСРЛ. Т. 36. С. 63, 70, 72, 87, 90, 95, 125, 128, 185, 188, 249, 257, 314, 367.

[12] Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 20; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 461, 485—486; Сергеев В.И. Сибирские летописи. Стлб. 823; Мирзоев В.Г. Историография Сибири (Домарксистский период). С. 24. Ср.: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 22; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 79. В представлении О.Г.Пороховой центральная власть утвердила поминовение Ермака в 1636 г. по ходатайству Киприана (Порохова О.Г. Лексика сибирских летописей... С. 6), который умер двумя годами прежде, а тобольскую кафедру покинул в начале 1624 г. Не подтверждается источниками и взгляд Р.Г.Скрынникова, будто «Старорушанину» отказали во «вселенском» прославлении знаменитого атамана (Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи. С. 86).

[13] Сибирские летописи. С. 353; ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 564, 568. В статье «У истоков сибирского летописания» (С. 56, 60) В.И.Сергеев упомянул об известной Ремезову грамоте освященного собора 1636 г.

[14] Кузнецов Е.В. Сибирский летописец. Тюмень, 1999. С. 45.

[15] Ромодановская Е.К. Нектарий. С. 375; ЛП. С. 388. Ср.: Очерки. С. 49.

[16] См., напр.: Майков Л. Хронологические справки по поводу трехсотлетней годовщины присоединения Сибири к русской державе // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. № 9. Отд. 2. С. 28; Иконников В. Рец.: Буцинский П. Заселение Сибири и быт первых ея насельников // Университетские известия. Киев, 1892. № 5. С. 7; Бахрушин С. Туземные легенды в «Сибирской истории» С.Ремезова // Исторические известия. 1916. № 3—4. С. 19; Он же. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 39; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 71, 151.

[17] ПСРЛ. Т. 36. С. 70. Примеч. 100.

[18] Там же. С. 194, 262, 318, 347.

[19] ЛП. С. 89.

[20] Шубарина Л.В. Ермак и сибирский поход казаков в историческом сознании русского народа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1998. С. 14. А.П.Окладников лишь предполагал, что Киприан хотел объявить Ермака святым (Окладников А.П. Туземные легенды о Ермаке (Опыт историко-этнографи-

ческой интерпретации) // СО. 1981. № 12. С. 132). Н.А.Миненко думается, что «Старорушанин» стал рассматривать этого атамана в качестве патрона Сибирской епархии (Миненко Н.А. Предания о чуди и народная концепция присоединения Сибири (К изучению этно-культурных контактов русских с сибирскими татарами) // Этнические культуры Сибири: Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 47). Заметим, что эта исследовательница, а также А.И.Андреев и Л.И.Шерстова называют Киприана митрополитом.

[21] См.: ЛП. С. 90, 93—95, 277, 278, 342. Ср.: С. 159, 165.

[22] См.: Тобольск: Материалы для истории города... С. 10.

[23] ПСРЛ. Т. 36. С. 70.

[24] Там же. С. 71, 380.

[25] Там же. С. 71, 380, 381. См. также: Там же. С. 90, 117, 128, 188. Ср.: С. 257, 314, 367.

[26] Очерки. С. 68; Ромодановская Е.К. Есипов Савва. С. 315.

[27] Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 20.

[28] Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 394; История русской литературы. Т. 2. Ч. 2. С. 89.

[29] Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 38.

[30] ПСРЛ. Т. 36. С. 34, 39, 86, 94, 112—113, 124, 138, 184, 189, 247, 258, 309, 315, 345, 363, 368; ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 561. Ср.: Сибирские летописи. С. 142.

[31] Ромодановская Е.К. Сибирское летописание... С. 140.

[32] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 106.

[33] ПСРЛ. Т. 36. С. 66—67.

[34] Ромодановская Е.К. Материалы по стилистике сибирской литературы... С. 11.

[35] Сперанский М.Н. Повесть... С. 22, 25.

[36] Тыжнов И. Новейшие труды... С. 68. 69.

[37] Островских П. Мангазейская книга // Изв. Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела имп. Рус. географ. общества. Красноярск, 1903. Т. 1. Вып. 5. С. 42; Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях... С. 70; ПСРЛ. Т. 31. С. 142; Т. 36. С. 42. Примеч. 1—12, 138, 146, 258, 315, 345; Летописи сибирские. С. 38; Архив СПб. Ин-та истории РАН. К. 115. № 236. Л. 42, 186 об. Ср.: ЛП. С. 89. См. также: Солодкин Я.Г. О ранних летописных датировках начала зауральской экспедиции Ермака // Сб. науч. тр. Сургут. гос. ун-та. 2004. Вып. 18. Ч. 1. С. 141—147; Он же. Летописные датировки начала зауральской экспедиции Ермака и их источники // ИЗ. Воронеж, 2004. Вып. 10. С. 16—24.

[38] ПСРЛ. Т. 36. С. 34, 40, 95.

[39] См., напр.: Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. С. 108—109.

[40] ПСРЛ. Т. 36. С. 62. Примеч. 100; С. 87, 113, 120, 125.

[41] Ромодановская Е.К. Сибирское летописание... С. 136.

[42] ПСРЛ. Т. 36. С. 78. 88.

[43] Сибирские летописи. С. 39.

[44] ПСРЛ. Т. 36. С. 189, 258. 315.145, 368.

[45] Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 231.

[46] Ромодановская Е.К. Проблемы изучения раннего сибирского летописания // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1981. Вып. 1. С. 14.

[47] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 245. Примеч. 6.

[48] ПСРЛ. Т. 36. С. 131, 132, 134—136.

[49] Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 137. Ср.: С. 148.

[50] Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 39—59; Солодкин Я.Г. Погодинский летописец и его автор... С. 15—23, и др.

[51] ПСРЛ. Т. 36. С. 130, 133, 135, 136.

[52] Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 138.

[53] ПСРЛ. Т. 36. С. 135.

[54] Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 152; Он же. Сибирский поход Ермака... С. 44, и др.

[55] Ромодановская Е.К. Сибирское летописание... С. 139.

[56] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 245.

[57] РНБ. Собр. Погодина. № 1573. Л. 14 об.

[58] ПСРЛ. Т. 14. С. 33.

[59] Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 172.

[60] Порохова О.Г. Лексика сибирских летописей... С. 7; Ромодановская Е.К. Есипов Савва. С. 316; ТАД. С. 244; ЛП. С. 361.

[61] Так называется Н в некоторых поздних разновидностях «летописи Сибирское царство и княжение, и о взятии, и о Тоболске граде», как определил однажды Есипов свою повесть (ПСРЛ. Т. 36. С. 72, 262, 318, 347).

[62] Ромодановская Е.К. Есипов Савва. С. 316; Она же. Избр. труды... С. 133.

[63] Ромодановская Е.К. Сибирское летописание... С. 137.

[64] Сперанский М.Н. Повесть... С. 25; Ромодановская Е.К. Материалы по стилистике сибирской литературы... С. 21; Она же. Избр. труды... С. 130; Очерки. С. 63; /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 6, 30.

[65] Сперанский М.Н. Повесть... С. 25. Примеч. 1; Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 226.

[66] ПСРЛ. Т. 36. С. 380—381.

[67] Там же. С. 70—72. Таково название ЕЛ в Румянцевском 1-м списке (Там же. С. 42. Примеч. 1, 1—2).

По наблюдению В.И.Сергеева, Есипов четко различает С из этой главы, который не следует атрибутировать Киприану, и тот, где «имена их (атаманов и казаков.— *Я.С.*) написаны» (Сергеев В.И. У истоков... С. 46—47).

[68] /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 6; ЛП. С. 369. См. также: Софронов В.Ю. Есипов (Осипов) Савва // ТБС. Тобольск, 2003. Вып. 1. С. 173.

[69] Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы... С. 29; Она же. Заметки о жанре «Истории Сибирской»... С. 51, 53, 54. Примеч.

[70] Фролов Н.К. У истоков русского духовного наследия... С. 116.

[71] Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 22. Приурочивания ЕЛ к 1637 (митрополит Евгений, А.М.Сахаров) и 1637—1638 (Д.С.Лихачев, А.С.Демин) гг. безосновательны.

[72] ПСРЛ. Т. 36. С. 42, 72; ЛП. С. 363.

[73] См.: ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 558. 559, 562, 568.

[74] Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 25, 32, 260.

[75] Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи. С. 85.

[76] Сибирские летописи. С. 311; ПСРЛ. Т. 14. С. 33; Т. 36. С. 63. Ср.: С. 138.

[77] ПСРЛ. Т. 36. С. 53, 56, 71. Примечательно, что в отличие от приходо-расходных книг Чудова монастыря (см.: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 187) в С среди погибших ермаковцев не назван Феофилакт, хотя, возможно, это монашеское имя Федора, убитого «безбожными» во время казачьей экспедиции по Иртышу и Оби.

[78] ПСРЛ. Т. 36. С. 69. Таково название ЕЛ в двух списках (Там же. С. 42. Примеч. 1, 1—2).

[79] При этом Есипов следовал одной из традиций хорошо ему знакомой деловой письменности.

[80] Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 20; Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 394; История русской литературы. Т. 2. Ч. 2. С. 89.

[81] Временник Ивана Тимофеева. С. 150—153, 163—168; ПСРЛ. Т. 36. С. 189, 258, 315.

[82] ПСРЛ. Т. 36. С. 50, 51.

[83] Там же. С. 51, 63. См. также. Вовнна-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. С. 248.

[84] ПСРЛ. Т. 36. С. 42, 51, 69.

[85] Там же. С. 42, 45, 46, 51, 52, 55, 56, 60, 63—66, 69.

[86] Очерки. С. 58.

[87] Сергеев В.И. У истоков... С. 45—47.

[88] В перечне глав ЕЛ название последней из них более пространно: «Синодик казаком, Ермаку з братиею, сиречь з [д]ружиною, и как им кликати памяти, большая и средняя памяти и меньшая» (ПСРЛ. Т. 36. С. 43).

[89] ПСРЛ. Т. 36. С. 72.

[90] См.: Ромодановская Е.К. Синодик ермаковым казакам... С. 14; Она же. Тобольские летописцы. С. 49. Примеч. 5; /Покровский Н.Н.. Ромодановская Е.К. / Предисловие. С. 6; ЛП. С. 369.

[91] Так однажды назвал Есипов свое произведение (ПСРЛ. Т. 36. С. 72).

В.Ю.Софронов тоже считает «архиепископля» дьяка редактором С (Софронов В.Ю. Есипов (Осипов) Савва. С. 173).

[92] Ромодановская Е.К. Есипов Савва. С. 316; Она же. Избр. труды... С. 133. Утверждение, что владычный дьяк в ряду своих источников указывает С (ЛП. С. 361), неточно, создатель ЕЛ прямо не говорит о своем обращении к поминальному перечню, занимающему большую часть 37-й главы произведения.

[93] Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 25, 32, 54, 260.

[94] См.: ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 559, 568; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 230.

[95] Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 260.

[96] В предисловии к ЕЛ читаем про «храбрую и предобрую дружину и единомысленную», подчиненную Ермаку.

[97] ПСРЛ. Т. 36. С. 42, 50, 51, 58, 60, 63. О походе Ермака навстречу бухарцам сказано и в других летописях (Там же. С. 34, 40, 95, 113—114, 125, 134, 185, 249, 310, 364. Ср.: С. 87; ПСРЛ. Т. 14. С. 33; ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 562).

[98] Тыжнов И. Новейшие труды... С. 73.

[99] ПСРЛ. Т. 36. С. 69.

[100] Ср.: РИБ. Т. 13. Стлб. 25, 850; Временник Ивана Тимофеева. С. 163; Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 211; ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985. С. 230, 232, и др.

[101] Бытовавшее, напомним, среди казаков, оно могло попасть в ЕЛ благодаря им, если не посредством Н.

[102] /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 6. Вместе с тем Е.К.Ромодановская утверждает, что ЕЛ завершалась сообщением о гибели Кучума, и такая развязка подкреплена сообщением об учреждении Тобольской архиепископии (ЛП. С. 361; Ромодановская Е.К. Литераторы... С. 14).

[103] ПСРЛ. Т. 36. С. 43, 69.

[104] Сперанский М.Н. Повесть... С. 25. Указание на «исправление» текста нужно понимать буквально. См., напр.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. АН. СПб., 1836. Т. 3. С. 483; Временник... С. 119, 150, 167. Ср.: С. 111; Сказание... С. 152. Ср.: С. 108, 257; Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М., 1989. С. 27, 184. Ср.: С. 146, 244, 245, 252, 332—334, 340, 342, 347.

[105] Солодкин Я.Г. К истории раннего сибирского летописания (Об основном источнике «Повести» С.Есипова) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: Материалы V регион. научно-метод. конф. Омск, 2004. С. 99—102.

[106] Заметим, что Е.И.Дергачева-Скоп датировала концом XVI в. не тобольскую летопись (Яковлева А.М. Схемы сибирского летописания... С. 33), а гипотетическую Повесть о Сибири,— произведение, созданное или в Москве (Дергачева-Скоп Е.И. Краткие повести о походе Ермака в Сибирь в составе общерусских летописных сводов // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем... Вып. 1. С. 17; Очерки. С. 52—53), или в Казани, но на основе протографа, сложившегося в Чудовом монастыре (Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия... С. 30, 31, 33).

Мнение В.П.Адриановой-Перетц, что «первоисточником» ЕЛ послужила летопись Киприана (История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 258), в специальной литературе обоснования не получило. И.В.Наумов явно заблуждается, говоря о тождестве этих сочинений (Наумов И.В. История Сибири: Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск, 2003. С. 11).

[107] Ср.: Демин А.С. Писатель и общество в России... С. 65—68; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 432.

[108] В этом отношении с ним сопоставимы Погодинский список Сказания о Гришке Отрепьеве, завершающийся перечнем убитых во время московского восстания 17 мая 1606 г. поляков и «литвы», вторичная (по наблюдению Д.М.Буланина, см.: СККДР. Вып. 3. Ч. 4. С. 761) редакция сказания «О изведении царского семени...», сопровождающаяся грамотой митрополита Ростовского и Ярославского от 30 ноября того же года, и сказание (которому сопутствует

Чин возведения Филарета в сан «первосвятителя») о начале патриаршества в России.

[109] Временник... С. 150—153, 163—168; ПСРЛ. Т. 36. С. 189, 258, 315.

[110] Фрагменты С здесь прерываются заимствованиями из Хронографа Русского. См.: ЛП. С. 365.

[111] Так определяется жанровая принадлежность ЕЛ многими историками и литературоведами.

[112] Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 20; Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. С. 241. Ср.: Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 394; История русской литературы. Т. 2. Ч. 2. С. 89.

[113] Мирзоев В.Г. Историография Сибири (Домарксистский период). С. 24—25, 27. Ср.: Сергеев В.И. Сибирские летописи. Стлб. 823; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 22.

[114] Лишь в двух списках ЕЛ об открытии Тобольской архиепископии сказано в названии этой главы (ПСРЛ. Т. 36. С. 69. Примеч. 23—29). Ср.: Сергеев В.И. У истоков... С. 51.

[115] Там оно приурочено к 16 февраля 1621 г., т.е. к тому же году, что и учреждение архиерейского дома в Сибири (ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 564, 568).

[116] Очерки. С. 86, 89; Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод... С. 29, 30, 53, 64, 101. Заимствования из НЛ имеются и в РЛ, появившемся скорее всего в результате сокращения Основной редакции есиповской «Повести о Сибири и о сибирском взятии». См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 34. Примеч. н; С. 40. Примеч. л; /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 4. Ср.: С. 11, 15, 20, 24.

[117] Сергеев В.И. Сибирские летописи. Стлб. 823; Он же. У истоков... С. 49—50, 54, 59. См. также: Яковлева А.М. Есиповская летопись... С. 72. Ранее такое мнение высказывала А.М.Ставрович.

[118] Лаврентьев А.В. Известия о Сибири в русских исторических сочинениях XVII века и их источники (Новый Летописец, Свод 1652 года. Латухинская Степенная книга) // Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв. М., 1986. С. 121, 126, 132.

[119] Вовина В.Г. Новый летописец и спорные вопросы изучения... С. 127; Она же. Новый летописец: история текста. С. 106—107.

[120] Вовина В.Г. К вопросу о сибирских статьях... С. 61—63, 66, 69; Она же. Новый летописец: история текста. С. 106, 245—248, 250, 253, 254. Ср.: С. 376, 379. Ранее аналогичное мнение высказывалось А.И.Андреевым. Е.И.Дергачевой-Скоп и Р.Г.Скрынниковым. Последний заключил, что вопреки представлению А.М.Ставрович никаких текстологических связей между первыми «сибирскими» главами НЛ и протографом ЕЛ не обнаруживается (Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 38, 39). А.М.Ставрович, однако, считала источником сочинения Есипова летопись Киприана, «обработанную» и в «Книге...» 1629/30 г., сложившейся в патриаршем окружении.

[121] Так называется НЛ в одном из списков. См.: Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. С. 84.

[122] См.: ПСРЛ. Т. 14. С. 33; Т. 36. С. 46, 47. Ср.: С. 45, 73.

[123] Заметим, что в Пискаревском летописце читаем о приведенном казаками к Федору Ивановичу сибирском царевиче (ПСРЛ. Т. 34. С. 195), под которым, видимо, следует понимать Маметкула.

[124] ПСРЛ. Т. 36. С. 57, 60, 61.

[125] Так определил НЛ один из переписчиков. См.: Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. С. 135.

[126] ПСРЛ. Т. 14. С. 34; Т. 36. С. 46, 65. 66. В СЛС и ремезовской «Истории Сибирской» Чулков называется письменным головой (ПСРЛ. Т. 36. С. 138, 139, 189, 190, 252, и др.; ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 566).

[127] ПСРЛ. Т. 14. С. 33, 51. О «присылке» в Москву Ермаком жены и сыновей Кучума сообщается и в Поволжском летописце начала XVII в. См.: Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями... С. 215.

[128] Вовина В.Г. К вопросу о сибирских статьях... С. 64. Недавно она сочла, что известие НЛ о пленении сибирских цариц и царевичей — «как кажется, устного происхождения» (Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. С. 248).

[129] ПСРЛ. Т. 36. С. 68. Под пером С.У.Ремезова это сражение превратилось в разгром Кучума на озере Чиликуль близ реки Ишима 1 августа 1591 г. тобольским воеводой князем В.В.Кольцовым-Мосальским, что во многих отношениях маловероятно. См.: Солодкин Я.Г. Из наблюдений над хронологией Ремезовской летописи // Центральная Азия и Сибирь: Первые научные чтения памяти Е.М.Залкинда: 14 мая 2003 г. Барнаул, 2003. С. 243—245.

[130] См.: ПДС. Т. 2. Стлб. 466; Сб. РИО. Т. 38. С. 296, 378—379; Белокуров С.А. Сношения... Вып. 1. С. 341, 439; ПДТС. Т. 1. С. 364; Т. 2. С. 50—51.

[131] Об этом сказано и в ПЛ (ПСРЛ. Т. 36. С. 133).

[132] Так называется НЛ во вкладной книге Антониево-Сийского монастыря. См.: Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977. С. 107.

[133] В КЗ эти версии объединены: казаки погибли «на Вагайской перекопи ... на острову» (ПСРЛ. Т. 36. С. 138).

[134] Об этом сказано также в ПЛ и КЗ (ПСРЛ. Т. 36. С. 134—136. 138).

[135] Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец с продолжением до 1645 г. // In memoriam: Сб. памяти Я.С.Лурье. С. 292; Шашков А.Т. Сибирский поход Ермака... С. 35.

[136] Исторический лексикон: XVII век. М., 1998. С. 742; Морозова Л.Е. Смута начала XVII века... С. 358.

[137] Сибирские летописи. С. 308. Не исключено, что эта дата попала в текст произведения благодаря его редактору.

[138] ПСРЛ. Т. 14. С. 33, 34.

[139] Указание на «взятие» Сибири 26 октября 7085 (1576) г. в конце Румянцевского 2-го списка ЕЛ (ПСРЛ. Т. 36. С. 72. Примеч. 40) — явная ошибка, ранее это событие отнесено там, как обычно, к 7089 (1580) г. (Там же. С. 51. Примеч. 83; С. 56. Ср.: С. 70).

[140] Своеобразной параллелью НЛ в этом отношении может считаться одна из редакций Соловецкого летописца, дополненная по сравнению с предыдущей повестями о двух посольствах и Молодинской битве. См.: Солодкин Я.Г. К истории

соловецкого летописания рубежа XVI—XVII вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 7.

Отдельные фразы 1-й главы встречаются в последующем тексте НЛ (Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. С. 254, 255), что свидетельствует о редактировании официальным книжником источника повести о «взятии» Сибири.

[141] Так думали многие московские книжники. См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 90; РИБ. Т. 13. Стлб. 1275; /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 17. Ср.: Сб. РИО. М., 1912. Т. 137. С. 117, 277; Лаврентьев А.В. Известия о Сибири... С. 131; Он же. Царевич — царь — цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604—1606 гг. СПб., 2001. С. 15, 184—185; Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия... С. 33.

[142] Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. С. 379. Ранее она считала (впоследствии на это указывали Л.Е. и Б.Н.Морозовы), что НЛ задумывался как произведение, начинающееся с описания «Сибирского взятия». См.: Вовина В.Г. К вопросу о сибирских статьях... С. 69; Морозова Л.Е. Смутное время... С. 57; Она же. Смута начала XVII века... С. 431, 432, 435; Морозов Б. Смутное время... С. 466.

[143] Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. С. 243. В.Г.Вовина-Лебедева возводит КО и НЛ к тому же источнику, что и ЕЛ (Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. С. 256).

[144] Сибирские летописи. С. 311; ПСРЛ. Т. 14. С. 33; Т. 36. С. 63, 72, 381. Ср.: С. 138. С.У.Ремезов, пользовавшийся особой разновидностью С, упомянул о гибели Ермака «на устье Вагаю и перекопи»; об этом писал и Г.Ф.Миллер, тоже обращавшийся (см.: Кузнецов Е.В. Сибирский летописец. С. 41) к С тобольской Софии (ПЛДР. Кн. 2. С. 562; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 251, 253).

[145] В этом С и той его разновидности, которая обычно считается первоначальной, неодинаково датируются сражение, предшествовавшее вступлению ермаковцев в Кашлык, и получение атаманом вести от бухарцев, побудившей его двинуться навстречу этим торговым людям.

[146] Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Предисловие // ТАД. С. 11. Оценка ЕЛ как первого официального памятника сибирского летописания (Книги старого Урала. Свердловск, 1989. С. 25) не бесспорна, поскольку «тетрадям» владычного дьяка предшествовало какое-то произведение, скорее всего тоже сложившееся в стенах архиерейского дома.

[147] Е.К.Ромодановская, перечисляя источники ЕЛ, НЛ не называет (Ромодановская Е.К. Есипов Савва. С. 316; ЛП. С. 361, 367, и др.).

Утверждение, будто С.В.Бахрушин считал начало НЛ протографом есиповской «Повести» (Наврот М.И. Окладная книга Сибири 1697 г. // ПИ. М., 1956. Т. 5. С. 190), неверно, выдающийся исследователь раннего сибирского летописания полагал, что и официальная «Книга...» конца 1620-х гг., и ЕЛ, и сочинение анонимного строгановского «историографа» зависят от Н, переданного ветеранами «Ермакового взятия» ханства Кучума первому тобольскому архиепископу Киприану (Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 21; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 461—462).

[148] ТАД. С. 93.

[149] См.: Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы... С. 142; Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири... С. 15; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 13, 21, и др.

Заметим, что в указанной книге Л.М.Горюшкина и Н.А.Миненко НЛ и ЕЛ сближаются в том отношении, что их авторы не допускали мысли о народной инициативе в «приобретении» Россией «Сибирского царства». Но в этих сочинениях почин зауральского похода как раз приписывается «ермаковым казакам».

[150] См.: Очерки. С. 30; Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Предисловие. С. 19, и др.

[151] Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод... С. 37—38. На взгляд М.Н.Сперанского, полагавшего, что изложение событий доведено в ЕЛ до 1584 г., софийский дьяк располагал материалом и для описания последующих, но не использовал его в силу «цели и плана» произведения (Сперанский М.Н. Повесть... С. 25, 26).

[152] ПСРЛ. Т. 36. С. 42, 51, 64, 69, 70, 380. Ср.: С. 68. Примеч. 58.

[153] Там же. С. 65—66. Ср.: С. 139; Ромодановская Е.К. Погодинский летописец... С. 38; ЛП. С. 368.

[154] Резун Д.Я. Очерки истории изучения... С. 36.

[155] См.: Солодкин Я.Г. Когда Тобольск стал «стольным градом» Сибири? // Земля Тюменская: ЕТОКМ: 2002. Тюмень, 2003. Вып. 16. С. 98—103.

[156] ПСРЛ. Т. 36. С. 68, 70, 72.

[157] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 280, 281; Она же. Русская литература на пороге нового времени... С. 56. Ср.: Сергеев В.И. У истоков... С. 50—51.

[158] См.: Сибирские летописи. С. 43, 44, 310; ПСРЛ. Т. 14. С. 33, 42, 43, 51; Т. 34. С. 195; Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 231; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 80; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 51—52; ПДС. СПб., 1851. Т. 1. Стлб. 1042. 1073, 1121; Т. 2. Стлб. 664; Сб. РИО. Т. 38. С. 297, 378—379; Там же. СПб., 1910. Т. 129. С. 415, 463, 508; Там же. М., 1913. Т. 142. С. 526; Белокуров С.А. Сношения... Вып.1. С. 27, 98, 279, 341, 439; Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 2. Вып. 1. С. 33; Посольская книга по связям России с Англией 1613—1614 гг. М., 1979. С. 130; Разрядная книга 1475—1605. Т. 3. Ч. 2. С. 75, и др.

[159] Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 396; История русской литературы. Т. 2. Ч. 2. С. 94.

[160] См., напр.: Сербина К.Н. «Книга Большого чертежа» и ее редакции // ИЗ. Кн. 14. С. 134; Она же. Источники Книги Большого Чертежа // Там же. М., 1947. Кн. 23. С. 299, 304—305; Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. С. 26, 28—29.

[161] Примем во внимание и то, что один из списков ЕЛ появился в 1663 г. в Тобольске. См.: /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 7. Г.Ф.Миллеру списки ЕЛ встречались в Сибири едва ли не повсеместно.

[162] Наврот М.И. Окладная книга Сибири 1697 г. С. 190. Под «летописцем», содержащим «степень» Федора Ивановича (см., напр.: Поленов Д. О летописях, изданных от Св. Синода. СПб., 1864. С. 10, 27; Козлов В.П. Кружок А.И.Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988. С. 112—113, 258), можно понимать

НЛ с предшествующей ему в Никоновской редакции Повестью о Федоре Ивановиче. См.: Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. С. 153, 158, 162, 185. Примеч.

[163] См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 475.

[164] См.: Преображенский А.А. У истоков народной историографической традиции... С. 382.

[165] В челобитной тюменского конного казака Г.Иванова (1622/23 г.) идет речь о его участии в сооружении Тюмени при В.Сукине и Тобольска под началом Д.Чулкова. В 1621 г. служилые люди Березова говорили о «поставлении» этого города 28 лет тому назад (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 447; ТАД. С. 183). Ср.: РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стлб. 349—350.

[166] См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 138, 139, 189, 190, 258, 259, 315, 345, 368.

[167] История Урала... С. 237; Резун Д.Я. Родословие... С. 236. Ср.: С. 16—17.

[168] См.: Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы... С. 82. Примеч. 4; С. 93; Очерки. С. 74. Примеч. 95; С. 75.

[169] Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII век). С. 129.

[170] Бахрушин С.В. Г.Ф.Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 48.

[171] Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы... С. 121; Мирзоев В.Г. Историография Сибири (Домарксистский период). С. 23; Очерки. С. 48; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 17.

[172] Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 211. Примеч. 97; Он же. Соратники Ермака... С. 73—75.

[173] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 68, 180, 227, 234, 243; Она же. Черкас Александров. С. 227, 228, и др.

[174] Дворецкая Н.А. Официальная и фольклорная оценка... С. 330; Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. С. 251, 371. Ср.: Яковлева А.М. Отечественная историография... С. 14.

[175] История казачества азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1. С. 235.

[176] Сперанский М.Н. Повесть... С. 25. Ср.: Устюгов Н.В. Научное наследие. С. 105.

[177] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 226—227.

[178] Резун Д.Я. Родословие... С. 236.

[179] ТАД. С. 241.

[180] Фролов Н.К. У истоков русского духовного наследия... С. 115; Он же. Русская письменность в Тюменском Приобье... С. 7.

[181] Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 32—33, 219.

[182] ПСРЛ. Т. 36. С. 42, 72.

[183] ЛП. С. 361; Соболева Л.С. Есипов Савва // Большая Тюменская Энциклопедия. Тюмень, 2004. Т. 1. С. 433.

[184] Очерки. С. 37—38.

[185] Бахрушин С.В. Науч. труды. Т. 3. Ч. 1. С. 29.

[186] Сергеев В.И. У истоков... С. 50—51, 59, 60.

[187] Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 35, 36, 54, 154, 225.

[188] ПСРЛ. Т. 36. С. 46, 59, 61, 63—65.

[189] Никитин Н.И. Тобольская «литва» в XVII в. // Город и горожане России в XVII — первой половине XIX в. М., 1991. С. 69. Примеч. 5; Он же. Соратники Ермака... С. 65; Ромодановская Е.К. Черкас Александров. С. 228.

[190] /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 18; Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени... С. 56, и др.

[191] Преображенский А.А. Неизвестный автограф сибирского летописца Саввы Есипова // Советские архивы. 1983. № 2. С. 63.

[192] См.: Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа... М., 1895. Ч. 1. С. 57, 87, 170, 301, 303; ПСРЛ. Т. 36. С. 98, 146, 147, 194, 261, 370; ЛП. С. 280, 281, 390, и др.

[193] Очерки. С. 67. Ср.: Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 107. По мнению А.С.Мыльникова, возможно, к «итальянским» параллелям Есипов прибегнул с помощью иностранцев, оказавшихся в Сибири после Смуты (Мыльников А.С. Итальянские параллели Саввы Есипова: К вопросу о вариантах римской темы в русской научной мысли XVI—XVII веков // Семен Ремезов... С. 150). Но говоря, что «Италия нарицаетца от Итала некоего», софийский дьяк прямо ссылается на «кроннику латынскую». Как показано Е.К.Ромодановской, образцом для соответствующих строк ЕЛ явилась 107-я глава Хронографа Русского (ЛП. С. 364).

[194] Ромодановская Е.К. Сибирское летописание... С. 141; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 153. Ср.: С. 217; Шашков А.Т. Погодинский летописец... С. 136.

[195] Сергеев В.И. Источники и пути исследования... С. 21; Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. М., 1982. Вып. 2. С. 203.

[196] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 338. Ср.: С. 326, 329—330, 333, 334, 405, 411. Происхождение открывающей С даты «Сибирского взятия» можно объяснить и иначе. В помяннике утверждается, что экспедиция, закончившаяся с гибелью Ермака, продолжалась четыре года, а на последний из них, как допускал составитель, приходится смерть Грозного (о времени которой сообщалось, например, в кратких летописцах, Повести о Федоре Ивановиче, надгробии первого московского царя из Архангельского собора, см.: Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями... С. 214; Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 50. Примеч. 52; РГБ. Ф. 236. № 31. Л. 206, и др.). В таком случае зауральский поход казаков начался именно в 7089 г., в следующем они воевали по Иртышу и Оби, год спустя Карача перебил отряд И.Кольца. Смерть Ивана IV и гибель Ермака отнесены к 7092 г. в КЗ (18 марта и 5 августа соответственно). В ПЛ этим годом датируются прибытие в Москву И.Киреева с царевичем Маметкулом и вступление на трон Федора Ивановича (ПСРЛ. Т. 36. С. 135, 138).

Заметим, что в С-1 бой под Чувашевым датируется 26 октября, тогда как в С-2 и ЕЛ — 23 октября; к 26 октября там и в Ремезовской летописи приурочено вступление ермаковцев в город Сибирь (хотя в изложении Есипова выходит, что казаки очутились в Кашлыке на следующий день после победы над кучумлянами). 26 октября, как подчеркнуто в ЕЛ и ее переработках,— это день Димитрия Солунского (Сибирские летописи. С. 23, 25; ПСРЛ. Т. 36. С. 56, 72. Примеч. 40; С. 79, 84, 93, 111, 122, 132, 182, 243, 307, 361. Ср.: С. 74; Алексеев В.Н. Новонайденная икона С.У.Ремезова «София Премудрость Божия» из Тобольского

Успенского Софийского собора // Семен Ремезов... С. 111, 113). К 23 октября, когда отмечалась память святого Иакова (Якова) (Сибирские летописи. С. 23; ПСРЛ. Т. 36. С. 131), сражение под Чувашевым могло быть отнесено Есиповым под влиянием рассказов ветеранов похода. Гибель казаков близ Абалака 5 декабря (если верить Ремезову, это случилось месяцем прежде), не исключено, датирована потому, что на него приходился Николин день (осенний или зимний), да и к тому моменту со времени боя у Чувашева прошло 40 дней. Ермак погиб, согласно С-1 и Ремезовской летописи, 6 августа (по С-2, ЕЛ и ее переработкам,— 5 августа), как читаем в Абрамовском виде ЕЛ, на Преображение Иисуса Христа (ПСРЛ. Т. 36. С. 96). Возможно, смещение даты смерти «наставника» казаков в С-2 и ЕЛ — тоже следствие расспросов владычным дьяком участников знаменитой экспедиции.

О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

(ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Вскоре после учреждения архиепископии с центром в Тобольске, между 1621/22 (когда, видимо, появился С) и началом осени 1636 (тогда владычный дьяк Савва Есипов завершил работу над Основной редакцией «Повести о Сибири и о сибирском взятии») годов, в новом «царстве» московских государей, прежде подвластном Кучуму, зародилась летописная традиция. (Утверждение, будто это случилось в конце первой четверти XVII в.[1], неточно. Мысль же о возникновении особой ветви русского летописания в 1636—1640 гг., когда во главе Тобольского архиерейского дома находился «пустынник» Нектарий[2], представляется маловероятной, поскольку Есипов, по его признанию, лишь «распространил» какое-то сочинение о завоевании казачьей «дружиной» «Сибирстей земли»).

Ранние сибирские летописи считаются «первой серьезной попыткой местного самосознания понять и оценить присоединение» «Закаменьской страны» к России «в наиболее традиционной, типичной для этой цели форме». Так, в глазах Есипова «взятие» ермаковцами «Кучумова юрта» было предопределено свыше; подчиняя «нечестивых» православному царю, отряд казаков выполнял божественную миссию. Дьяк трех кряду тобольских архиепископов стремился запечатлеть становление христианства в самых отдаленных владениях московских государей. Недаром он обещал рассказать о чудесах Богородицы, «иде же содеяшася во дни и р[о]да наша», т.е. явлениях вдове Марии Абалацкой иконы[3]. Кстати, еще в послесловии к Триоди Цветной 1591 г. в числе «новопросвещенных земель» помимо Казани и Астрахани названа Сибирь, которая так же представлена в ЕЛ[4].

На взгляд В.Г.Мирзоева, первые сибирские книжники старались доказать правомерность похода Ермака, «идеологически утвердить» присоединение к России ханства Кучума. Есипов, думалось известному историографу, стремился прославить недавно учрежденную архиепископию, укрепить ее каноническую базу[5]. Последнее заключение сомнительно хотя бы потому, что ЕЛ,

как выяснено Е.К.Ромодановской, не может быть признано житием Ермака, а приведенный владычным дьяком С, даже если причислять этот «помянник» к агиографической литературе, вторичен относительно известной с 1970 г. другой разновидности перечня атаманов и казаков, павших в боях с «погаными». О создании же тобольской владычной кафедры в ЕЛ лишь упоминается (подобно СЛ и Пискаревскому летописцу).

Е.К.Ромодановской начало сибирского летописания кажется следствием признания особого места зауральских уездов в составе Российского государства[6]. Думается, исследовательница не избежала преувеличения. В оценке Д.С.Лихачева даже в русской литературе эпохи феодальной раздробленности не обнаруживается стремления к самостоятельности и замкнутости в рамках отдельных земель, проявления сепаратизма, налицо единообразие нравственных идеалов и политических тенденций[7]. В С, ставшем источником ЕЛ, «Сибирское взятие» приурочено к «самодержавству» Ивана IV, желая «послужити» которому, вольные казаки якобы и двинулись за Урал. Именно «праведною молитвою ко всещедрому Богу и счастием» Грозного, оказывается, было покорено еще одно татарское ханство. Об этом сказано и в ЕЛ, где говорится также о сеунчиках, отправленных в Москву Ермаком, «посылке» туда Маметкула, появлении в Сибири государевых воевод, основании ими Обского городка, Тюмени и Тобольска, учреждении при Михаиле Федоровиче сибирской архиепископии, т.е. присоединение к державе Ивана Васильевича и его преемника новой страны рассматривается в русле событий российской истории, тем более, что этот «юрт», оказывается, был завоеван «руским полком» ради утверждения здесь христианской веры (давно восторжествовавшей в европейской части Московского царства). К тому же летописи велись в окружении далеко не каждого владыки. Так, в нашем распоряжении нет сведений о произведениях в форме повременных записей, которые в первой половине «бунташного века» вышли из резиденций казанского и ростовского митрополитов. Своеобразие же Сибири как «далечайшей государевой вотчины» (при том, что там, подобно «Руси», возникли города, села и деревни, были выстроены церкви, появились воеводы, а «на житье» — «литва и немцы») отмечалось еще в дипломатической документации рубежа XVI—XVII столетий[8].

В то время Сибирь называлась и царством (государством)[9], а с 1599 г. существовал разряд с центром в Тобольске — первый в России.

Н.А.Миненко считает, что в ЕЛ действия ермаковцев по распространению христианства за «Камнем» отождествлены со становлением тут царской власти[10]. Точнее, речь должна идти не о насаждении казаками православия, а подчинении ими местных жителей русскому государю. Как читаем в ЕЛ, победив Кучума, прославленный атаман и его сподвижники под «царскую высокую руку привели многих ... иноземцов»[11].

Со ссылкой на старшую рукопись Ремезовской летописи некоторые исследователи полагают, что «Повесть...» Есипова возникла в связи с установлением Михаилом Федоровичем, Филаретом и освященным собором 16 февраля 1636 г. общерусского прославления Ермака (ранее предводитель знаменитой экспедиции и его соратники поминались только в Софийском соборе «первоимянитого града» Сибири)[12]. Однако другие источники, включая ЕЛ, не подтверждают версию о том, что с поставлением Нектария в Тобольск культ «велеумнаго» атамана вышел за пределы нового «царства» московских самодержцев. Повторим также, что «Истории» С.У.Ремезова свойственно обилие анахронизмов, а в 1636 г. патриархом «всея Руси» являлся не Филарет, а Иоасаф.

Изображение Ермака и его сподвижников в С (составленном по инициативе «первопрестолъника» Киприана, едва ли с санкции «великих государей») и ЕЛ христианскими просветителями края, ставшего вскоре восточной окраиной Московского царства[13], свидетельствует о том, что зарождение летописной традиции в стенах тобольского Софийского дома определялось прежде всего его собственными потребностями. Православие в «Сибирстей стране» утверждалось не без труда, в том числе среди «приборного» люда, и пример атаманов и казаков, одолевших «бусурманского» хана, мог произвести соответствующее впечатление на их потомков и тех, кто нес государеву службу вместе с ними. В ЕЛ подчеркнута и роль Ивана Грозного, его преемника Федора, ряда воевод и письменного головы Д.Чулкова в закреплении за «российским скипетродержавством» новых «землиц», что в условиях, когда взаимоотношения местных властей и «войска» были далеко

не идиллическими, показалось, как думается, «слогателю» «Повести...» вполне оправданным. Наконец, описание перипетий «взятия» «Сибирского царства» заметно обогащало здешнюю книжную традицию, духовную культуру вообще, а на одном из ранних этапов русской колонизации обширного края это обстоятельство тобольским «первосвятителям», видимо, представлялось немаловажным.

Примечания

[1] Иловайский Д. Царская Русь. М., 2002. С. 687. Нуждается в оговорках и утверждение, будто официальное сибирское летописание велось с 1620-х гг. (Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы... С. 119).

[2] Ромодановская Е.К. Нектарий. С. 375; ТАД. С. 244; ЛП. С. 388. Ср.: Яковлева А.М. Есиповская летопись... С. 66.

[3] /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 3, 6; ЛП. С. 361, 363.

[4] Новосадский И.В. Возникновение печатной книги в России в XVI в. // Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935. С. 46; ПСРЛ. Т. 36. С. 72. Ср.: С. 189, 314, 368.

[5] Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири... С. 108, 109, 112, 120.

[6] Ромодановская Е.К. Избр. труды... С. 100—101; Она же. Русская литература... С. 14. Примеч. 5.

[7] Лихачев Д.С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы. М., 2004. С. 64—69, 84.

[8] См.: Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... С. 48—53; ПДС. Т. 1. Стлб. 1042, 1073, 1121—1122; Т. 2. Стлб. 466. 989; Белокуров С.А. Сношения... Вып. 1. С. 27, 98, 279, 341; Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. М., 1969. Т. 1. С. 65, и др.

По наблюдениям А.В.Лаврентьева, в государевом титуле Сибирь с 1599 г. именуется царством и перемещается на одно из первых мест (хотя, заметим, не всегда третье, как утверждает исследователь, а порой пятое или шестое, см., напр.: Акты времени Лжедмитрия I-го (1603—1606 гг.) / Под ред. Н.В.Рождественского // ЧОИДР. 1918. Кн. 1. С. 11, 19, 21, 189. Ср.: С. 45, 59, 60, 77). В конце «самодержавства» Бориса Годунова для московских венценосцев была изготовлена в Империи и «шапка сибирская». См.: Лаврентьев А.В. Царевич — царь — цесарь... С. 184—187. Ср.: С. 14, 21, 22, 64—65.

[9] См., напр.: ПДС. Т. 2. Стлб. 989; Лыжин Н.П. Столбовский мир и переговоры ему предшествовавшие. СПб., 1857. С. 77; Сб. РИО. Т. 38. С. 378; Т. 137. С. 117, 277; Белокуров С.А. Сношения... Вып. 1. С. 27, 98, 279; ТАД. С. 152.

[10] Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири... С. 16.

[11] ПСРЛ. Т. 36. С. 57—58.

[12] Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 20; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 485—486. Ср.: С. 461; Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири... С. 111; Он же. Историография Сибири (Домарксистский период).

С. 24; Сергеев В.И. Сибирские летописи. Стлб. 823. В другом списке Ремезовской летописи «уставлеиие» «поминовения вселенского» Ермака «на Москве» при Нектарии явно ошибочно приурочено к 1600/01 г. (Сибирские летописи. С. 353. Примеч.).

[13] Однако, как недавно констатировала Л.И.Шерстова, намерение канонизировать боровшегося против «басурман» Ермака оказалось безуспешным (Шерстова Л.И. Русские и аборигены Южной Сибири: евразийская основа контактов // Сибирский плавильный котел: Социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века. Новосибирск, 2004. С. 62).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ	Вопросы истории
ЛП	Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К.Ромодановская и О.Д.Журавель. Новосибирск, 2001
Очерки	Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Новосибирск, 1982. Т. 1
ПЛДР	Памятники литературы Древней Руси
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
СККДР	Словарь книжников и книжности Древней Руси
ТАД	Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. Новосибирск, 1994
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава 1
«НАПИСАНИЕ» ВЕТЕРАНОВ «СИБИРСКОГО ВЗЯТИЯ» И ПОГОДИНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ 9

Глава 2
СИНОДИК «ЕРМАКОВЫМ КАЗАКАМ». КИПРИАН СТАРОРУШАНИН И ЗАРОЖДЕНИЕ СИБИРСКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ 36

Глава 3
СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЕСИПОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ 61

О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ) 103

Список сокращений 108

602

Научное издание

Солодкин Яков Григорьевич

ЗАРОЖДЕНИЕ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Монография

Редактор *Н.В.Титова*
Художник обложки *М.В.Исаева*
Компьютерная верстка *А.З.Насибуллиной*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 30.05.2005
Формат 60×84 1/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 7
Тираж 500 экз. Заказ 141

Издательство Нижневартовского педагогического института
628615, Тюменская область, г.Нижневартовск, ул.Дзержинского, 13

Отпечатано в Издательстве
Нижневартовского педагогического института
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: ngpipuc@nvartovsk.wsnet.ru

BIC MIZHNEVARTOVSK
1931441060